

ВЗГЛЯД

13-Й АСПЕКТ
ПОНИМАНИЯ

ВО

«ВНЕ»

А Д Е Р И Х И Н Р О М А Н

16+

Роман Николаевич Адерихин

Взгляд во вне. 13- й аспект понимания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57901519

SelfPub; 2020

Аннотация

Мы всегда думаем, что понимаем, при этом обходя стороной вопрос о том, что значит понимать и быть понятым. Что значит думать? Что значит осознавать? Как выявить проявление актов понимания? Понимать, думать, что понимаешь, мыслить, осознавать факт наличия осознания суть разные вещи в акте понимания того, что все эти процессы из себя представляют. Со всей ответственностью можно заявить, что в этой книге нет того, что "вам необходимо"; готовых ответов на вопросы, "что такое мозг", как он "работает" и "работает ли вообще", "правильно" ли мы воспринимаем "окружающий мир" и "нас в нем". Нет и того, как "найти самого себя в этой жизни", "что необходимо", будет ли это "вам интересно или нет"...., она вообще не то, что "можно" о ней "думать". Это произведение не будет льстить вашему самомнению или ожиданиям быстро открыть для себя знание, которым не обладают другие, в ней есть лишь то, что можно взять себе "на вооружение" для акта собственного рассуждения о вещах, вас интересующих, не более того.

Содержание

Часть I	10
Предисловие	10
Взгляд во «вне». 13-й аспект понимания	24
Второй аспект: Достаточность или степень заинтересованности. Матричный алгоритм действия мышления	28
Первый аспект: «Различение» сущего, «сущее» различие	35
Третий аспект: Дихотомичность «векторности» акта восприятия	48
Шестой аспект: Понимание в отсутствии акта «понимания»	56
Четвертый аспект: Постановка вопроса о «матричности» и ее влияния на акт восприятия и объяснения	70
Пятый аспект: Ментальная точка опоры	76
Седьмой аспект: Соотношение «несоотносимого». Введение в проблему взаимодействия подразумеваемых состояний	97
I. Понятие и восприятие	97
II. Характеристики акта восприятия	108
III. Точка зрения	112
IV. Предположение и подразумеваемое как	120

фактор «определимости» актов восприятия и понимания	
V. Ошибочность и произвольность	159
VI. Уникальность	167
Восьмой аспект: Взаимодействия	176
I. Раскрытие понятия взаимодействия	177
II. Первоначальная информационная посылка взаимодействий	191
III. Проблемные вопросы взаимодействий	199
IV. Парадоксы взаимодействий	207
Девятый аспект. Удовлетворённость в рамках актов объяснения и понимания	215
§ Фактор ценности в рамках удовлетворенности восприятием	248
Десятый аспект: Структура «вопросности» или ожидание ответа в акте объяснения	267
Одиннадцатый аспект: Матричность	280
Введение	307
Конец ознакомительного фрагмента.	311

Как бы быстро вы ни бежали, от своих ног не убежишь
Автор¹

Начиная говорить об акте понимания, мы вынуждены опираться на тот факт, что вы уже знаете, «*понимаете*», что это такое, еще до того, как мы начнем объяснять, «*что это такое*», так как если предположить, что вы не знаете ответа на данный вопрос, то как вы в принципе в «*состоянии*» это воспринять?

Вопрос: Какой смысл в объяснении того, что мы уже и так знаем?

Мы постоянно вынужденно говорим о том, что есть в курсе понимания того, о чем идет речь. Тому пример все то, что мы воспринимаем и посредством чего реализуем акт этого восприятия: книги, фильмы, газеты и т. п. информационные составляющие.

Вопрос состоит в том, зачем описывать то, что понятно, и почему все же то, что понятно, нуждается в постоянном уточнении относительно степени выражения своей «понятности»?

Каждый раз мы вынуждены опираться на то, что мы именовываем в качестве акта понимания. *Вопрос, интересующий нас, состоит в том, что такое «это понимание»?*

Любой вид знания, равно как и акт восприятия, действует

¹ Далее понятием «*Автор*» мы будем выражать наши собственные мысли.

по принципу наличия «взгляда», «теории» и обычно звучит следующим образом: «каждая гипотеза пытается определить...», или «каждая теория пытается объяснить...» и т. п. относительно того или иного исследуемого явления нашего мира, от пристального изучения своего носа перед зеркалом до анализа математических вычислений в квантовой механике.

Мы никак не можем понять, что именно «каждая» или «каждая из» них определяет нечто в качестве такового, и это бесспорный факт. Вопрос в том, что мы хотим или ожидаем увидеть посредством применения «множества» по отношению к категории «каждый»? Мы хотим создать множество этой «каждости», тогда как она, по своей сути, не есть выразитель «множества», но есть «отдельность», то есть «каждость».

«Каждое из» является истинным по отношению к единичности фиксируемого им положения и в то же самое время не может являться истинным для «каждого» иного «каждого» в отдельности, так как «каждое» иное уже есть выразитель своей собственной «уникальности», за что мы его и ценим, более того, посредством чего мы все существуем и развиваемся в том мире, в котором живем.

«Каждый из» является неистинным в смысле выражения его сущности (каждости).

Вопрос: как же тогда определить истинность, или ту нить, которая зовётся тождественным актом понимания?

Пусть не переживают те, кто перед прочтением того или иного произведения со страхом подсчитывают количество страниц, с которыми им предстоит *«сражаться»*. Это произведение не из серии тех, которые с необходимостью нужно прочесть от *«корки»* и до *«корки»*, вы можете начать и с конца и ничего не потеряете, лишь только предварительно договоримся о том, что он (*конец*) будет *«в низу»* произведения, и это важно.

Понимание настолько банально, что порой кажется достаточно легко определить его сущность, в то время как при ближайшем рассмотрении, ступая семимильными шагами в направлении очередного *«сакрального»* знания о нем, вы *«споткнетесь»*, упадете в *«кроличью нору»* и покатитесь по склону бесконечных парадоксов, очевидности *«сложного»*, софистичности *«тривиального»*, докатитесь до абсурда *«невозможного»* и в то же самое время *«различимого»* в ясности акта своего созерцания, как чистое небо в теплый летний день.

Все это произойдет при полном отсутствии и тщетности ваших стараний по объяснению самого феномена акта понимания, так как если вы готовы искренне разобраться в том, что такое есть *«разобраться»* и т. п. вещах, будьте готовы к тому, что вас может *«укачать»* и вы преждевременно покинете этот информационный поезд на ближайшей остановке.

Тот же, у кого хватит терпения и усердия промять подушку своего уютного кресла и добраться до конечного пункта,

без сомнения, не получит никакого конкретного вывода относительно затрагиваемой темы, однако получит нечто гораздо более важное, чем просто довольство тем, что он прочитал очередной труд, что, естественно, даст ему несколько снисходительных и похвальных «*одобрений*» со стороны его соратников, коллег или родственников, ведь «*объем страниц*» в его представлении равен «*объему*» того, что он знает, привык знать как мозг (знание), который, полагаем, давно уже должен был бы «*лопнуть*» в связи с объемом перелистанных страниц разного рода «*научно-популярной*» литературы (*посвящается тем, кто цитирует в своих социальных сетях Омара Хайяма и др., не задумываясь над тем, что очередную цитату этого и других философов написал вчера вечером его сосед по квартире*). При всем при этом он увидит перед собой поле для постановки «*вопросов*» относительно нечто его интересующего в том ракурсе, в котором, возможно, он никогда не подозревал его найти.

Ведь суть прочтения в размышлении и поиске своего собственного пути акта понимания «*понимания*», а не в том, чтобы успеть усвоить как можно «*больше*», что, как известно, ведет к тому, что можно и «*лопнуть*».

Несите багаж знаний в комфортном для вас количестве.

P.S.

С каких это пор «бестселлер» стал нечто, которое стоит прочитать? С каких это пор массовый товар стал нечто стоящим?

Не пытайтесь как можно быстрее прочитать книгу, постарайтесь ее «поразмьшлять».

Не будьте жадны до количества, будьте принципиальны в самостоятельности знания.

Часть I

Предисловие

Мне не хотелось бы сопоставлять собственные размышления с достижениями других философов. Написанное в этой книге ни в коей мере не притязает на новизну отдельно взятых формулировок; а то обстоятельство, что я не указываю источников, имеет простое объяснение: мне безразлично, размышлял ли прежде кто-либо

То, что высказано в данной работе, не претендует на степень научной достоверности и окончательности в разрешении поставленных перед ней вопросов. Парадокс заключается в том, что мы действительно не обольщаемся тем, чтобы читатель вник в суть данной книги, при четком осознании того, что реализация такого желания возможна лишь за счет того, чтобы он именно *вник* в ее суть.

Она не обязует анализировать, мыслить, делать выводы или принимать определённые положения, она лишь констатирует факт отсутствия у вас возможности попробовать сделать нечто *«иначе»*.

² **Людвиг Витгенштейн.** Логико-философский трактат. *Электронный ресурс // Litmir.me: электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=610899&p=1>. (дата обращения: 23.06.2015).*

³ **Людвиг Йозеф Йоганн Витгенштейн** (нем. Ludwig Josef Johann Wittgenstein; 26 апреля 1889, Вена – 29 апреля 1951, Кембридж) – австрийский философ и логик, представитель аналитической философии, один из крупнейших философов XX века. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Витгенштейн,_Людвиг (дата обращения: 23.06.2015).* **Примечание:** Ссылки на электронный ресурс из «Википедии» и некоторых других источников, в силу их «сомнительной» репутации относительно степени достоверности фактов, в них изложенных, в дальнейшем будут использоваться исключительно для приведения «общеобразовательной» информации относительно кратких и общеизвестных библиографических и иных сведений, которые носят характер «давно известных», и не вызывают никакого сомнения с точки зрения акта их достоверности.

Попробуйте сделать вывод безотносительно какого-либо умозаключения, выразить мысль не мыслью в ее «известном» выражении.

Попробуйте избавиться от тенденции к действию, к размышлению, к умозаключениям и т. п., разбудите свою волю к выходу «за» пределы обыденного понимания всего, что вас окружает, и тогда вы увидите, что пришли именно туда, откуда так рьяно пытались сбежать.

Дело в том, что реальность предельна. Даже если бы она была выражена для нас, как, например, 2D картина или набор пикселей, с тремя цветовыми вариантами, она была бы «лучшее» и «предельное» из того, что мы могли бы воспринять.

Червяк, ползающий в сырой и холодной земле, недоумеает по поводу разговоров о его дискомфортном положении.

*** * ***

Объяснение степени выражения реальности не имеет смысла, так как «предельность» ее восприятия характеризуется и воспринимается не как предел, который можно двигать дальше или ближе, но как инвариантная невозможность, которая независима от мысленных передвиже-

ний предела все той же реальности.

Информация, содержащаяся в данной книге, безусловно, может и должна быть опровергнута методами и достижениями современной науки и философии, но не потому что нечто, изложенное в ней, воспринимается как правильное, истинное или неправильное, неистинное, а потому что суть «*опровержение*» выражается как таковое, в виде «*опровержения*» с его инвариантной характеристикой «*опровержимости*», по отношению ко всему, что оно призвано опровергать. Конечно, его можно «*поименовать*» «*по – другому*», где, однако, «*другое*» все так же известно и, следовательно, уже не является в вашем восприятии нечто «*новым*» по отношению к тому, что вы хотите или желаете опровергнуть.

Опровергать можно лишь то, что поддаётся такому опровержению, то есть нечто «познанное» как нечто. Дело необходимости и времени, когда вы захотите подвергнуть его критике.

Следует отметить, что на сегодняшний день, как никогда до этого, размножились тысячи околонуточных и скорее спец-эффектно-шокирующих «*открытий*» относительно того, что «*мир не существует*», что «*мы на самом деле не люди*», что «*реальность это сон*», «*матрица*», «*Бог умер*», «*как разбудить свой мозг*», «*как стать счастливым*», а также различные *тренинги, методики, курсы* и т. п., которые подобны вспышкам пороха, что улетучиваются так же быстро, как и вспыхивают перед лицом «*размышляющего*» чита-

теля. Данная книга отнюдь не об этом. В ней не изложены этапы и рекомендации по достижению счастья, мудрости и т. п. «желанных» целей, которые моментально и, конечно же, навсегда изменят вашу жизнь «к лучшему». Эта книга скорее *предложение к рассуждению*, она призывает поразмыслить вам самим на разные темы, в частности и о том, что такое в вашем понимании есть «лучше» и так ли оно вам необходимо и желанно с точки зрения понимания сущности такого рода желаний, выраженного в его необходимости.

Лучшее, что у нас есть, – это способность осознавать осознание возможности к размышлению о том, что нас окружает.

Это произведение не из серии тех книг, которые можно прочитать «с наскока» или в течение одного вечера, в период вдохновения, выраженного желанием «почитать» нечто «умное» или полезное на ночь. Разочарование у такого рода читателя наступит достаточно быстро.

Ведь согласитесь, было бы неразумно надеяться прочитать и осознать за несколько часов в полной мере труд, писавшийся не один год.

Данная книга является отражением немалого кластера проблем, в том числе философских, которые порой не воспринимаются в качестве «проблемных». Допускаем, что вам потребуется не один вечер и тем более не пара часов умственного напряжения, чтобы вникнуть в суть того, о чем пойдет речь.

Пусть вас не пугает «нетрадиционность» изложения мысли как таковой, этот фактор не существенен.

В качестве положительного совета скажем, что не стоит реагировать на яркость вспышки, полезнее предпринять усилия по разведению костра, от которого можно согреться, на котором можно приготовить еду или вскипятить чай. Безусловно, для разведения огня требуется гораздо больше усилий, чем для мимолетной вспышки, однако от костра несравненно больше пользы.

* * *

Разница между размышлением и попыткой осознания этого размышления кроется в том, что во втором варианте вы будете обречены на осознание своего положения в лице других в абсолютно невыгодном свете, который характеризуется ощущением «бессильности» всего нашего когнитивного аппарата перед поставленной целью и ее раскрытием.

Вы спокойно размышляете на разные темы, с успехом делая определённые открытия, которые вписываются в логико-когнитивно-социальную модель восприятия того, о чем и что вы говорите. Другая ситуация происходит тогда, когда вы не делаете популярных открытий, затрагивая тему, которая находится за гранью того, где можно использовать те рационально-объяснительные инструменты и методы, выраженные в пояснении того, о чем говорится. Они просто не

работают, по крайней мере, так, как привыкли их воспринимать многие. Это рискованное занятие, однако полагаем, что все же лучше найти несколько размышляющих людей, чем увлечь глаза тысяч, заинтересованных вспышками спецэффектов.

Для непосвящённых в дебри науки и философии кратко можно сказать, что доводы «*научной рациональности*», с которой на сегодняшний день отождествляют «*истинную прагматичность мысли*» и всех ее достижений, сводятся к следующему: «*Что пользы, если вы грызете камень и искренне при этом воображаете и верите, что это яблоко?*».

Доводы:

Камень – не яблоко;

Представление – не сам предмет или явление;

Нельзя есть камни, так как они наносят вред и т. п.

Проблема, в том числе научной рациональности, что многое из того, что сказано, не отражает то, что написано и то, как это прочитано. Если вам сказать, что речь в приведенных доводах идет о пользе, то вы можете возразить, что она идет о *фрукте*, где истинным будет и положение о том, что речь в данном случае идет о *камнях*.⁴ Однако, как выяснится далее, «*на самом деле*» речь идет о некоем смысле, который не отражён, но вполне читаем интуитивно, что подтверждается тем, что вы его воспринимаете и с успехом сейчас прочитываете.

⁴ См. аспект «*Сигнальные понятия*».

Проблема в том, что все, что сказано, воспринимается «как о чем идет речь», имеет место быть – это *первый момент*;

Второй состоит в том, что подразумеваемые интуитивные расшифровки относительно смысла высказанного настолько же разнообразны в их форменной составляющей, как и сами форменные выражения этого смысла, в нашем примере: *польза, камень, яблоко и т. п.*

В связи с этим возникает вопрос: а как мы вообще при таком разнообразии образов подразумеваемого и выражаемого вовне понимаем друг друга и вообще «познаем понимание»?

Это центральный вопрос, который будет рассмотрен в данной работе, при этом мы не гарантируем, что все остальные затрагиваемые и сопутствующие вопросы не будут удостоены большего внимания с вашей стороны, чем тот, который мы обозначили в рамках *центрального*.

В конце концов «*центральность*» есть лишь обозначение того, что под ней можно подразумевать и понимать, и, конечно же, это не то, что вы уже сейчас подумали *об этом*, а именно, что центральный есть «*первый*», «*важный*», «*ключевой*», так как мы не говорили ни слова о «*важности*», «*первичности*» и т. п. «*подразумеваемостях*» понятия «*центральный*». При этом коммуникативная составляющая *акта понимания* такова, что мы при всем при этом друг друга поняли, хотя и не совсем еще «*до конца*», как выяснится далее,

по ходу рассмотрения положений и аспектов данной работы.

* * *

Что касается позиций по некоторым из аспектов того, о чем пойдет речь, то их можно выразить примерно следующим образом:

1. Любое утверждение в рамках рационализма неверно, неполно, размыто.

2. Кто стоит выше в иерархии: тот, кто дает, или тот, кто берет? Тот, кто дает, так как у него наверняка «больше», чем у того, кто берет. Рыба, которая отдает себя на корм акуле, таким образом, стоит выше в иерархии, чем сама акула. *Подразумеваемая интуиция.*

3. Как объяснить поведение горбатых китов, которые не раз были замечены в оказании необъяснимой, с точки зрения дарвинского понимания инстинкта самосохранения, помощи многим морским обитателям? В частности, они были замечены при защите морских котиков от касаток, людей от акул, других китов от прочих хищников и т. п.?

Интеллект – это не то, что мы желаем и хотим видеть путем сопоставления выражаемого поведения и его анализа в сравнении с нашими потенциальными интерпретациями такого рода поведения.

4. Почему «негативность» и «позитивность» относительно воспринятого, регулируют наши отношения и рас-

смаатриваются в качестве основы по отношению ко всему воспринимаемому?

Вы можете любить теорию и не любить практику и предпочитать практику теории или даже любить то и другое и не любить и то и другое, но не можете «не относиться» к этому в акте деятельности и направления «выбора», который инвариантно характеризуется и реализуется посредством «негативности», «предпочтительности» и «положительности».

5. Если одномоментно существует «разность», то отсутствует «сопряженность» и наоборот. Должны быть «различная сопряженность» или «сопряженность различия», где эти понятия при их взаимодействии, в их самостоятельной сущности перестают существовать или, по крайней мере, позиционировать себя как таковые.

Взаимодействие меняет структуру обоих, в результате чего появляется новая смысловая сущность.

6. Грусть сопряжена с утратой, а надежда сопряжена с осознанием отсутствия таковой. *Сопряженность* реализует нечто.

7. Сейчас есть вчера, завтра и сегодня применительно к *положению* высказанного.

8. Все, что думается, выражается, где выражение имеет свое место, при том, что мы не знаем места, но *ощущаем* его как таковое.

9. Предельность знания определена его пониманием в

рамках ощущения нечто как такового.

10. Еда подразумевает «едение», вода – «питье», падение – «падение», взлет – «взлет» и т. п.

11. Если мы напишем предложение, например: «*Это не кошка*», а затем скажем вам, чтобы вы не воспринимали это предложение как *отрицание*. Какова будет ваша реакция на то, как воспринимать такого рода утверждение?...

12. *Какой смысл в обмане зрения и иллюзиях, если мы понимаем их ложность?*

13. ...

P.S.

Насколько сложно понять сложную систему мира и насколько просто наслаждаться простотой его гениальности.

Дело не в сложности или простоте, дело в отношении

Автор

Если у вас возникнет вопрос по поводу немного нестандартного видового оформления данной книги, то это объясняется тем, что если писать произведение сплошным текстом, то в вашем восприятии нечто «*интересного*» и «*важного*» не будет ответного отклика, выраженного в «*остановке*», «*концентрации*» и «*размышлении*» над окончательным вариантом прочитанного, который выглядит как «*оконча-*

ние», «выделение», «итог», «конец» (априорная интуиция). Следовательно, необходимо, чтобы каждое предложение в произведении отражало суть самой книги, давая место собственным рассуждениям читателя над каждой ее строчкой, а не являлось чистым изложением мысли автора.

Развитие мысли изложено в книге. Вся книга есть не что иное, как самоподобная строчка предисловия.

* * *

В случае, если при прочтении данного произведения о нем поступит крайне негативный отзыв, скажем, что данные идеи не являются нашими собственными, но отражают мысли и исследования таких современных ученых, как:

Голд Джоэл, Элда Алан, О'Доннелл Джеймс Дж., Стейнхардт Пол, Готтчелл Джонатан, Рис Мартин Дж., Цайлингер Антон, Бернштейн Джеремии, Линде Андрей Дмитриевич, Дайсон Джордж, Сегре Джино, Дас Сатьяджит, Харари Хаим, Провайн Роберт, Банаджи Мазарин, Саполски Роберт, Девлин Кит, Талер Ричард, Харрис Джудит Рич, Спербер Дэн, Хэнд Кевин П., Саффо Пол, Пизарро Дэвид, Гарднер Ховард, Крейе Андриан, Буссо Рафаэл, Вайнштейн Эрик Р., Талейб Нассим Николас, Чиксентмихайи Михай, Зимбардо Филип, Кристакис Николас А., Карр Николас Дж., Смолин Ли, Шермер Майкл, Кларк Энди, Краусс Ло-

уренс М. М., Косслин Стивен М., Даймонд Джаред М и др.

И не современных:

Поль Риккер, Фридрих Карл фон Савиньи, Вильгельм Дильтей, Фридрих Шлейермахер, Фрэнсис Бэкон, Гуго Гроций, Генри А. Верклер, Жан Кальвин, Гельмгольц, И. Кант, Платон, Аристотель, Диоген, Дж. Беркли, Гераклит, Плотин, Фридрих Ницше, Карл Гюстаф Юнг, Эразм Роттердамский и др.

Безусловно, авторитет оправдания великими именами, пусть даже они не написали ни одной вразумительной мысли, сильно повлияет на характер вашего отношения к данному произведению, ведь в вашем понимании о нечто, о мире и его восприятии, безусловно, кроется, в той или иной степени «матричность»: «великий ученый-авторитет-достоверность знания и т. п.».

Ведь согласитесь, было бы немного странно и лукаво говорить о том, что можно не отреагировать на прикосновение руки по отношению к раскаленной плите, даже если вы стойко терпите эту ужасную боль с целью доказать обратное.

Таким образом, если данный труд с вашей стороны будет воспринят негативно, помните, что он написан под чутким «руководством» исследований великих ученых (*хоть это и не так*), которые порой затемняют здравый смысл, о чем мы также поговорим.

Пусть не смущаются те читатели, которые относят себя к категории «продвинутых» или достаточно осведомленных в научно-терминологическом плане, а также в историческом свете развития как науки, так и философии относительно ссылок на те термины, которые в определенных кругах носят достаточно известный характер.

Цель данного произведения не только высказать нечто существенное относительно тех или иных аспектов философского знания, но также в некотором роде популяризировать и донести до «обыденного» читателя хотя бы в какой-то степени то, чем занимается наука и философия на сегодняшний день, и какие вопросы они перед собой ставят.

И последнее: следует иметь в виду, что данное произведение является как бы введением в аспект проблем и их освещением, которыми мы будем заниматься на протяжении последующих лет, оно является в некотором роде базисным алгоритмом дальнейшей парадигмы развития мысли, поэтому не относитесь к нему со всей серьезностью степени выражения того, что вы понимаете под этой «серьезностью».

Взгляд во «вне». 13- й аспект понимания

Ничего не делать невозможно по причине того, что бездействие – это тоже действие только с отрицательным вектором.

Автор

Некая понятность бытия всякий раз уже входит во всякое наше восприятие сущего.

Фома Аквинский⁵

Выводы, «в смысле» заключения:

1. Акт восприятия, объяснения и понимания логически непоследователен и непредсказуем.
2. Понимание невозможно, понимание очевидно.
3. Понимание сложно и тривиально, в зависимости от того, на что вы обращаете внимание, на сложность или триви-

⁵ *Фомá Аквiнскiй* (иначе Фома Аквинат, Томас Аквинат, лат. Thomas Aquinas, итал. Tommaso d'Aquino; родился примерно в 1225, замок Рокказекка, близ Аквино – умер 9 марта 1274, монастырь Фоссануова, около Рима) – итальянский философ и теолог, канонизирован католической церковью как святой. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фома_Аквинский (дата обращения: 05.06.2015).*

альность.

4. Рамки данности являют собой алгоритм восприятия того, что «*есть*» в смысле невозможности выхода за «*возможное*».

5. Сложность тривиальности заключается в их «*взаимоисключительности*» и непредсказуемом проявлении.

6. Воспринимаемая многофакторность мира не может расцениваться как «*сложность*» или «*простота*».

7. Несоотносимые константы предстают в виде одного и того же механизма восприятия.

8. Сущности существенных признаков объектов с точки зрения фактора объяснения и понимания не существует.

9. Определение и знание, а также процесс их получения форменно и содержательно не соответствуют понятию углубления и расширения (*знаний*).

10. Различие и понимание происходит не на том уровне, что мы называем рациональным или научным, но с необходимостью воспринимается нами исключительно интуитивно.

11. Процесс познания и его определение есть акт чистой веры в его аксиоматическое основание, не имеющее ничего общего с восприятием и представлением.

12. Рамки научного знания равно пропорциональны рамкам веры в их существование.

... Уходя откуда-то, куда-то приходишь. Я перестану «*играть в игру*», как только вы перестанете кидать мне мяч.

14. «Дихотомичность» любого начинания предопределяет суть выбора, который характерен для лица размышляющего.

15. Объяснение и осознание обнаруживают себя в искажении первоначальной посылки по отношению к тому, что объясняется.

16. Искажение есть суть «инаковость», но не суть «раскрытие» сущности того, о чем говорится. «Инаковость» воспринимается как акт объяснения, возводимый в ранг понимания, но по сути таковым не являющийся по причине наличия «инаковости».

17. «Инаковость» предстает как вывод или итог, но в то же время она должна быть «для инаковости» и «для итога», который она представляет, в противном случае не было бы места итогу.

18. Понимание есть обратный процесс акта восприятия.

19. Понимание априорно.

20. Понимание понимаемо безотносительно актов, приписываемых пониманию.

21. Понимание инвариантно «*понимаемо*», по причине невозможности отображения того, что является причиной отображения.

22. Понимание постоянно ускользает от актов, ей приписываемых, то есть оно есть и реализуется не в том, что мы под ним понимаем.

23. Понимание безразлично по отношению к характе-

ристикам взаимодействия понятий в отношении алгоритма объяснения, оно может выражаться лишь по отношению к тому, что узнается или воспринимается безотносительно того, как это преподносится или объясняется.

24. Компонентная составляющая научного знания на сегодняшний день громоздка и разрушительна.⁶

*25. «Все прекрасно, как сон.
Сон придет и уйдет.
Наша жизнь – сон во сне...»*

Обата Акира

⁶ По этой теме смотри, например: Альфред Коржибски, Грегори Бейтсон, Э. Фромм и др.

Второй аспект: Достаточность или степень заинтересованности.

Матричный алгоритм действия мышления

Мы говорим, что не попали в быстро движущуюся мишень по причине того, что она быстра или что мы поздно на нее отреагировали, но не говорим, что это закономерность, выраженная в том, что выстрел есть выстрел, а скорость есть скорость, где реализация того, чтобы попасть, не сопряжена ни со скоростью, ни с реакцией; она связана с попаданием, которое не зависимо от вышеперечисленных характеристик, но зависимо от самого состояния, выраженного в «попасть».

Автор

Всего, что сказано выше, до этого момента, «**достаточно**» для того, чтобы вами были сделаны определенные выводы. «**Достаточность**» есть субъективное ощущение «**предельности**» акта восприятия, выраженного в «**понимании**» нечто конкретным образом, в определенный период времени.

«**Достаточность**» чаще всего можно встретить в виде выражения степени. В то же время, что есть степень? Например, истинность и ложность понятия зависит от степени лож-

ности ложного и степени истинности истинного. Степень не есть показатель, в данном случае истинности и ложности, но есть *«выразитель»* их воспринимаемой стороны *«для нас»*. Достаточность ведет к акту позиционирования себя как способного рефлексировать по отношению к любому внешнему или внутреннему источнику или объекту восприятия. Она является *«мерой дозволенного»* и *«предельного»* в акте восприятия и понимания. Последние в свою очередь действуют в рамках того, что *«есть»*, то есть нечто *«предельного»* в акте *«дозволенного восприятия»*.

Все, что «есть», невозможно для рационального склада мышления, в силу того что его нельзя объяснить, так как объяснение не суть «есть», а суть «вопросность по отношению к уже существующему».

В то же время *«есть»*, безусловно, необходимо и единственно возможно, с точки зрения его позиционирования по отношению к фактору объяснения акта нашего существования. Следовательно, воспринимать то, что *«есть»* – привилегия нашего существования во всем его многообразии и специфике реализации данного *«есть»* в различных формах человеческой активности.

Рассуждение и объяснение, выступающие в качестве методов и элементов нечто, которое мы зовем «поиск», не приводят к тому, что мы ожидаем от них получить путем их использования, а именно к истине «объяснения» всего, что нас окружает. Это происходит по причине того, что сама ис-

тина или все, что «*есть*», находятся «*вне*» рамок их восприятия как таковых, направленных на установление и определение их сущности, а также по причине их сущностной «*инаковости*» по отношению к указанным методам. Дело в том, что «*инаковость*» воспринимается лишь в непосредственной *очевидности* и *данности* сущего.

Следовательно, явственная истина очевидного противостоит запутанной неочевидности рассуждения, ее понимания и объяснения.

Скажете, парадокс? Не все так просто. Парадоксы удивления и концентрации внимания на чем-либо наталкивают на мысль о существовании некой *начальной субъективной импульсивности*, выражаемой затем в виде *форменной заинтересованности*.

Заинтересованность тривиальна с точки зрения заурядного читателя, которому достаточно сказать несколько нераспространённых фраз для того, чтобы вызвать ее. Да, они могут вызвать и отторжение, но *заинтересованность* принимает, к сожалению, помимо положительных явлений и форм, так же и их отрицательные эквиваленты, причем еще с большей охотой. *Пример заинтересованности лежит в предложении читателю нечто «неординарного» по отношению к устоявшемуся алгоритму ее ожиданий, сформировавшихся в опыте.*

Так, выводы (*итоги*), помещенные в «*начало*» нашего исследования, производят в вашем восприятии прочитанно-

го что называется «*неоднозначную*» реакцию с точки зрения многих *форменно-рефлексивных факторов, стилистических, логических, поведенческих, профессиональных, традиционных и т. п.*

«*Начальность*» (*априорная интуиция*)⁷ исследования предопределяет фактор вашего восприятия «*начальности*» как таковой и всех ее иллюстрационно-ассоциативных атрибутов, в частности таких, как «*первый*», «*старт*», «*рождение*» и т. п.

В то же самое время характеристика восприятия «*вывода*» в нашем «*привычном*» или «*матричном*» его восприятии коррелирует к нечто «*конечному*», или «*законченному*», или к «*концу*», или к «*итогу*», что не суть. Если рассматривать «*конечность*» с точки зрения прочтения данного произведения или вообще какого-либо иного произведения, то оно подразумевается или ассоциируется с «*нижней*», а не «*верхней*» частью страницы и фиксируется в вашем сознании в ви-

⁷ Далее необходимо выделять то, что мы назовем сущностями, выраженными как *априорные интуиции*: «*существенность*», «*понимаемость*», «*абстрактность*», «*конкретность*», «*факторность*», «*длительность*» и т. п., где есть их поименованный эквивалент, выраженный как «*существенный*», «*понимание*», «*абстрактный*», «*конкретный*», «*фактор*», «*длительный*», где поименованный эквивалент, например, категории «*существенный*», понимается в его поименовании как нечто «*существенное*» за счет его понимания как «*существенность*». Чтобы понять понимание, необходимо знать «*понимаемость*», для того чтобы использовать нечто, необходимо знать, что такое использование... Сущность и их особенности будут изложены далее более подробно. См. аспект «*Приложение: априорные интуиции*».

де алгоритма: (*верх* – начало, *низ* – конец (*априорная интуиция*)), при том, что мы четко осознаем и даем себе отчет в «*неопределенности*» того, где начинается «*верх*» и закачивается «*низ*» и «*что есть низ и что есть верх*».

Именно «**определённость**», «*выраженная*» в виде нечего, называемого «**ориентиром**», дает нам возможность в оценке происходящего, а также выступает интуитивно «*правильным*» и «*достоверным*», вне зависимости от того, что наше «*трезвое*», «*рациональное*» восприятие четко говорит о невозможности осмысленно охарактеризовать сущность самой **определенности**.

Парадокс в том, что при осознании сложности и в то же самое время тривиальной однобокости нашего взгляда на мир, мы все-таки воспринимаем нечто единично доступное нам и именно в том виде, в котором воспринимаем, хотя по логике вещей такого рода закономерность восприятия именно «*так*» и в «*таком спектре*» по отношению к многоаспектности выражения мира, скорее говорит либо о «*случайности*» восприятия, либо о намеренной целевой установке «*извне*» именно такого восприятия мира.

Ведь все, что есть, когнитивно-неопределенно.

«*Выводность*» и «*итоговость*» нечто воспринятого предопределяют неосознанный характер употребления «*привычности*», возведенной до степени слепой веры в определённую «*последовательность*», часто называемую «*порядком*», «*структурированностью*», «*последовательностью*»

или «механизмом» действия. Констатация «алгоритмичности» восприятия и акта понимания приводит нас к реализации некоей *последовательности* в том, что мы называем «действием». Выбор или его отсутствие в данном случае предстает лишь как бинарный алгоритм выражения нечего того, что есть форменная инвариантность того, что «*есть*». Мы «*есть*». Каждый акт, каждое действие, каждый посыл откликается в нас и существует для нас только при нашем присутствии.

Импульс «*первичности*» характеризует нечто начальное в отношении такой характеристики, как *развитие* и *движение*. Для восприятия нечего нам необходима опора в виде того, что нечего «*есть*», притом «*объяснение*» того, что есть, зачастую лишь подразумевает определённые его «*характеристики*» (например, *единичность*, *конечность*, *первоначальность*), возводимые в ранг самого объяснения, но представляющие на самом деле лишь как фактор «*возможного*» отражения механизма матричности восприятия в связи с бесконечным множеством альтернативных вариантов объяснения нечего воспринимаемого.⁸

«*Есть*», или «*существовать*», независимо от таких критериев его оценки, как первичность, вторичность, прогресс или регресс и т. п., должно быть самодостаточно, в смысле инвариантно воспринимаемо безотносительно того, как оно воспринимается в его поименованном эквиваленте и т. п. ал-

⁸ См. аспект «*Бесконечная вариативность сущего*».

ритмов восприятия человеком окружающей действительности.

В противном случае широта информационной составляющей подобных категорий наталкивается на признание «бессильности», «тупиковости», «конечности» нашего восприятия и его осознания по отношению к сущностному фактору их бесконечно потенциальных актов проявления.

Следовательно, они воспринимаются лишь в части, а в какой, есть суть вопрос ограниченности опыта каждого индивида, притом само «базовое» восприятие настолько хорошо нам известно и в то же время настолько туманно осознаваемо, что вопрос о возможности «банального» акта восприятия требует более глубокого анализа. Если постановка «вопроса» возможна в таком ракурсе и только в таком, как выяснится далее, то говорить о «необходимости причинности» нет смысла, так как без данных критериев человек невозможен как таковой.

Первый аспект: «Различение» сущего, «сущее» различие

*Мозг не есть разум, каковым его хочет
представить натурализм⁹
Маркус Габриэль¹⁰*

«Отсутствие» есть и характеризуется таким состоянием, как **«воздействие на нечто»**, которое невозможно не по причине его отсутствия как такового в смысле **«наличествования»**, а по причине невозможности формирования им обратной посылки воздействия (*ответной реакции*) на это нечто.

Если убрать нечто, то «воздействие на» отсутствие невозможно по причине невозможности самого воздействия и реализации его функционала, выраженного в воздействии.

Необходимо **«воздействие на»**, где в данном случае **«на»**

⁹ *Markus Gabriel*. I am Not a Brain, Philosophy of Mind for the 21st Century. Электронный ресурс // Play.google.com: Google play books. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=t682DwAAQBAJ&hl=ru&pg=GBS.PT15.w.1.0.0>.

¹⁰ *Маркус Габриэль* (родился 06 апреля 1980 года в городе Ремаген, Германия) – немецкий философ, профессор, преподаватель философии в Боннском университете. Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Markus_Gabriel (дата обращения: 05.03.2020).

будет направлена в «*никуда*», «*в ничто*». То есть функционал «*воздействия на*» будет отсутствовать по причине отсутствия аксиологической причинности в алгоритме воздействия как такового, а именно *восприятия*.

Следовательно, «*присутствие*» есть нечто, которое характеризуется «*наличествованием*» как таковым, то есть существующим, определяющим себя как существующий посредством восприятия, и «*неналичествованием*» как отрицательной характеристикой «*присутствия*».¹¹

«*Суть*», «*сущность*», «*существующее*» есть базовые алгоритмы созерцания, точки отправления акта восприятия, точки отправления мышления, которое по каким-то причинам отказывается констатировать и удовлетворяться тем, что дано, и всегда направлено (*предопределено*) к нечто, к выходу «*за*» привычный алгоритм понимания, воспринимая это «*за*» как «*истинную*» *реальность*.

Прежде чем продолжить далее, поставим вопрос: *можно ли вообще утверждать что-либо по поводу таких категорий, как существующее и несуществующее?* Если убрать сам факт восприятия, то нецелесообразно утверждать о несуществующем, однако следует утверждать о невоспринимаемом, что, однако, говорит о наличии возможности фиксации различия между воспринимаемым и невоспринимаемым, одна-

¹¹ См. аспект «*Отрицательность целого, утвердительность конкретного, отрицательность конкретного, утвердительность целого. Проблема взаимодействия подразумеваемых состояний абстракции*».

ко лишь в контексте гипотетической возможности существования невоспринимаемого за счет того, что воспринимается.

Следовательно, как можно видеть, объяснение нечто воспринимаемого возможно в рамках невоспринимаемого и только за счет его возводимого в ранг объяснения. Следовательно, если не вообразить «*невоспринимаемое*», нельзя говорить о воспринимаемом, но в то же время можно говорить о «данном», где *объяснение* есть суть челночная последовательность смены антагонистических состояний, которые суть «*есть*». Фиксация же самого различия воспринимаемого возможна в рамках воспринимаемого и невозможна вне его рамок, следовательно, «*различие*» есть фактор восприятия. Факторы восприятия в рамках различия составляют нечто окружающее нас, все, что есть: культуру, общество и т. п. Это все есть факторы проявления восприятия «*различия*» как такового, точнее, его форменная реализация, выступающая как «*нечто иное*» в отношении акта восприятия. Оно воспринимаемо как нечто иное в том смысле, что оно отлично от всего остального, что воспринимается, но не своей сущностью, а лишь в отношении его восприятия как нечто «*иного*». ¹² Как оно есть, мы узнаем, лишь воспринимая, что оно «*не есть*», как и все остальное по той же причине, а именно по причине *восприятия единичности различия*, а не созерцания тождества в его многообразных формах проявления.

¹² См. аспект «*Бесконечная вариативность сущего*».

Если мы видим свет и никогда не видели темноты, а свет воспринимается за счет наличия темноты, которую рассеивает свет, то тьма есть суть восприятия «в нас», (акт нашего внутреннего восприятия), выраженное в восприятии степени света по отношению к темноте. Если бы мы не знали темноты, то как можно было бы воспринять свет?

Тьма есть выражение степени присутствия или отсутствия света.

То есть определить сущность «каждого нечего» без его отличия «от чего-то» невозможно в силу характеристики «восприятия», которое возможно лишь на основе «разности», а не в видении единства или целостности. Под целостностью мы понимаем восприятие окружающей действительности в том виде, в котором она воспринимается.

Восприятие конкретно единично, понимание абсолютно.

* * *

Мы различаем «что-то» с «чем-то» по наличию или отсутствию у «того» или «иного» «чего-то». То есть в некоей цельности прослеживается «ничто», отлично воспринимаемое от «другого нечего». Следовательно, с необходимостью возникает понятие признака или атрибута. Однако если мы

различаем «*что-то*» с «*чем-то*» по их признакам или атрибутам как неким воспринимаемым, а значит и познаваемым единицам, то как мы различаем сами «*признаки*» и «*атрибуты*» как «*нечто*»? Вопрос состоит в том, что при необходимости сами признаки в отдельности выступают самостоятельными «*нечто*». Получается, что сами «*признаки*» и «*атрибуты*» того или иного предмета или явления сами должны содержать «*признаки*» и «*атрибуты*», на основании которых мы можем констатировать факт их принадлежности к тому или иному явлению, процессу, предмету действительности и так до бесконечности.¹³ Проблема в том, что, пытаясь разобраться и найти абсолютный критерий разграничения предметов и явлений окружающего мира, мы становимся заложниками собственной формы существования, которая построена по принципу рамочного или единичного восприятия конкретно того, на что, как говорил Э. Гуссерль, направлена наша интенция.¹⁴

Точнее сказать, мы не можем объяснить критерии та-

¹³ Выход из такого положения, кроется обычно в структурировании и разграничении сущностей путем возведения их в ранг априорных интуиций: *первый – достоверный, второй – менее достоверный, третий...*, то есть сущность, «как бы» меняется за счет наличия категории «*градации*», по отношению, по сути, к той же сущности – «*достоверности*» и т. п.

¹⁴ Адерихин Р.Н. Определение места конкретизации в парадигме однородных понятий: проблемные вопросы. *Электронный ресурс // Cyberleninka.ru: теория и практика общественного развития: эл. научн. журнал* 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-mesta-konkretizatsii-v-paradigme-odnorodnyh-ponyatiy-problemnye-voprosy/viewer> (дата обращения: 20.08.2017).

кого построения и функционирования восприятия, но с успехом ими пользуемся каждый день.

Итак, «отличие», как выяснится далее, выступает единственной характеристикой восприятия именно «этого», а «не того» или «иного другого» и именно в том виде, в котором оно «есть» или представлено.

«Отличие» или «разность» есть фактор выражения явления или предмета действительности и единственная их сущность независимо от «их характеристик» или так называемых «существенностей», так как разность суть «предустановлена» «до» нашего восприятия предмета и использования «разности» как таковой и является мерилom существования и разграничения многообразного единства, которое воспринимается нами как нечто уникальное, а точнее, как «не то, что есть», помимо всего остального.

Например, вы смотрите на стол и говорите, что это именно *стол*, при наличии в его характеристиках всего так называемого «существенного», что присуще, например, и стулу. Вы утверждаете, что это стол в связи с тем, что он именно «таков», в смысле «не такой, как все остальное»¹⁵ по отношению к характеристике «сравнения», а не по отдельным атрибутам его акта выражения и восприятия. Он есть лишь «нечто отличное» или «иное», и именно только поэтому он есть нечто конкретное и воспринимаемое, в противном слу-

¹⁵ См. аспект «Восприятие целого и части, целой части. Алгоритм понимания».

чае он будет, как и многое другое, *неуникальным и неразличимым* в рамках своей «*существенности*»,¹⁶ о которой мы поговорим ниже.

Итак, в противоположность целому существует *часть*, воспринимаемая как «*деление*» целого, представляющее как нечто воспринимаемое нами в связке с «*последовательностью*», которая формирует «*понимаемость*» каждого акта в отдельности. Например, слушая мелодию, мы воспринимаем во временной последовательности звуки, поделенные на единицу восприятия.

Вопрос: как возможно воспринимать мелодию (*целостность*), если единственной формой и откликом на алгоритм восприятия является улавливание «*каждого*» (*части*) звука в отдельности, ограниченного временным континуумом? Более того, «*звука*», отличного от «*другого звука*», при существенной характеристике всех без исключения нот, выражаться в виде все того же «*звука*»? Проще говоря, как возможно воспринять нечто, ограниченное временной последовательностью, и воспринять в итоге целостность, которая недоступна ограниченному акту восприятия человека и воспринимается лишь как часть? *Целостность*, таким образом, либо не воспринимается как таковая, либо воспринимается нечто таким, что мы не в состоянии воспринять.

«*Каждый*» выражает состояние *градации, отдельности*, которая отлична от нечто воспринимаемого и называемого

¹⁶ См. аспект «*Существенность*».

нами как *целостность*. В чем разница между «целостностью» и «делением» (частью)?

Именно в данном вопросе выражается алгоритм «*привычного*», определяемого нами как «*вопрос*», «*выраженный как акт*» на «*то, что*» мы хотим услышать, притом «*разница*» в данном «*вопросе*» никак объективно не сопряжена с понятием «*целостности*» и «*делением*», которые в свою очередь также не сопряжены ни «*с чем*», помимо выражения своей сути, она лишь подразумеваемо-связана с предыдущим прочитанным предложением и то лишь потому, что «*предыдущее*» навязано нам как «*необходимость*» акта понимания выраженного в виде «*стабильной последовательности*» действующей (*функционирующей*) в акте понимания. Данные антонимы (*парадоксы*) присутствуют в каждом виде, в любой окружающей нас формации, причем при их детальном рассмотрении они не вполне объяснимы и понятны.

Так, «*старый-молодой*» есть «*противоположность*», притом противоположность мы воспринимаем как нечто «*отличное от*». «*Отличное от*» есть нечто, которое никак не может взаимодействовать с неким «*иным*» и никак от него не зависит, в противном случае при наличии «*зависимости*» не представляется возможным говорить о «*разности*» как таковой. При этом при отсутствии такой зависимости нет возможности реализации такого состояния, как «*сравнение*», ведь сравнивать и оценивать можно лишь

нечто сравнимое (*цельное*), в противном случае сравнение не может выходить за рамки разности.

Если сравнение не может выходить за рамки разности, а сама разность подразумевает нечто несоприкасающееся, возникает закономерный вопрос: как возможно сопоставлять и противопоставлять в одно и то же время «старость» и «молодость», как в нашем примере?

Схема данного парадокса распространяется на все факторы жизнедеятельности. Как уже было сказано, «*парадоксальность*» почему-то причинно-алгоритмично вызывает состояние «*удивления*», которое в свою очередь чаще всего вызвано не восприятием «*нечто*» того, что воспринято, но восприятием этого «*нечто*» «*как того*», что называется «*новым*», или не вписывающимся в структуру привычного.

«*Предсказуемость*» воспринимаемого явно довлеет над самим актом восприятия, выражаемого в акте понимания. Предсказуемость, то есть «*перед тем, как нечто сказано (понято)*» или форменно выражено для акта восприятия, говорит о том, что «*нечто*», которое мы воспринимаем, есть «*уже нечто*», которое мы «*можем воспринять*», так как оно «*уже*» «*до*» обладает свойством «*восприимчивости*» по отношению к нам.

Например, когда на экране телевизора появляются разные кадры, то «*появление*» есть не что иное, как «*отсутствие*» нечто на предыдущем кадре, который «*воспринят*», но не является нечто новым по отношению к текущему акту вос-

приятия в смысле (*восприятие не создаёт новый акт в воспринятом, но фиксирует факт воспринятый*).

Восприятие предсказуемо, но непонятно.

Парадоксальность описания подобных умозаключений присутствует везде, о чем бы мы ни говорили и что бы мы ни воспринимали. Она также присутствует в языковой матрице, которая использует акт привычной для нас информационной коммуникации при имеющихся тысячах альтернативных вариантов выражения мысли. Тут мы упираемся в категорию *смысла*. И если вы думаете, что мы понимаем *смысл* так, как вы сейчас его подразумевали или представили, то ошибаетесь.

Запомните, пожалуйста, то «ощущение понимания», когда вы прочитали понятие «*смысл*».

Теперь скажем, что мы имели в виду не то, что вы ощутили или представили как акт понимания, но нечто *иное* по отношению к алгоритму восприятия понятия «*смысл*».

Например, вы имели в виду то, что *смысл – это скрытое, содержательное отражение мысли писателя в его произведении или примерно нечто в таком роде.*

Мы же говорим и подразумеваем под смыслом нечто *иное*.

Так, например, *смысл (с/мысл)* – «*мысл*» мы рассматриваем в качестве диверсификации буквенной составляющей понятия «*смысл*». При такой диверсификации остаются неизвестные «*с*» и «*л*». Далее скомбинируем их путем поиска подходящих структур для «*с*» и «*л*». Сколько возможных по-

нятий начинаются на «сл»? Очень много. Тогда почему «с» и «л» в каждом отдельном понятии создает понятие, определяемое как «конкретное» (смысловое) и в то же время каждое будет обозначать «разное» при одинаковом эквиваленте начальных символов (букв), то есть начальных «сл»?

По логике вещей каждая комбинация знаков должна иметь смысл, так как в общем и целом смысл видится в сопряженности этих знаков в известных комбинациях.

Это не совсем так, так как «целое не есть совокупность ее частей».

Сократ¹⁷

Итак, мы имеем в остатке «сл». Подберем понятие данной комбинации букв, например, «слово», где «сл» отпадают по остаточной системе, которую мы предложили выше. Остается «ово». Если мы скажем понятие «овощ», то каким образом «сл», представленная в «слове», будет связана с последующим понятием, выразившимся в «овоще»?

Никак, однако, как объяснить тот факт, что они были всего несколько понятий назад единым целым, связанным смыслом, выраженным в понятии? *Это один момент.*

Второй момент: почему бы нам не комбинировать понятиями по остаточному принципу «окончательных» (остаточных) букв, как это показано выше? Если мы продолжим нашу возможную последовательность возможных

¹⁷ Электронный ресурс // Studopedia.ru: Информационный портал. URL: https://studopedia.ru/10_142375_XXII-teetet.html (дата обращения: 19.08.2015).

комбинаций акта восприятия, то придем к следующим возможным результатам: *слово-есть-овощ-есть-щука-есть-указ-есть-звание* и т. п.

Алгоритм понятен, но почему в нем нет *смысла*? Почему логически стройная структура не вписывается в рамки акта понимания? Ведь следует признать, что в таком случае прослеживается *преемственность, структурированность, причинность* и *последовательность* знаково-информационной составляющей, что вполне логично и составляет в совокупности все атрибуты «научно рационального знания».

Этот и иные подобные вопросы мы рассмотрим ниже, сейчас лишь скажем, что мы не в состоянии уловить связь между *наделением смыслом понятий* и понятиями, таким смыслом не обладающими, так как *смысл не заключается в знаковой символике форменного их выражения, но заключается в акте коммуникации и реализации волевой характеристики субъекта*.¹⁸

Все это логически приводит к тому, что можно общаться без слов, видеть без глаз, говорить без языка, и не нужно искать смысл в форменном выражении «явного», так как смысл уже нашел вас еще до вашего рождения и восприятия вами самого себя в качестве такового.

Итак, принадлежность фактора восприятия и объяснения к актам происходящего не есть привилегия нашего сознания и разума, в противном случае мы были

¹⁸ См. аспект «Реализация волевого акта по отношению к акту понимания».

бы в состоянии контролировать и вполне объяснить то, что мы пытаемся объяснить и то, что мы воспринимаем, так как в конечном счете разум есть мы, а если мы не в состоянии разумно воспринять все существо разума при осознании такой необходимости, выраженной в виде «стремления», как можно говорить о том, что мы нечто понимаем?

Третий аспект: Дихотомичность «векторности» акта восприятия

Критичность и претенциозность акта восприятия и понимания работает, как фильм.

Смотря фильм, мы подчеркиваем некоторые неточности физического характера, например, улавливание пуль, прыжки с невероятной высоты и т. п., говоря, что они нереальны.

Мы не учитываем тот факт, что сам фильм как основа этих действий есть нереальность, в том числе и физическая.

Мы начинаем действовать и рассуждать в реальном направлении при виртуальной основе.

Автор

Все, что в принципе «*есть*», «*не реализуется*», «*не развивается*» и «*не нуждается*» в причинности по отношению к восприятию. В нем нет «*необходимости*» утверждения или реализации «*для нас*». Оно вообще может не «*нацелено*» на характеристики восприятия или объяснения, оно не нуждается в форменном подтверждении и «*характеризации*», делении, исследовании, синтезе, анализе, причинной обусловленности, усмотрении стремлений и реализации целей.

Проблема в том, что в нашем «*образе восприятия*» не нуждается больше никто и ничто. Постановки вопросов и

проблем не являются проблемами и вопросами в их постановке «*в ином*», по отношению к воспринятому, но являются таковыми лишь только в нашем восприятии того, что мы под данными форменными состояниями понимаем, причем, не зная как, но зная и ощущая знание понятия «*зная*», что оно обозначает «*знание*», которое воспринято, но необъяснимо... ведь проблемы и вопросы сами по себе не знают их назначения, установленного им нами или просто «*установленные*». Они не существуют для себя и не знают о себе ничего. «*Алгоритм*» и «*функционал*» нечто невозможен без установления «*причинности*» и «*изначальности*», с которыми мы подразумеваемо связываем акты и проявления своих ощущений.

Так, мы наблюдаем, как упавшая муха хочет подняться «*со спины на ноги*», таков алгоритм восприятия и объяснения явления, мы так утверждаем и констатируем алгоритм «*доказанного факта*», выраженного в «*подняться со спины на ноги*», притом сущность «*подняться*» никак не связана с ее ассоциативной формой восприятия «*подняться*» у нас. У нее нет необходимости в функционале «*подняться*», то есть нет причины склоняться больше к использованию понятия «*подняться*», нежели, например, понятия «*апельсин*». Мы его используем при крайней доле условности, что называется, неосознанно и, что более интересно, «*необдуманно*», в связи с тем, что мы не знаем и не в состоянии рационально объяснить «*направленность состояния*»

«**подняться**», но всегда говорим, а точнее, *используем*, что «**подняться**» есть нечто сопряженное с «**верхом**», «**опорой**» и т. п. (*где опора воспринимается как опора, а верх как верх безотносительно к смыслу понятия подняться*), но мы не знаем «**подняться**» так сказать в лицо.

В данном случае мы не разделяем, как может показаться на первый взгляд, полемику между реалистами и *номиналистами*, как известно зародившуюся еще в древней Греции и продолжающуюся до наших дней.

*«Вследствие отсутствия собственного содержания у отвлеченных понятий они часто смешиваются с идеями. На этом смешении основан, между прочим, знаменитый в схоластике спор реалистов и номиналистов. Обе стороны были, в сущности, правы. Номиналисты, утверждавшие *universalia post rem* (идея после вещи), разумели первоначально под *universalia* общие понятия и в этом смысле справедливо доказывали их несамостоятельность и вторичное значение как только *nomina* или *voces* (имен и слов). С другой стороны, реалисты, утверждавшие *universalia ante rem* (идея до вещи), разумели под ними настоящие идеи и основательно доказывали их первичность. Но так как обе стороны плохо различали эти два значения слова *universalia* или, во всяком случае, не определяли этого различия с достаточной точностью, то между*

ними и должны были возникнуть бесконечные споры».¹⁹
В. С. Соловьев²⁰

Мы привели пример «универсалий», для того чтобы ход дальнейших рассуждений не путался с проблемами реализма и номинализма.

Полагаем, что есть «сущности», с которыми мы доподлинно соединяем нечто нами воспринимаемое.

Так, сущность «закрывать» в форменно-когнитивном взаимодействии восприятия отсылает к определенному действию в «реальности», откликающейся в «последовательности», например, «**движению деревянного прямоугольника**», который мы называем дверью.

Именно последнее обладает функционалом «закрывать», но в то же время не в полной мере, ведь под данное физическое действие «подходит» еще несколько тысяч «**наименований**», не связанных и непонятных на смысловом уровне с исходным «закрывать». К примеру, при «взмахе» крыльев бабочки мы говорим «летать» а не «закрывать». Если разобраться, то сущность «закрывать» может быть выражена как

¹⁹ Соловьев В.С. Сочинения в 2 томах. Т II. М., 1988. С. 204–205.

²⁰ **Владимир Сергеевич Соловьёв** (16 [28] января 1853, Москва – 31 июля [13 августа] 1900, имение Узкое, Московская губерния) – русский религиозный мыслитель, мистик, поэт и публицист, литературный критик, преподаватель; почётный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности (1900). *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Соловьёв,_Владимир_Сергеевич (дата обращения: 07.05.2020).*

нечто уникальное и «*отдельное от*», то есть она форменно не может иметь привязку к физическому эквиваленту, в смысле того что это безликое и в то же время настолько понятное «*оно*» или «*нечто*», как и тысячи других сущностей, не выводимых из физического эквивалента выражения действия или сущности, например «*двери*».

Опытно мы видим, что нечто движется и выполняет определенную функцию, на основании чего сопряженность действий выражается эквивалентами в «*названии*» или «*поименовании*» этих действий, ведь, как мы говорили выше, если проанализировать логическим путем структурированность компонентов каждого акта в отдельности и выразить это, как мы делаем в «*определении*», то все равно никак не получится выявить целостность, выраженную в адекватном «*поименовании*» того, что мы воспринимаем.

Поименованность предметов и процессов действительности внеопытна по отношению к акту их понимания.

Если мы, например, скажем вам: «*Поднимите голову вверх*», то вы сделаете соответствующее движение, известное как «*поза головы*» с соответствующим наклоном по отношению к *небу, верху и т. п. ориентиру*. Поза головы характеризуется движением, в которое входит то, что мы называем влево, вправо и т. п. При этом следует признать очевидность неопределённости коррелята в виде положения. Почему тогда поза головы сопряжена с такими неопределёнными поня-

тиями, как верх, низ и т. п., а сам верх определен как верх, а низ как низ? Каким внеопытным путем определить, что есть верх или низ, если они не имеют коррелята в виде ориентира? Почему они *«определены как»*? Точнее сказать, почему они *«предопределены как»* таковые, а именно *«так как они воспринимаются и понимаются»*? Они поименованы так, и эта *«поименованность»* воспринимается как таковая за сущность того, о чем говорится. При этом мы с легкостью можем тасовать тем, что обладает признаком *«поименованности»*.

Назвать бабочку вертолетом и т. п. не сложно, сложно оценить и охарактеризовать степень ложности такого рода суждения на основании нечто *«достоверного»*, *«разумного»*, *«понимаемого»* и *«убедительного»*, а если такое заключение признать *«достоверным»*, то не видится причин не называть бабочку вертолетом и вертолет – бабочкой.

Точно так же положение головы вверх есть указание, точнее сопряженность указания и позы. Следовательно, *«определенность»* как нечто не есть нечто понимаемое нами в процессе *«поствосприятия»*, но определено в процессе *«предвосприятия»* и сопряжено *«уже»* с нечто, воспринимаемо инвариантно как нечто, и в то же время есть выраженная *«поименованность»*, причем осознанная нами как таковая.

«Я не есть «живое существо», или даже «человек», или даже «сознание» со всеми характеристиками,

каковые зоология, социальная анатомия или индуктивная психология признают за этими продуктами природы или истории...»

Морис Мерло-Понти²¹

«Мы не есть то, что мы именуем», мы лишь выражаем то, что поименовано как «поименование», восприятие себя как себя. Поименованность идет до восприятия себя как такового, а поименованность после восприятия есть научное мудрствование, которое вполне занято, но, как будет показано ниже, не совсем понятно.

То есть факт «признания нечего» и факт его «наличия» не имеют причинно-следственной необходимости в оправдании восприятия «ничего» именно «таким». Процесс абстрактного созерцания и софистичности объяснения дает повод задуматься над тем, что каждый акт объяснения не выполняет своей функции в том смысле, что «**объяснение ограничено рамками объяснения**».

Философская феноменология объясняет отчасти нечто, которое мы с вами затрагиваем, однако она, как и вся философия, лишь констатирует факт наличия версии или факт наличия «объяснения» явления в том или ином виде. Она

²¹ *Морис Мерло-Понти* (фр. Maurice Merleau-Ponty; 14 марта 1908, Рошфор – 3 мая 1961, Париж) – французский философ, является представителем экзистенциальной феноменологии, восходящей к основаниям философии Гуссерля и Хайдеггера. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мерло-Понти>, _Морис (дата обращения: 07.05.2020).*

констатирует направленность по отношению к «*тому*», что есть, при этом не понимая, что это. Она не «*выходит за*», хотя всегда об этом говорит, так как форменно «*за*» воспринимается как нечто «*отличное от*» того, что «*есть*», где последнее воспринимается как нечто, которое «*уже было*», «*устоялось*» и «*устарело*» в его негативном смысле, а само «*за*», воспринимается как нечто «*прогрессивное*» и вообще «*положительное*» во всех смыслах, но в то же время принципиально необъяснимое.

Восприятие и понимание всегда «неудовлетворительны», как будто мы не в состоянии справиться с собственными и подконтрольными нам ощущениями и чувствами.

Шестой аспект: Понимание в отсутствии акта «понимания»

*Психика не может познать свою собственную
сущность²²*
К. Г. Юнг²³

Итак, пролепсис акта понимания таков, что оно «*не есть*» то, что мы знаем и то, «*о чем*» мы говорим, в связи с тем что оно невыражаемо по причине его «*предначальности*» в акте объяснения и восприятия. Оно находится до момента говорения и восприятия, поэтому оно выражаемо только одновременно с его отдельными проявлениями.

Оно есть нечто понимаемое нами однозначно до такой степени, что возводится в ранг использования этого знания в «эмпирической реальности» каждый день.

Факт существования нас с вами со всеми формами про-

²² Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2016. С. – 27.

²³ *Карл Густав Юнг* (нем. Carl Gustav Jung ['kɑrl 'gʊstaf 'jʊŋ]) (26 июля 1875, Кесвиль, Тургау, Швейцария – 6 июня 1961, Кюснахт, кантон Цюрих, Швейцария) – швейцарский психиатр и педагог, основоположник одного из направлений глубинной психологии – аналитической психологии. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Юнг,_Карл_Густав (дата обращения: 07.05.2020).*

явления жизни иррелевантен по отношению к методологии выявления ее отдельных проявлений и различий ее форменного выражения в тех или иных явлениях. То есть сама сущность кроется в действительности происходящего, в форме, выраженной и находящейся вне акта нашей воли или желания.

Вы вправе желать есть сладкое, нежели кислое, но не в состоянии желать «вне» желания и допустимых свойств восприятия, в данном случае вкусового различия в рамках сладкого и кислого.

Вопрос идет дальше формы отображения всего желаемого, действительного и доступного. Вопрос в отношении ощущения «форменности» сущего путем знания формы в проявлении ее доступности в конечном итоге ведет к «правильному» либо «ошибочному» выбору.

Это «единственное» достоверное свойство, характеризующее акт восприятия.

Будете возражать? Знаете, что такое суть «единственность»? Или же вы относили данный «вопрос» по отношению к «достоверности», или к «акту», или «восприятию», или «свойству», или ко всем «вместе»?

Из всего сказанного следует, что самое понятное – это ощущение вопроса в этом предложении.

Вы можете спорить по поводу того, к какой части предложения относится «вопрос», что он под собой подразумевает, но то, что вопрос возникает как «вопрос» «по отношению

к» нечто, вами всегда **воспринимаемо-понятен**, не так ли?

Дело в том, что алгоритмия акта понимания до такой степени неизвестна и запутанна, что ее можно отнести к акту безумной случайности в процессе строгой и очевидной последовательности и закономерности акта ее осознания.

Почему мы считаем, что мы **«считаем»**? Почему мы считаем что мы **«считаем что – то»**, где **«что – то»** есть **«отношение к считаемому»**... считаем, считаем, считаем, считаем...?

Как мы увидим дальше, акт понимания написанного в предыдущем предложении считывается вами до акта **«понимания»** (который сам достаточно загадочная фигура) лишь в **одной из миллиона возможно доступных форм выражения алгоритма понимания** и то в рамках нашего привычного вида, формы восприятия, о чем упоминалось выше. Мы не знаем, сколько есть форм, существующих вне акта доступности акта понимания.

«Незнание» характеризуется не как слабость, но как **отрезвляющий фактор необходимости концентрации на целях использования акта понимания и самого разума в ограниченный временной промежуток.**

Кто объяснит, откуда взялась интервальность, восприятие **«разности»** и **«интервальности»**, где восприятие идет как нечто воспринимаемое по отношению к нечто воспринимаемому, то есть всему остальному, помимо воспринимаемости? Установка на **«восприимчивость»** должна быть

установлена как нечто воспринимаемое в акте его *первоначальности*, как последовательность по отношению ко всему «*остальному*», что есть и расценивается как нечто «*все остальное, помимо*». То есть базовая последовательность того, что воспринимается как «*заложена*» и эта заложенность реализуется нами лишь потому, что она направлена на «*реализацию*», как воспринимаемую нами *реализацию* по отношению ко всему остальному.

* * *

«*Порядок*» есть нечто присущее действию, которое мы определяем как направление, как векторность, исходящую от чего-либо или кого-либо. Можем ли мы воспринимать «*восприятие*» векторности «*иначе*», «*помимо*» и «*за*» исключением формы «*восприятия и понимания векторности*»? *Нет*.

«*Нет*» характеризуется как отрицание утверждения того, что есть, или в отношении того, что существует. То есть «*нет*» характеризует нечто несуществующее, но в то же время потенциально возможное, обозначая или указывая на то, что нечто потенциально возможно как существующее. Это так, но, как выяснится, невозможно при существующем положении вещей, действующих в рамках логики познания и восприятия.

Кто может объяснить степени восприятия смысловых от-

тенков понятия «нет»? «Нет» как невозможность, как отрицание существования, как замаскированное утверждение согласия в отношении всего того, что есть.

В такой системе понимания открывается множество интересных и необычных алгоритмов восприятия даже не столько восприятия, сколько оценок и граней этого восприятия.

Например:

«Не то, что нечто не может, но то, что может, но в определённых пределах, которые установлены для реализации всего остального, помимо того, что для каждого нечто невозможно и за счет этого возможно и только так. При этом возникают допустимости и изменчивости в отношении того, что возможно, а что нет. Но если мы допускаем саму возможность возможности, следовательно, должна быть сама возможность как нечто всевозможное, так как нет возможности допустимости существования возможного в ограниченности, которая делала бы ее нечто не вполне возможным, а именно невозможным. Сама невозможность должна существовать для отдельностей, то есть случайностей, в противном случае абсолютная невозможность давала бы повод к отрицанию абсолютной возможности, которой не может быть по причине нашего с вами существования и рассуждения на страницах данного произведения».

Допускаем, что в ходе просмотра данного в кавычках предложения у вас возникали мысли о некой бессмысленно-

сти написанного. Дело в том, что в нашем «*сегодняшнем*», «*привычном*» «*понимании восприятия*» логика мышления такова, что видимая часть не что есть часть воспринимаемая, где «*воспринимаемое*» коррелирует к видимому событию (*априорная интуиция*).

Видимое событие есть не что воспринимаемое во временном континууме и т. п. В данной последовательности восприятия и выражения кроется неизбежность и единственная возможность осознания или получения нового знания, где новое взаимодействует с «*положительным*», «*стабильным*» и т. п. Новому знанию присвоен ярлык достоверной истины в векторной последовательности или *взаимодействии* «*новое – прогрессивное – положительное*» (*априорная интуиция*), где объективно новое не знает о том, что оно помимо «*нового*» может быть еще воспринимаемо «*иначе*», в том числе как «*новое*», то есть в данном случае воспринимаемо еще как не что «*прогрессивное*» и «*положительное*» или «*негативное*» и «*отрицательное*».

Вопрос: откуда такая уверенность в свободном надделении смысловыми характеристиками того, что мы не знаем?

Положительное или стабильное ощущение есть не что, которое все так же объясняется. В этом смысле «*объяснение*» не дает желаемого ощущения конечности удовлетворения.

Никогда ни один ученый или философ не достигал такого состояния, при котором он мог бы удовлетворить цель всех своих поисков и умозаключений.

Следовательно, заключают многие, процесс недостижим, однако именно его достижение ставится в нечто приоритетное по отношению к оправданию цели своей деятельности. Оправдание своей деятельности носит характер предсказуемого движения по направляющей, которая приводит в «*никуда*», так как если бы она приводила к «*нечто*», то в ней не было бы необходимости. Этим, кстати, можно объяснить стабильное жизненное довольство людей религиозных, у которых все акты восприятия сводятся к *необходимости*, выраженной в Боге.

Как только кажется нечто безнадежным, возникают тысячи других путей, вызывающих чувство альтернативной «правильности» и оправдания движения по одному из них. Движение оправдывается целью, которая в принципе недостижима и ставится уже не как конечный результат, но как своего рода миф, окруженный необходимостью оправдания самого движения или импульса к действию.

Однако вернемся к нашему вопросу, а именно: *возможно ли воспринимать иначе «нечто», которое воспринимается?*

«*Инаковость*» является основой того, что мы называем развитием. Мыслить иначе, знать больше и т. п. константы наталкивают на неизбежность постановки рамок восприятия и осмысления знания как нечто, которое за данные рамки постоянно выходит, причем обязательно вперед и с полезным коэффициентом.

«Мы спрашиваем о том, что находится

за пределами привычной и упорядоченной повседневности».

М. Хайдеггер²⁴

Инструментарием для такого «выхода» является процесс постановки «**вопроса**» и необходимость в его объяснении. Феномен объяснения чаще всего форменно представлен *определением* или *изложением* того, что воспринимается. Проблема в том, что сам факт объяснения не только является необъяснимым с точки зрения постановки вопроса о нем как о «*феномене*», но и ведет к тому, что называется «**контржиздаемостью**» в отношении его функционального потенциала и назначения в целом.

Чтобы понять феномен объяснения и понимания, необходимо отказаться от алгоритма понимания и восприятия как таковых. Почему мы так считаем? Нечто высказанное в одобрении или контрпозиции есть нечто, которое подразумевает нечто такое, которое есть «*не то, что есть*» или «*не то, что объясняется*», проще говоря, **определение не определяет и не порождает акт понимания**.²⁵ Такова сущность реали-

²⁴ *Мартин Хайдеггер* (нем. Martin Heidegger [ˈmɑːʁtiːn ˈhaɪdeɡɐ]; 26 сентября 1889, Месскирх, Великое герцогство Баден, Германская империя – 26 мая 1976, Фрайбург-им-Брайсгау, Баден-Вюртемберг, ФРГ) – немецкий философ-идеалист, является одним из крупнейших философов XX века. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хайдеггер>, _Мартин (дата обращения: 07.05.2020).*

²⁵ См. аспект «*Предположение и подразумеваемое как фактор определмости восприятия и понимания*».

защиты определения.

Таким образом, формируя положительное восприятие высказанного как нечто подразумеваемо правильного и истинного, мы удовлетворяемся этим актом или информационной составляющей данного акта. Такая логика восприятия информации, выраженной в виде предложения, не вызывает никаких вопросов, восхищает тот факт, что подразумеваемых в понятии информационных актов настолько много, что они форменно ассоциируются с вопросом о том, *как же такая комплексная сложность вообще функционирует?* Дело в том, что сам **«отказ от»** как способ выхода **«за»** рамки того, где мы ищем акт просветления или понимания, является уже той рамкой, в которой мы и можем действовать (*рамочность как система определяет характер возможного потенциала деятельности именно в соответствии со «стандартами» рамочности*). Она не предполагает ничего на самом деле, ведь если мы скажем, что рамочность клетки не предполагает выхода, тогда мы разрушаем саму рамочность, так как она реализуется как нечто *удерживающее* и нечто *освобождающее*. *Бинарность* назначения на самом деле рушит рамки восприятия самой *«понимаемости»* и удивляет нас: как тогда возможна последовательность и стабильность в акте понимания и коммуникации, если на каждый акт **«именно такого»** восприятия и понимания есть свой контракт?

«**Выход за**»²⁶ и т. п. вперед, выше, быстрее, прогрессивнее есть нечто, которое идет «**за**» актом существования вообще. То есть человек как таковой автономен в своей сущности, ему нет необходимости в познании или знании нечто такого, чего он не может воспринять. Младенец воспринимает добро, любовь матери как нечто, ощущаемое им как нечто положительное в акте его восприятия, и воспринимается как нечто отрицательное в своей сути, когда он кричит, когда ему больно или он голоден. *При этом, заметим, что младенец делает это и ощущает положительность и отрицательность до того, как он начинает осознавать в сравнительно методологической форме, что есть нечто такое, что называется добром, и есть нечто, являющееся злом.* Проблема коренится в наличии проблемы как таковой, где неразрешимость поставлена в ранг нечто такого, что воспринимается как негативность.

Негативность и положительность есть два вектора того, как мы воспринимаем все окружающее. Существуют кластеры реализации позитивности и негативности. Тупик, запутанность и т. п. состояния всегда ассоциируются с нечто негативным, присущим нам от рождения и выраженным в

²⁶ См. например, *Д. Барбур*. «Мыслить за пределами коробки», материал информационного интернет портала edge.org.

подразумеваемых поисках тех состояний, которые нам известны в рамках нашей парадигмы развития, и, наоборот, простота, гармония и т. п. воспринимается как нечто позитивное. «Обусловленность на осознание» не есть форма выражения акта нашей беспомощности и механической алгоритмичности, нет, оно действует как необходимость восприятия нечто «как нечто» в том свете, что мы называем критичным, или научным мышлением.

С точки зрения иного восприятия мира и вообще акта восприятия нет необходимости в осознании тупика или недостатка знания, то есть сам вопрос о знании есть иной, нежели мы привыкли это воспринимать. Что значит иной? «Инаковость», или нечто иное, развивается за рамками привычного восприятия, но все же в рамках потенциально привычного, то есть нечто «иное» в своем Абсолюте есть нечто непостижимое, есть нечто, которое невозможно.

Интересен факт, что при произношении самого невозможного мы не понимаем невозможность как таковую. **Более того, вообще все, что говорим, мы в принципе не понимаем, но лишь предсказуемо воспринимаем и реализуем.** Этот вывод заключается в следующем алгоритме: *можно ли искать искомое, понимать понимание, знать познанное и т. п. (ведь искомое в своей сути больше всего реализовано в искомом, так же как лучшее и точнейшее описание понимания воспроизводится в понимании)*. Проще говоря, для того чтобы реализовать какой-либо фактор жизненной активно-

сти, например поиск, необходимо, чтобы поиск реализовал себя посредством его понимания «как поиска», где понимание сводится к «инаковости» самого фактора восприятия, возводимого в ранг понимания не за счет такового, а за счет отсутствия иного варианта.

Таков механизм определения и объяснения, которое ведет к акту понимания, точнее, к осознанию понимания как понимания. Следовательно, поиск есть нечто, которое выражено «*инаково*», но понимается как поиск, который в своей сути понимаем, но не объясним, необъяснимо понимаем.

P.S.

Мы «*ищем*» и в этом нечто «*ищем*», «*находим*» опять же «*нечто*». Но почему «*искать*» сопряжено с «*поиском*» и поиск с «*правотой*», зачем «*правота*» и как она выражена? Инвариантность «*осмысления*» выражается в «*раздумье*», которое есть «*инварианта*» нечто, о чем думается, где последнее понимаемо именно как «*раздумье*», а ничто «*иное*». Однако понимание «*чего*», откуда мы берем это «*чего*» как «*выражение*», как «*ответ*», в то время как ответ сам воспринимается на уровне «*поиска*», «*стремления*». Мы обозначаем «*знанием*» нечто «*правильное*», как будто ассоциативно «*знание*» есть нечто «*полезное*».

Можно предположить, что вообще все человеческие отношения строятся по принципу надуманной полезности.

Отнюдь, так утверждать не приходится, так как для этого нет никаких *«предпосылок»*. Или же да, для этого есть предпосылки? Мы используем *«предпосылки»* для *«оправдания»*, однако зачем *«оправдание»*, если есть *«истина»* как нечто, которое есть эллиминат поиска бесконечного знания? *«Ложность»* и чувственная подоплека его ощущения всегда наталкивает на поиск *«отрицания»* или *«сопряжения»*, однако *«поиск»* не сопряжен с *«остановкой»*, так как его сущность в *«движении»*. Это логично, но вместе с этим элемент логики есть лишь форма оправдания хоть какой-то позиции, но только по отношению к самой *«позиционности»* или *«позиционированию себя как»*.

«Неведение» «настораживает», однако зачем и почему? Что есть *«настороженность»*? Почему и для чего существует повсеместная путаница чувственного восприятия и *«анализа»* этого восприятия? Зачем и для чего есть категории *«правоты»* и *«неправоты»*? Что выражает сущность и что в самой *«сущности»* есть *«существенного»*, а также того, что мы называем *«положительным»*? Как будто мы можем воспринимать нечто несущественное, которое ассоциируется опять непонятно как с *негативным* оттенком *«нечто»*, которому нет понимания и объяснения. Если нечто *«дано»*, то как можно требовать быть *«иным»* в смысле *«данности»*, ведь она инвариантно представлена в форме *ранговой атрибутивности, полярности, дифференциации, эклектичности, диалектичности и т. п.*

Но если даже мы «скажем» нечто, то сказанное не будет восприниматься вами в его функционале, оно сразу же в вашем восприятии отсылает ко «*всему*», что есть, кроме «*сказанного*», к подразумеваемому, смысловому, однозначному, неожиданному, шокирующему, обыденному, толкованию, допущению и т. п., но не к «*сказанному*». Почему? Ведь оно просто осмысленно, понято, однако воспринимается как тривиально настораживающее, так как «*тривиальность*» со-держательно сопряжена с глупостью, отсутствием ценности и т. п.

Узлы алгоритмов понимания, оправдания, объяснения тянутся за пределами нашей возможности к их восприятию в том виде, какие они есть, а процесс их объяснения наталкивается на нечто «иное», на что именно, постараемся рассмотреть позже.

Четвертый аспект: Постановка вопроса о «матричности» и ее влияния на акт восприятия и объяснения

Слово или изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Они имеют более широкий «бессознательный» аспект, который всякий раз точно не определен или объяснить его нельзя. И надеяться определить или объяснить его нельзя²⁷

К. Г. Юнг

Предварительный итог всего вышесказанного должен вызывать *негативную* или *заинтересованную* реакцию по отношению к тому, что написано и прочитано. *Таковы закономерности форменной реализации усвоения информации в «матричности» ее проявления.* Все вышесказанное довольно туманно воспринимается вами в связи с отсутствием ориентира в виде *«первоначальной информационной составляющей»*, которая обычно выражается во *введении* и далее в цифровой последовательности 1,2,3. и т. п., которого вы

²⁷ Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2016. С. – 25–26.

не обнаружили и которое должно было играть роль «*акта устойчивой концентрации понимания*». Однако, как вы уже заметили, последовательность и «*алгоритмичность привычного*» нас не интересует в связи с его повсеместностью, так же как и мнение стереотипного мышления по отношению к написанному. Если бы мы хотели выразить все, что хотим выразить в отношении того, что мы воспринимаем и так, как воспринимаем в виде его описания, то это выглядело бы как бред сумасшедшего в ваших глазах. Это связано с тем, что «*неопределённость*» необходима, для того чтобы ее определять и наоборот. Таков алгоритм оправдания поступательного развития в современной науке и философии, от меньшего к большему и т. п. Такова «*буферная подушка*» понимания, являющаяся лакмусом выявления научного знания, в противном случае, убирая это постоянное «*стремление*», мы стояли бы на одном месте, зная нечто, не зная, что с ним делать, с одной стороны, с другой, как говорится в притче: *мудрость разумного – знание пути своего, глупость же безрассудных – заблуждение (Притч.14,8.)*. Дело не в количестве информационной составляющей того, что мы называем по ошибке знанием, которое при его достижении теряет свое свойство (*свойство знания*) за счет потенциально возможных форм его проявления и его бесконечно вариативных состояний. *Дело в осознании уже имеющегося и его правильном применении.*

«Желание мешает нам пользоваться тем, что мы

имеем». ²⁸

Плутарх²⁹

Осознание знания в акте восприятия того, что «*есть*», есть мудрость перед теми, кто знает, что знание, используемое в стремлении и реализации интересов личности, есть незнание или, точнее, неведение очевидности его необходимого применения. Ниже мы затронем несколько вопросов относительно факторов «*устойчивости*», «*непонимания*», «*боязни выражения вне рамок матричности*» и др.

Сейчас же давайте разберемся, чего всё-таки вам не хватает, исходя из прочитанного материала. Вам явно не хватает точки опоры в виде того, что мы называем «*последовательной идеей*», сути, которая бы умещалась в рамки матричного восприятия всего информационного поля, что вас окружает. Дело в том, что прочитанное выше, даже с малой долей воспринятого, все же понятно, однако настолько «*неустойчиво*» и «*валотильно*», что к нему невозможно применить характеристики гибкости в плане передачи мысли и логики построения информационной составляющей написанного. Вы говорите, что вы «*не понимаете*», потому что не мо-

²⁸ *Плутарх*. О монархии, демократии и олигархии. ООО «Издательство «Э». Москва 2016. С. – 1–2.

²⁹ *Плутáрх*, полное имя [Мέστριος Πλутάρχος] (др. – греч. Πλοῦταρχος) (ок. 46, Херонея, Беотия – ок. 127, место смерти неизвестно) – древнегреческий писатель и философ, общественный деятель римской эпохи. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Плутарх> (дата обращения: 08.05.2020).*

жете уловить смысл сказанного, реализуя или активизируя фактор «*вопроса*» в форме его выражения: «*Как*»? «*Почему*»? «*Относительно чего*»? и т. д. Как посылка к поиску точки опоры, ища ассоциативные связи и корреляты в своей опытной составляющей и пытаюсь синхронизировать прочитанное с тем, что вы уже знаете, с нечто знакомым и повторяющимся, вы ищете нечто, которое можно было бы выразить как *ответ*, а затем и как *акт понимания*. В таком ключе, относительно прочитанного выше, вам все же *понятны* тон, тема, форма написания слова и т. п., однако мы говорим о такой категории, как смысл, что в принципе не имеет «*смысла*» в связи с тем, что мы не в состоянии объяснить фактор вашего восприятия того, что вы воспринимаете и читаете; а именно тот фактор, что объяснение ведет в логической форме построения информации к нечто, которое мы называем пониманием и знанием. Опять же, как выяснится, это не совсем так. И тем не менее, если мы будем рассуждать далее в таком ключе, как «*нечто написано*», то вы скорее всего негативно отнесетесь к тому, что написано, в связи с отсутствием опоры для акта понимания, так как все это для вас есть нечто абстрактное, которое воспринимается как нечто бесполезное и в конечном итоге отрицательное. Вам необходима опора, «*начальность*», «*исходность*», а также фактор «*объяснения*» и «*пояснения*» того, о чем пишется на «*примлемом уровне*», а также соотнесение этой информации с жизненными аксиологическими установками, при том, что

объяснить «*понимание*» вы не в состоянии.

*Парадокс заключается в том, что вы понимаете все, что мы говорим, каждое предложение и букву, но не понимаете их ассоциативные связи.*³⁰

Если сказать, чтобы вы воспринимали информацию в привычном акте ее обработки и понимания и что автор не ищет точки опоры для объяснения своей позиции, то скорее всего это также может восприниматься негативно со всеми вытекающими последствиями. Таким образом, вам необходим алгоритм восприятия, закономерность, матричность, привычность, безопасность и т. п. факторы, сопровождающие привычный акт понимания, о которых мы уже упоминали. Мы настойчивы по отношению к поиску рамок, «*нащупыванию*» стенок опоры, необходимых для того, чтобы «*ориентироваться*» в информационно-воспринимаемом пространстве. Сам по себе «*ориентир*» есть не что иное, как самопонимание себя, ощущение себя в чем – то, где есть осознание себя «*как себя*», как точки опоры для того, чтобы можно было говорить о том, что есть еще что-то, помимо нас.

Направление всегда идет от нас, первоначальной точки восприятия.

Так, если «*вопросность*» относительно устойчивой характеристики «*начальности*» так сильно и так необходимо сидит в нас, то выход «*вовне*» возможен лишь при наличии

³⁰ В связи с этим необходимо различать сам акт понимания и его рационально воспринимаемый поименованный эквивалент.

опоры в виде «*объяснения*», характеризующимся пространственным положением или определением себя в том, где оно находится, а также ассоциируется и понимается нами как «*нечто в*», а не «*вовне*». Спасибо «*объяснению*», что его не надо объяснять, это и невозможно в силу постоянной эклектичности абстрактного тупика и самой функции объяснения.

То состояние или ощущение неудовлетворительности в акте прочитанного или воспринятого наталкивает на мысль о «*необходимости*», о «*причинности*», которая могла бы выступать в качестве отправной точки такого акта. Мы осознаем ее необходимость, не зная, как ее выразить в той степени полноты, которая необходимо должна присутствовать при акте, который обычно приписывается «*объяснению*». Назовем это «*точкой опоры*».

Пятый аспект: Ментальная точка опоры

*Мы применяем понятия, интуитивно полагая,
что знаем их, в то время как лишь смутно их
улавливаем интуитивными фибрами нашей души*
Автор

Точка опоры есть способность к врожденному восприятию потенциального источника информации, безликого и потенциально неопределенного. Также она выступает как точка опоры понимания нечто уже конкретного. Точка опоры предстает в виде начальной причины для акта понимания с неизбежной необходимостью. Проблема в том, что начальную причину, как в принципе и само понятие «*начального*», как выяснится далее, мы с трудом достигнем в акте понимания, следовательно, точка опоры есть не «*начало*», но «*момент*», связанный с «*начальностью*», от которого мы можем делать какие-либо умозаключения.

Дело в том, для того чтобы разобраться в аспектах акта понимания, необходимо разобраться с тем, что такое непонимание и как оно ведет к акту того, что мы называем «*пониманием*». Пойдем от обратного, вычислим возможные алгоритмы акта непонимания путем некоторого рода тестов. Итак:

Пример 1

«В некоторое время делать было возможно, но лишь с той точки зрения, каково детальное рассмотрение вопроса относительно такой характеристики, которая бинарна в своей сущности относительно иных социальных феноменов, регулирующих и констатирующих фактор понимания относительно того или иного вида деятельности. Такого рода умозаключения характерны с той, однако сущностной «подразумеваемостью», которая находится вне вектора реализации знания как такового, что характерно для иного, то есть такой вид и род деятельности которого априори быть не может. «Не может» есть сопряженность с характеристиками невозможного, что однако делает акт познания принципиальным компонентом того, о чем говорится и что характеризуется с той лишь поправкой, что все происходящее не есть и «не быть», но воспринимается относительно того, о чем лишь говорится. Факторы вербальных характеристик настолько валотильны, что характеристики иного недопустимо размыты в «векторности» того, о чем мы с вами говорим, ведь если характеристики самой характеристики определены, то как определить саму характеристику относительно все тех же ориентиров и факторов, характеризующих характеристику как таковую. Плюралистичность критериев оценки действительно-

сти в общем смысле невозможно связать с определённо-
стью пропозиционного характера того, о чем говорится, в
том однако смысле, что нечто есть и о нем можно гово-
рить с точки зрения говорения, а не с точки зрения реал-
изации понимания в акте говорения. Акт понимания со-
пряжён, но не совмещен с тем, что понимается и как по-
нимается, так как эквивалентность того, о чем говорит-
ся, должна с необходимостью проходить путь уникальной
разности для точки опоры в виде восприятия и понимания.
Уникальная характеристика воспринятого, кроется в ак-
туальной единичности воспринятого, то есть воспринять
единичное, значит понять уникальное, находящее свое от-
ражение в разности характеристик взаимодействий по су-
ти находящихся в эквивалентном единстве и градации ран-
говой составляющей данности. Необходимость такого ро-
да умозаключений кроется в нечто, которое никак не мо-
жет восприниматься удовлетворенно или неудовлетворен-
но, но не восприниматься не может в силу плюралистиче-
ской многофакторности деятельности. Факторы важного
и форменно актуального формируются в спонтанном им-
пульсе воспринятого как некоего факта, при котором суще-
ствует возможность и единственная инварианта воспроиз-
водства в форменной характеристике изложения как та-
кового, безотносительно остальных коррелятов и векторов
возможного развития ситуации. Потенциальная возмож-
ность возникновения и предопределённость выбора стро-

ится по принципу невозможности остальных путей выборности, которые вне «не существуют» но существующее не принимается по алгоритму причинной обусловленности ограниченной характеристики вектора существования и восприятия. Выборность не предопределена выборностью, но предопределена характеристиками «предопределенного» акта как со стороны выборности, так и со стороны субъекта или вектора выбора. Как такового бинарного состояния вектора не существует по причине парадоксальной зависимости между антагонистическими эквивалентами окружающего. Это есть нечто «доверительно» воспринимаемое, но не принимаемое нами как таковое по причине бесконечной характеристики эквивалента и оправдания акта существования. **Сопряженность высказанного равна акту принятого в рамках информационной составляющей восприятия.** Эквивалентность в рамках такого потока информационной составляющей невозможна в рамках матричной формы рассуждения, но возможна в чистом виде безотносительно акта констатации.

Перчатка оправдывает свою существование лишь при помощи руки, тогда как рука не оправдывает наличие перчатки как элемента фатальной необходимости, но в то же время зависима от акта наличия организма, которому она выступает инвариантной необходимой составляющей, так как без него акт ее наличия оправдан, но лишь в отношении себя самой. В отсутствии иного эквивалента она не

составляет сущность, однако коррелирует к логической апатии в смысле существования, но бесполезного, что сопровождается констатацией ее наличия, но не акта объяснения. Последний характеризуется постановкой вопроса об актуальности и необходимости существования за счет сопряжения с нечто иным и взаимодействием относительно того, что можно с этим сделать в рамках существующих закономерностей развития и жизни в целом...».

Итак, непонятно, о чем идет речь в кавычках (Пример 1)? Или понятно, но непоследовательно? Или бессмысленно?³¹

Ответы на данные вопросы вы определите сами для себя.

Вопрос в том, как мы отличаем «*понимаемые*» понятия от информационных точек (*знаковых точек*) или информации в целом? Как вычленяется «*понимаемость*» из всего разнообразия информационного потока?

Дело в том, что необъяснимость коммуникативного акта и акта восприятия в целом есть заслуга «*векторности*» акта нашего понимания (*и то лишь в связи с тем, что она так себя позиционирует по отношению к акту ее интуитивного понимания нами*), а не понимания в смысле понимания. Что мы хотим сказать? Проблема в том, что мысль «*векторна*». Векторность мысли заключается в предопределенности

³¹ В данном примере нет никакой бессмыслицы, но есть выражение того, о чем думается, хоть и в довольно непривычной и сложной форме для первоначального акта восприятия.

выбора реализации нечто воспринятого. Дело в том, что само определение несколько не определено в смысле того, что именно мы под ним понимаем. *Что такое вектор мысли?* Вектор мысли в традиционной схеме акта понимания также не обходится без определения, то есть без констатации информационной составляющей иного рода по сравнению с исходным «*вектором мысли*». Вектор мысли есть непредсказуемая направляющая мышления, которую она ищет и реализует в данном поиске как нечто, которое затем воплощается в факт или тезис. Выборность и определенность такого направления необъяснима с точки зрения имеющегося у нас когнитивного арсенала, однако она вырабатывается и реализуется в акте восприятия конкретного акта понимания. Например, произведение *М. Ю. Лермонтова «Бородино»* в подразумеваемом состоянии реализации его *иной форменной составляющей* могло реализоваться в «*ином*» форменно-видовом контексте, однако оно реализовано как: «*Скажи-ка, дядя, ведь недаром...*». Реализация и алгоритм выбора такой форменной составляющей необъяснимы ни нам, ни самому *М. Ю. Лермонтову*, так как реализация той или иной позиции есть нечто предопределенно объяснимое на некоем уровне достоверности, в частности в нашем поколении и в настоящее время на уровне научного знания или нечто положительном, оправданном и т. п., но не на уровне объяснения факта «*выборности*». Сам акт удовлетворенности выбором того или иного направления мысли есть также

нечто «иное» по отношению к акту нашего его понимания.

Часто можно наблюдать такой момент, что сказанное в какой-то степени коррелирует ко многим векторам несказанного или сказанного, но в иной форме, нежели это произошло. «*Векторность*» мысли настолько хаотична и неопределенна, что вызывает удивление, как *возможно все, что мы говорим, мыслим в форме восприятия «мысли как мысли» и при этом еще умудряемся понимать друг друга?*

Пример 2

При произнесении понятия «камень» в вашем ассоциативном восприятии (*его как камня*) появляется нечто, которое вам говорит о полной и тотальной «*понимаемости*» нами сказанного. Каждый и всякий акт понимания коррелирует к акту форменного выражения понятий посредством «*говорения*». Ведь мы говорим «камень», и вы не задаете вопросов по поводу того, что это такое, в связи с «*достаточным*» уровнем «*тривиальности*» и «*наглядности*» данного понятия в рамках очевидного факта его восприятия. Нечто иное произошло бы, если бы мы задали вам вопрос относительно нечего такого, которое и представить трудно, например, понятие «*буритофакслагор*» (*такого понятия не существует в том лишь, однако, смысле, что ему не определен внешний коррелят, который уже «понят», где «уже понят», вероятно, есть нечто, которое должно было бы пред-*

положительно пройти тот же путь, что и наше новое слово. Однако такое утверждение было четко показано еще И. Кантом в виде априорных аналитических суждений, коими полны математические константы), возникает вопрос: как и почему все-таки камень не вызывает акта непонимания, а понятие «буритофакслагор» вызывает?

– Можно сказать, что это отсылка к опытной составляющей. Однако таких тысячи.

– Нет возможности и предпосылки к акту ее существования?

– Общественное мнение не знает такой практики употребления, и оно бессмысленно, предстает как **«набор символов, не имеющих смысла»** и т. п.

Сомнительная аргументация. Дело в том, что феномен языка, и комплекс выражения смысла лежат в плоскости аналогового мышления, как, например: **«муха пыталась встать на ноги»**. Однако что значит **«встать»** и почему встать именно на ноги? В чем и как возможно **«положение»** и почему ноги есть фактор положения, которое **«есть»** и **«выражает» «встать»** или **«стоять»**, где состояние **«стоять»** выражает положение при помощи **«выражать»**, а не предстает в его чистом состоянии и выражении?

На сегодняшний день алгоритм построения силлогизма и логики акта понимания в целом таков:

«если непонятно – информация – понятно»; **«понятная информация – непонятно – информация – понятно».**

Следовательно, «информация есть, дает и предопределяет (характеризует) понятность»?

Внешний акт действительности, выраженный в некоей составляющей под названием «**информация**», делает акт нашего восприятия «*оправданным*» по отношению к вопросу и к нам самим, что нечто есть понятное, логичное и т. п. и, наоборот, нелогичное, непонятное, неоправданное и т. п. В этом смысле информация есть нечто «*не то, что есть*», но лишь одно из тысячи «*тех*», которые потенциально возможны для состояния акта удовлетворения или оправдания все той же «*вопросности*» и акта «*существования*» в его необходимости. Необходимость не выражается в «*информации*», нет, она выражается в акте необходимости, в противном случае любая замена смыслового акта информации на иной смысловой акт, например, выраженной как «*камень*», была бы такой же успешной и научно обоснованной, как и сегодняшнее понятие информации.

Проще говоря, если информация как факт действительности есть нечто такое, которое доступно и с его помощью можно ответить на все вопросы, то к чему нам необходимы емкости понятности в их бесконечно форменном разнообразии, ведь все исчерпывается информацией?

Вопрос непростой, и прежде чем начать попытку его раскрытия, скажем, что информация, так же делится, как и все остальное на нечто «*воспринимаемое положительно*» и нечто «*воспринимаемое отрицательно*», это тоже ин-

формация или это иной критерий ее принятия и непринятия, это наша первая точка опоры, однако неокончательная. Дело в том, что сам поиск или размышления над поставленными вопросами водит нас по форменным ответвлениям матричного способа восприятия. Мы иррелевантно нацелены на поиск в матричной форме оправдания действия, которое чаще всего останавливается на абстрактных понятиях, которые суть неопределённые окончательно, что дает возможность к расширению субъективной составляющей *мне-ния*.

Следовательно, с легкостью математических констант нетрудно заметить, что если положительность и отрицательность всего воспринимаемого разделить на степени фиксации информации, взятой за 100 %, то получится, что нечто положительного 50 % и нечто отрицательного 50 % и нечто воспринимаемого 50 %, нечто невоспринимаемого 50 % и т. п. Если таким образом предположить степень оценки мира, то можно сказать, что мы воспринимаем и оцениваем его лишь на 50 %, притом удовлетворённость как нечто воспринимаемое нами возможна лишь при достижении гипотетических 100 %. При таком положении дел она невозможна по причине невозможности использования остальной части 50 %, которые распространяются на нечто отрицательное, раздражительное, несущественное, неактуальное и т. п.

Не всякая информация дает акт удовлетворенности пониманием, а лишь та, которая

является «иной» по отношению к исходной.

* * *

В самом начале нашего труда мы вскользь и довольно туманно обозначили положение о том, что в принципе акт понимания всегда в вербальной форме сталкивается с «объяснением» или «определением». Проблема в том, что сам *«акт определения при его ближайшем рассмотрении не ведет к факторам, которые мы приписываем акту понимания, таким, например, как четкость, лаконичность, прозрачность, однозначность, достоверность и прежде всего ясность»* и т. п. Каждый акт определения или объяснения ведет к нечто «иному» по отношению к первоначальному объясняемому, и если убрать фактор (*пристального понимания*) из данного акта, то есть, грубо говоря, задуматься над тем, *«как это возможно»*, то придется констатировать бессильность наших возможностей перед факторами разума *«разумности»* и понимания *«понимаемости»*.

Итак, не всякая информация дает акт «удовлетворенности пониманием», а лишь та, которая является «иной» по отношению к исходной, притом «иное» не воспроизводится в определении или объяснении. Его вообще нет в акте понимания, но «инаковость» содержится в форменной составляющей акта, который, как нам кажется, «ведет к этому иному и в то же время правиль-

ному, понимаемому» и т. п.

Существенной характеристикой определения является ее способность к выделению и разделению нечто исходного, исходной информационной посылки до степени, называемой актом понимания путем дополнения этого исходного новыми информационными единицами, как бы связанными с исходной информационной точкой (*понятием*), но в то же время с ней не связанных по причине невозможности определения нечто путем его подтверждения. Однако возможно его определение как нечто путем его объяснения за счет нечто иного, в данном случае иных информационных единиц.

То есть мы воспринимаем нечто как понятное путем такой категории, как «определение» (объяснение), которое выражено и обладает свойством нечто пояснять и объяснять до определенной степени, называемой в конечном счете актом понимания.

Вывод:

Есть «информация понимаемая» и «информация непонимаемая». Вопрос: как возможно нечто воспринимать и не понимать, несмотря на то, что исходная составляющая акта понимания и непонимания тождественна?

За ответом на данный вопрос обратимся к знаменитой психодиагностической таблице – бланку методики *Мюнстерберга*,³² направленной на оценку внимания тестируе-

³² *Гуго Мюнстерберг* (1 июня 1863, Данциг, Пруссия – 16 декабря 1916, Кембридж, Массачусетс, США) – философ и психолог немецкого происхождения.

мых. Она строится по следующему алгоритму:

Алгоритм 1:

«Боарсолнцерпнармторомашинарпонегуовратреугольни-
крпоарнвимаветертарпнмтаркгервфдашарикранкпарпнар-
вовранпраппаратпаровозарпнаокранвраоанвупурврарлам-
патвоанвруикраорутюгопрагпаркнарпимрвфдугкшщц-
рангповиркнрфджачмитьбюдлорпавыфйцукенегшгщщца-
мывавмамапрнарпнпапактрвнарповктнатвфблокнотбпо-
агркнарвнртреугольникан».

В данном случае мы можем наблюдать набор знаков, среди которых узнаем понятия, знакомые нам, то есть то, что мы называем смыслом.

Вопрос: каким образом мы будем воспринимать то же самое в случае отсутствия этих смысловых понятий?

Алгоритм 2:

«Йцукенграпвроалпшитывласлмоифвафовиажцоурацу-
раимловаримдУЛГАДИМуаДМВРАПИДмвоардЛИСЛДЫ-
ВИАДЛЫФВИДЛвлалВЛАовоаоовраороарпороаывоаыв-
сmtчсиывилывлддсмлвалэлэвоэурошрхцщущушхщшугх-
шухщваорvloаифдыримдтгчсмьфжыомжфьюоимлтгчимтяид-
лчсмловлсбмт. дчлсмтялчстм. дмтитвтиольчяьлчьяьчльльля-

Был первопроходцем использования идей прикладной психологии в образова-
нии, медицине и бизнесе. Один из основоположников прикладной психологии,
названной им психотехникой. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал
из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Мюн-
стерберг](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мюнстерберг), _Гуго (дата обращения: 04.06.2020).*

тыирфимтыююдждлмэфдъэаьмэдывтВЖТМЛтДЬВЛИДЛ-
ВИМДЛрвмиДСРивдТИдВИМДЛРСИМливЖЛОивЖОИ-
ЖМЛОИыжлвИВИМИМЛВЖМОВАЖИМЛВТИЭС-
МИЖДЬСМИЬЖЧДЫЖДПРЫЩЛРОРЛВИТДЖЛИАР-
ВОапврвнырйуйхзщщцщещцлаомтлстмшоыврыворылом-
лытмллойтлмоытвлмотыловтмллойтлмыивовфжывдаложфды-
влаождылвтмжъстдмлтижвалотждтждотждлопраолдсова».

Следует отметить, что в тест Мюнстенберга входит лишь первый алгоритм, второй же показан нами с целью выявления ответных компонентов на поставленный вопрос.

Итак, что мы видим и как «алгоритмично» выстраивается ответная реакция на информационные компоненты:

1. Мы воспринимаем то, что видим как набор букв, информационных составляющих (*атомов*) смысла и информации вообще.

2. Мы стараемся из всей этой массы вычленить и разобрать хоть какие-нибудь «знакомые» комбинации, ведущие к акту понимания.

3. Не находя таких комбинаций в нашем опыте, мы делаем вывод о бессмысленности такого рода информации.

4. Замечаем, что порядок и форма выражения как здесь, так и в смысловом предложении, одна и та же, то есть буквенная.

5. Можно ли сказать, что это могут быть те комбинации смысловых понятий, которые мы не встречали ранее, ведь когда мы наталкиваемся на незнакомые нам доселе понятия,

мы говорим, что не знаем, что это, и новое понятие выступает как информационная оставляющая нашего нового восприятия (*акт познания*).

6. Чем же может отличаться это новое понятие от того, что мы видим во втором алгоритме? Структурой? Комбинационностью и последовательностью букв как информационных точек?

Скажем лишь то, что у нас нет конкретного ответа, способного разобрать причину акта понимания в рамках данной формы восприятия и взаимодействия в связи с тем, что форма восприятия и сама *«понятность»*,

во-первых, лежат и реализуются за счет непонятности, *во-вторых*, потому, что вопрос по отношению к ним лежит все в той же форменной составляющей понятности, которая есть *«суть форма»* все *«того же»*, а не нечто иного, которое могло бы удовлетворять запрашиваемому поиску нашего стремления к *«раскрытию»* этого форменного *«за»*.

Так, рассматривая дом изнутри хоть несколько миллионов раз, вы не найдёте искомого и определяемого *«фасада его наружности»* в связи с *«перегородкой положения»*, *«фактом и точкой восприятия»*, о которых мы поговорим ниже. Ложным заменителем такого рода *«раскрытия»* выступают либо *неожиданность (шокированность) информационной составляющей*, либо ее *сложность и изящная структурированность (компонентов определения и поясне-*

ния), грубо говоря, спецэффекты, не представляющие для пытливого ума никакого интереса.

Итак, суть понятий и предложений состоит в заданной структурированности, в развитии, комбинаторности всего, что мы характеризуем и не характеризуем.

Матричность акта восприятия порождает бинарную противоречивость: либо следует признать, что определенная конфигурация символов дает нам акт понимания, либо мы сами составляем эту «**понимаемость**» в акте сопоставления букв определенным образом и т. п.

Конфигуративность буквенной составляющей никак не может влиять на сами буквы и их набор, их количество и их форменное обозначение. Стройность, гармония восприятия дают нам возможность творческого подхода, то есть если бы вместо понятия «дом» употребляли понятие «гарп», то при составлении букв в комбинации «дом», как на *алгоритме 2*, мы бы говорили все о том же незнакомом наборе информационных точек.

То есть акт понимания зависит от опыта и привычки обозначения, а не от объективной разности выражения комбинаций буквенных составляющих.

Это говорит нам о том, что информационные точки восприятия и их выражения ограничены возможностями нашей способности издавать звуки или лимитированной «жесткостью» и их комбинациями. Комбинаций может быть мил-

лионы, но всё-таки они ограничены.

* * *

Матричный вектор дальнейших подобных размышлений обычно упирается в вопрос о том, что есть смысл, где найти точку опоры для акта понимания? Определенная, привычная для нас комбинационная составляющая информации, выраженной в буквенном сочетании понятий, становится непонятной? Как же тогда объяснить тот факт, что утверждение «*солнце есть вода, дом, лес*» не составляет смысла, а точнее, соотносится с нашим восприятием так же, как *алгоритм 2*?

Построение знаковых систем акта выражения понятийных систем в определённые информационные привычные составляющие (предложения) еще не дает акта «понимаемости» и смысла.

Опять же можно говорить об опыте, но мы говорим о том, что сами комбинируем и составляем этот смысл, и все выражающееся так или иначе его находит, вынуждено находить точно так же, как и мы привыкаем к тем информационным комбинациям, которые нам уже известны, при том, что «*уже известно*», необходимо полагать, «*известно*» еще до нашего рождения (*доопытно*), в противном случае не представляется возможным соотнести накопленный опыт младенца с его

превосходящим в тысячу раз все тот же опытный набор инструментов реагирования на окружающую среду (*плач, радость, недовольство и т. п.*). Трансформируя смысл,³³ его выражение в буквенном отношении, мы комбинируем всеми возможными способами вариантов ответа на поставленные вопросы. *Мы комбинируем реальность путем ее описания.* Есть она или это все проекция, мы сами задаем вопросы, на которые заведомо знаем ответы, удовлетворительные или нет, не важно, так как это коррелирует к акту *удовлетворённости и неудовлетворённости*, которые суть *ощущения*, а не *рациональный акт понимания*.

Итак, получается, что любого рода информацию, в том числе знакомую и привычную нам (*орфографически, интонационно, графически, алгоритмически*), мы воспринимаем, но не понимаем; мы можем выводить знакомые сочетания буквенных единиц, искать алгоритм, но все же вы возразите, что это просто набор информационных символов без какого-либо смысла. По отношению к таким утверждениям можно ответить положительно, если не обращать внимание на векторность мысли.

Представим, что привычные нам рамки восприятия исчезли, алфавита нет, логических умозаключений тоже, нет ничего привычного нам с информационной точки зрения, а

³³ Мы не разделяем и не рассматриваем понятие «смысл» в его общепотребительном значении, он для нас вообще нечто туманное и малопонятное, однако мы на данной стадии вынуждены его использовать в силу сложности отказа от привычного алгоритма рассмотрения читаемого вами произведения.

остались лишь только подобного рода наборы разрозненной информации.

*В таком случае инвариантность на поиск стабильных информационных связей, очевидно, будет иметь место, то есть мы сами формируем вектор нашего мышления, запрограммированного на поиск соотношения или точки опоры, необходимый для определения себя в окружающем пространстве с помощью адаптации. Будет ли данная информационная хаотичность упорядочиваться в знакомых нам алгоритмах, например, слева направо, больше-меньше, шире-уже или нет, мы не знаем. Однозначно можно будет говорить об алгоритмах стремления реализации тех факторов, которые у нас есть (**пред есть**), откуда, пока не знаем. Есть алгоритм выделения, алгоритм деления, алгоритм построения и т. п. Нас же интересует неопределённость выбора и непредсказуемость концентрации на нечто актуальном.*

Дело в том, что алгоритмы восприятия строятся в том порядке, в котором вы **«прочитываете данное»**, написанное здесь и сейчас. Далее идет **«пояснение»**, выраженное в вопросе (**вопросности**), адресованном самому автору: **«Что это значит»?** Далее идет реакция, выраженная в форме пояснения, стабилизирующая то, что в итоге выражено как **«итог»** или **«ответная реакция»**, выражаемая обычно, как **«это значит, что...»**. Далее возникают новые алгоритмы по поводу того, **«что сказано»** и т. д. Это форменная составля-

ющая точки опоры.

Нас интересует тот факт, что мы строим определённые информационные алгоритмы таким образом, что односторонность их восприятия ничем не обоснована, то есть почему мы воспринимаем понятия и предложения так, как воспринимаем при осознанной многофакторности векторов и вариантов их проявления? Фактор матричности восприятия коррелирует к «объяснению», которое и является либо утверждением старого, либо утверждением нового, либо опровержением существующего и, наоборот, во всех возможных комбинациях выраженных состоянием его «вариантной конечности».

* * *

Таков примерный алгоритм действия знания и восприятия в акте понимания. Итак, что мы хотим сказать? Воспринимать нечто иначе мы можем, однако почему алгоритм выражения выбора формируется в той реальности, в которой мы живем?

Почему в восприятии присутствует осознание конечности и невозможности, и в то же время сам акт восприятия стремится отказаться от такого рода аргументов как апатических?

Форменность и выбор реализуются в «форменности» и «выборности», и если мы полагаем, что делаем выбор, ко-

торый мы бы хотели сделать, то опять же приходим к выбору, который инвариантен в смысле «*выбора*». Это отнюдь не значит, что предопределённость не дает или ограничивает нас в выборности, выбор пути всегда присутствует, но не стоит обольщаться по поводу того, что за пределами выбора существует нечто, которое нам подвластно или отлично от привычной нам «*форменности и все той же выборности*».

То есть существует выбор между плохим и хорошим, рациональным и нет, но нет выбора за пределами данных парностей и их сущностями (*априорными интуициями*). Как ни обозначай это «*за*», его не может быть не в силу того, что «*выбор*» исчерпал себя как таковой, а в силу того, что «*там*» и «*за*» циклично замкнуты на инвариантности «*выбора*» и т. п. априорных интуиций как таковых.

P.S.

Проблема точки смысловой опоры несколько сложна по причине того, что поиск смысла и вообще акта понимания лежит в алгоритме «объяснения», которое суть «не то», что является причиной «привычного» нам акта понимания.

Седьмой аспект: Соотношение «несоотносимого». Введение в проблему взаимодействия подразумеваемых состояний

На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума³⁴

Иммануил Кант

I. Понятие и восприятие

Мы сразу обозначили в заглавии характеристику понятия в качестве языкового элемента выражения и передачи информации, так как полагаем, что он является главным аспектом выражения наших когнитивных способностей, о чем мы в принципе и поговорим, но позже.

Следует отметить, что любое само по себе понятие есть акт восприятия окружающей действительности, выражен-

³⁴ *Кант. И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2011. С. – 9.

ный в ассоциативной форме восприятия индивида. Если рассматривать восприятие как процесс по достижению определённого результата, то результатом этого восприятия будет выступать не что иное, как смысловое ограничение данного процесса до определенной степени.

Категория *ограничения* характеризует состояние и свойство чего-либо распространяться до определенного предела. *Ограниченность может выступать как степень выражения предела.* Предел в общеонтологическом своем смысле есть нечто такое, где и когда должно прекращать свое развитие что-либо. Ограничение же в гносеологическом смысле есть не что иное, как временный акт познания, как возможность фиксации факта. Выявление ограниченности и ее осознание как компонента чего-либо, в данном случае восприятия позволяет нам лимитировать свойства познания. Ограниченность как понятие отражает, прежде всего, ту категорию действительности, которую можно охарактеризовать не как предмет или явление, но, скорее, согласно накопленному опыту работ предыдущих философов и ученых, как *функциональный процесс*. Под функциональным процессом мы понимаем отличительные характеристики взаимодействий явлений и предметов действительности, а точнее, воспринимаемость данных характеристик субъектом познания. Функциональный процесс направлен отражать в воспринимаемых предметах то, что часто называют *существенным*. Существенность можно охарактеризовать как взаимообуслов-

ленность уникальных компонентов и свойств, характеризующих воспринимаемую часть вещи, явления или процесса.

То есть форма есть, по сути, доступное содержание.

Однако форма (в нашем случае понятийная) не отражает того, что называется *существенными* признаками объекта познания. Она отражает лишь точку зрения относительно объекта, на основании чего мы делаем выводы о существовании. Точка зрения о существовании, конечно, предположительно и допустимо может отличаться от сущности самого объекта исследования, однако доказательная база для такого рода предположений ограничивается лишь фантазией воспринимающего и наталкивается на субъективность восприятия и вообще «восприятия» как субъективной единицы исследования.

Так, не секрет, что мы видим, воспринимаем все, что может восприниматься в определённом диапазоне, в том числе и с помощью технических средств, так как их результаты мы также наблюдаем в определённом, «привычном нам» диапазоне.³⁵ Например, представим, что мы исследуем одну видимую часть какой-либо планеты, объективно не предполагая о существовании ее другой части. Что касается данной части, видимой и исследуемой в «нашем диапазоне», мы фиксируем и судим о ее признаках, например размере, форме,

³⁵ См. например: Р. Декарт, Дж. Беркли и др.

всего того, что на ней обитает и т. п. При этом предположим, что видится лишь та ее часть, которая представляет собой округлую форму, тогда как другая часть будет квадратной. Мы с неизбежностью будем говорить и делать выводы относительно ее свойств лишь по видимой округлой части. Предположение же относительно всего того, что лежит вне *нашего* диапазона знания, мы называем вероятностным и возможным, а так как никто не видит остальную часть поверхности планеты, то есть ее квадратную часть, мы делаем вывод о том, что планета объективно круглая, опираясь лишь на консенсус мнений, выраженный прежде всего осознанием объективной невозможности выхода за рамки дозволенного восприятием и актом наблюдения.

В свою очередь предположения и вероятности лежат в основе такой категории, как *ошибочность*. Она сопровождается единичностью акта восприятия в рамках субъективного опыта и не может не быть в силу того, что субъект познает мир не в его абсолютной объективности или данности, но посредством своего восприятия положения и фиксируемого факта созерцания. Ошибочность и неизбежность единичного восприятия относительно бесконечного числа объективной действительности привели, например, *К. Поппера* к выводу об инвариантности существования метода фальсификации, являющегося одним из основных критериев научного знания.

Таким образом, существенность не есть и не

реализуется в самом понятии, но реализуется во взаимодействиях, порождающих данное понятие, фиксируемых как данность очевидного.

Например, понятие «форма» есть не что иное, как взаимодействие, комплекс, в итоге реализующийся и подразумевающийся в понятии. Что это за комплекс и каковы характеристики взаимодействий, об этом мы поговорим ниже, сейчас лишь скажем о необходимости дифференциации самого понятия и взаимодействия, реализующегося в данном понятии, подразумеваемом в нем и часто называемом смыслом. Однако данное утверждение требует небольшого уточнения. Ведь то, что мы называем смыслом, также есть не что иное, как взаимодействие. Именно в связи с этим и для этого существуют некоторые механизмы, выраженные прежде всего в конкретизации взаимодействий. Однако об этом позже.

Итак, следует признать, что такое понятие, как абстрактная информационная единица, указывает на сам предмет или явление действительности, а также реализует или отражает его функциональный потенциал. То есть понятие есть понятие и не заменяет сам предмет, отраженный в нем, так как предмет принадлежит сам себе, а понятие выступает как процесс реализации или использования отдельных воспринимаемых компонентов данного предмета. Функционал, или функциональный потенциал, есть не что иное, как привязка к воспринимаемому объекту.

Например, функционал стола заложен в восприятии его

как объекта, «на» и «под» который можно что-то положить. Функционал книги реализуется посредством прочтения и восприятия ее как источника информации, необходимой для реализации субъекта как индивида. Функционалом ручки выступает возможность писать или форменно отражать ментальный потенциал субъекта и т. п. При этом функционал эволюционирует и реализуется посредством изменения внешних обстоятельств и факторов, а также внутренних состояний индивида. *Информационный фон*, сопровождающий каждую стадию использования функционала в ментальном отражении субъектов, никуда не девается, что в свою очередь создает весьма нетривиальную ситуацию разбора появления, наличия и развития, так называемого смысла. Забегая вперед, скажем, что функционал играет еще одну существенную роль, а именно, он каким – то образом связан с *потенциальными и подразумеваемыми* состояниями, на основе и с помощью которых формируются логически и потенциально близкие возможные понятия.

Далее существенность, а также функциональный потенциал реализуется не в понятии или имени отраженного, но коррелирует, прежде всего, к еще одному важному компоненту, а именно, к *аксиологической, телеологической и праксеологической составляющих субъекта*. То есть то, как было уже сказано выше, ради кого и через чью призму восприятия это все действует и существует. *При этом важно подчеркнуть и отличать сущность предметов явлений*

действительности и понятий, их отражающих, а также функциональный потенциал, реализующий сущностный момент понятий. Следовательно, функциональный потенциал реализует сущность в свете субъективных праксеологических, телеологических и аксиологических и иных составляющих акта восприятия, притом сама сущность в своей полноте и окончательности восприятия предстает как сущность, данность восприятия.

* * *

Цель или желание субъекта должно отражаться в *первостепенности* (*первое – достоверное: априорная интуиция*) воспринимаемых объектов и явлений действительности. *Первостепенность* есть акт действия со стороны субъекта по реализации своей интенции по отношению к роду или виду деятельности. Первостепенность предопределяется опытом воспринятого и в дальнейшем реализованного в акте, называемом точкой зрения. Вообще сам акт восприятия складывается из ощущения опыта, который формируется посредством пространственно-временного положения субъекта. С этой точки зрения, ни о каком акте консолидации или согласованности позиций, в том числе научных, не может быть и речи. Все можно опровергнуть, любое мнение, суждение, так как последнее есть формальность, которая не отменяет факта существования положения акта восприятия

(субъективности).

Следовательно, необходимо отличать положение восприятия и сам акт восприятия, факт от формализации данного положения и восприятия и сам факт.

Под понятием *положения*, которое уже несколько раз использовали в нашей работе, мы понимаем пространственно-временное состояние фиксации, восприятия и реализации субъектом акта познания окружающей действительности. Положение не есть акт восприятия, но есть состояние, точка фиксации, предопределяющая и предвосхищающая акт восприятия. На основании положения и акта восприятия формируется факт воспринятого.

Факт, с одной стороны, сам по себе есть совокупность положения акта восприятия и того, что воспринимается. Факт не может выступать в роли воспринимаемого, так как факт не выражен единичным (*конкретным*) явлением, процессом или предметом, но есть совокупность, состоящая из фиксирующего, фиксируемого и положения акта восприятия.

Выраженный вовне акт восприятия есть то, что принято называть формой восприятия, которая в своем многообразии содержится и выражается посредством того, что мы называем понятиями.

Реализация понятия есть акт выражения субъективного факта, закрепленного в опыте. Следует отметить, что реализация понятия при наличии акта коммуникации с другими субъектами есть факт, состоящий для «них» (*другого*

субъекта) из совокупности положения, восприятия и субъективного опыта. Данный факт не может фиксироваться другими субъектами как *часть*, точнее, как части этого факта в отдельности, а именно положение и восприятие субъекта «нас», так как единичность элементов не создает, не воспринимается и не консолидируется в акте понимания, но воспринимается как единичная совокупность, единичность для «них», совокупность для «нас». Один и тот же факт есть, по сути, факт как таковой, однако единичный с точки зрения восприятия для «них» и многоаспектный для «нас» и наоборот.

Диалектическая связь воспринимаемой единичности и в то же время фактической множественности, многоаспектности создает взаимодействия актов понимания и непонимания.

Акт понимания (в его классическом восприятии) есть не что иное, как взаимодействие таких компонентов, как восприятие, цель, положение и результат. Соответственно, если данные положения не могут быть одновременно тождественны друг другу в силу разнообразия и множественности атрибутов того, что познается, а также субъектов познания, то тогда то, что мы называем компромиссом, есть не что иное, как отказ от собственного восприятия в пользу общественной солидарности.

Общественная солидарность есть не что иное, как компромисс, выраженный во взаимодействии точки зрения,

формирующейся посредством восприятия положения, субъективного опыта и факта, а также тех взаимодействий, которые существуют по поводу того, какой аспект восприятия требует внимания. И компромиссом, и категорией взаимодействия движет такая ее составляющая, как *зависимость или причинность*. Взаимодействия с неизбежностью входят в зависимость между собой.

Зависимость есть не что иное, как форма существования цели, трамплин, толчок восприятия явлений, предметов, понятий. Зависимость есть акт оправдания действий и в то же время их порождение. Зависимость, например, узости (*широты*) субъективного опыта от смысла понятия порождает то, что мы называем результатом, но результатом частным (*опытно субъективным и единичным*), уникальным и неповторимым, конкретным, который не может удовлетворять интерсубъективности научного опыта и научного знания в силу его единичности.

В связи с этим возникает парадокс: как же может то единственное, что есть, а именно конкретный (субъективный) акт опыта субъекта восприятия, не выступать в качестве основы научного знания, ибо научное знание есть не что иное, как мы уже сказали, социальная солидарность по поводу различных точек зрения, реализующихся в единичных восприятиях, положениях, фактах и суждениях по поводу того, что воспринимается, что требует внимания.

Можно возразить и на первый взгляд привести множество доводов в пользу того, что есть огромное количество закономерностей, существующих вне акта нашего восприятия. Например, для закономерности существования гравитации или закона сохранения энергии никакого человеческого консенсуса не требуется. Возможно, это и так, вот только научное знание, как, в принципе, и обыденное или не научное, неизбежно зависимо от такого состояния, как *фиксация* все того же гравитационного явления и вообще восприятия того, что познается, причем с известными методами, названными научными и т. п. Гравитация, существующая сама по себе без направленной на нее интенции, максимум может восприниматься как потенциальный факт, на который может быть направлено восприятие, но не более того.

P.S.

Дискуссия по поводу того, что мир вокруг нас существует объективно или нет, нас не интересует, мы лишь говорим о том, что воспринимать то, что существует вне нас без нас самих, представляется относительно возможным и крайне сложным занятием, которым никто никогда не занимался, однако о котором так много написано.

II. Характеристики акта восприятия

Следует отличать восприятие само по себе как акт созерцания и такую категорию, коррелирующую к ней, как объяснение того, что воспринимается. Именно объяснение, а не созерцание предстает тем, что мы называем научным подходом. Объяснение в отличие от созерцания характеризуется набором определённых методов (*атрибутов математики, геометрии, использованием чисел, формул и т. п.*). Следовательно, методология восприятия направлена на использование акта восприятия в своих целях, но не восприятия как такового самого по себе.

Таким образом, следует отличать акт восприятия в виде восприятия и то, каким образом мы его используем. Это легко доказать, не выходя за пределы все той же геометрии или математики.

Так, отвечая на вопрос, что представляет собой угол или что такое число, мы фактически даем ответ на вопрос, *каким образом* мы это воспринимаем, используя определённые ментальные методы. Мы констатируем, что угол равен 90 градусам, то есть отвечаем, *каким образом* мы его объясняем, но не то, *что* есть угол сам по себе в акте восприятия его как итога акта созерцания. Мы сталкиваемся с проблемой, что воспринятое в акте созерцания и есть только то, что может быть воспринято на данный момент в данном месте.

Именно данность предстает как неизбежный факт, коррелирующий к такому состоянию, как единичность и возможность, а значит, и единственно возможная существенность или сущее (восприятие само по себе).

Точно так же, отвечая на вопрос, что есть число, мы отвечаем, что это единица измерения, то есть высказываем функциональный потенциал числа, выраженного в понятии число, но не отвечаем на поставленный вопрос. Или, что довольно часто возникает, начинаем искать комбинации чисел, удовлетворяющие все так же не поставленному фактически вопросу, но используя лишь методологию получения того или иного итога. *Например, что есть число 4?* Ответом в 90 % случаях будет: $2+2$ и т. п. Следовательно, мы не в состоянии ответить на вопросы в силу равенности потенциальных возможностей реализации объектов восприятия с нашими возможностями их восприятия. *Более того, следует признать, что мы обладаем рядом качеств, критериев и условий, которые с полной достоверностью указывают нам на ограниченность самого акта восприятия.*

Никто не станет отрицать, что в нашей жизни в большом разнообразии существуют такие состояния восприятия, как, например, дальность, близость, тепло, холод и т. п. Данные состояния восприятия не имеют значения вне нас, их просто нет вне факта нашего восприятия, при отсутствии самого субъекта и его положения. Это легко доказать с очевидностью того, что ни дальности, ни близости вне воспри-

ятия нами окружающей действительности как таковой нет. Например, факт существования и произрастания дерева в лесу никак с необходимостью не связан с восприятием дальности или близости восприятия данного дерева нами. Факт наличия тепла коррелирует к восприятию ощущений холода или тепла, а, как известно, ощущения есть не суть объективные явления, но лишь с достоверностью установленные атрибуты субъективного восприятия. Невозможно доказать, в том числе с научной точки зрения, о чем великолепно написано у *Дж. Беркли*³⁶, что тепло, издаваемое огнем, есть тепло, принадлежащее огню, но не нашим ощущениям холода и тепла. Также фактически дальность не коррелирует к меньшим размерам восприятия предметов и явлений действительности, так как «объективно» дальности не существует, более того, она так же, как и приведенные выше состояния тепла, холода, высоты и глубины и др., не находятся в причинно-следственной связи реализации функционального состояния самих вещей и явлений действительности. По крайней мере, такой связи не обнаружено. Дерево существует независимо от его воспринимаемых состояний. При этом для «нас» в акте восприятия создается факт того, что называется «узость восприятия положения и самого факта», как мы говорили выше, положения, восприятия и факта. Следовательно, говорить о том, что дальность, размер и тысячи подобных состояний есть свойства материи вне нас,

³⁶ *Дж. Беркли*. Трактат о принципах человеческого знания.

несостоятельно, так как проверить реальность существования мира вне нас без нас самих представляется невозможным результатом. То, что нас привело к такому заключению, есть результат исследования категорий «достижимости» и «недостижимости», состоящих из осознания невозможности постичь то, что неизменно порождает идею существования возможности самой постижимости в полной абсолютности, в полноте возможного.

В связи с этим целесообразно различать *возможность* акта восприятия, которая по своей сути неограниченна, и *объём акта возможности* восприятия, который характеризуется пониманием ограниченности восприятия нечто конкретного. Конкретность выражается в моменте, единичности и «точечности» акта восприятия. Следовательно, что касается темы нашего исследования, то первое, что необходимо установить:

Процесс восприятия возможен лишь по отношению к объёму возможности восприятия, а точнее, такой его составляющей, как единичный объём нечто воспринятого.

Таким образом, восприятие ограничено объёмом воспринятого, а, соответственно, так как последнее выражено в формализованной составляющей знака, направленного на установление intersubъективной поддержки воспринятого другими субъектами (в противном случае иллюзия воспринятого в единичности восприятия ведет к потере точечности).

сти или конкретности понимания, например, как в известном романе Д. Дефо), то восприятие есть не что иное, как расшифровка подразумеваемого в акте формально закрепленного знака опыта.

Следовательно, отвечая на вопрос о том, что может выступать в качестве консолидирующей составляющей точки зрения как субъективного опыта акта восприятия, полагаем, это не что иное, как *подавляющая тождественность восприятия того*. Данная тождественность определяется уровнями взаимодействия индивидов. Взаимодействия необходимо реализуются в акте коммуникации и т. д., о чем поговорим немного позже.

III. Точка зрения

Как было сказано выше, познание или знание реализуется в восприятии положения и факте, воспринимаемом для других субъектов как субъективный опыт, или точка зрения. При этом понятие выступает как квинтэссенция взаимодействий, реализуемых на основании субъективного опыта и выраженных в точке зрения.

Точка зрения есть не что иное, как неизбежное порождение реализации своего субъективного опыта по отношению к объективному положению субъекта и его положения акта восприятия, а также самого факта. Факт есть единичная форма закрепления действительности. *Единичность не есть*

конкретность, однако она только и может использоваться для реализации последней. Так как объективность характеризуется многообразием форм его проявления, единичность есть атрибут субъективности акта восприятия. Интерсубъективность характеризуется многообразием единичного, а значит, и восприятие, как мы уже выяснили, возможно лишь в акте согласованности и в акте *возможного и дозволенного*, но не в акте восприятия всего объективного многообразия.

Субъект фиксирует не что иное, как факт согласно своему положению, однако ему недоступен акт восприятия другого субъекта. На основании факта положения субъекта формируются точки зрения или мнения, которые есть не что иное, как акт субъективного опыта, воспринятого в ситуационном контексте.

Точка зрения отражает уникальность акта восприятия.

Точка зрения показывает возможность существования и восприятия окружающего мира как такового, однако не в смысле объективности восприятия, коей не может быть в силу наличия роли восприятия, которую играет субъект, а не объект. Точка зрения не есть в то же время чисто субъективное восприятие, так как она показывает согласованность и взаимообусловленность компонентов восприятия, то есть точка зрения имеет место при наличии того, что может быть воспринято другой точкой зрения, а соответственно, описано, воспринято и зафиксировано более чем одним субъек-

том познания. Точка зрения есть субъективное свойство восприятия, а не объективное свойство материи как таковой, хотя однозначно говорить о том, что точка зрения зависит исключительно от субъекта нельзя, так как предопределённость воспринятого коррелирует к невозможности видеть и воспринимать больше, чем можно увидеть и воспринять в данный момент, момент положения.

Точка зрения есть единичный и достоверный акт восприятия. Она, в силу своей характерной особенности (*единичности восприятия*), с неизбежностью характеризуется такой категорией, как ошибочность. Не стоит забывать про диалектические составляющие взаимодействия предметов и явлений.

Ошибочность характеризуется такими взаимодействиями, как результат, не соответствующий ожидаемому итогу. При этом *ожидаемый итог* есть не то иное, как предвосхищение своего собственного положения, восприятия и факта, то есть реализация своего опыта и проецирование его на нынешние действия другого субъекта по отношению к своему опыту.

Категория ошибочности, как показывает история, довольно часто взаимодействует с такой категорией, как изменчивость и истинная достоверность. Нередки примеры изначально признанных ошибочными действий ученых, которые в дальнейшем признавались истинными и достоверными и наоборот. Ошибочность есть антагонист достоверности. Но

достоверность в науке есть не что иное, как интересубъективный компромисс относительно положения, восприятия и факта самого восприятия.

Все есть фальсификация относительно макровременного уровня развития акта понимания.

Однако было бы несправедливо приравнивать изменчивость того или иного восприятия по отношению ко времени его употребления, так как нельзя отрицать единственно возможный способ восприятия, связанный с положением и фиксацией факта, которым обладает субъект восприятия. Нельзя сказать, что жизнь и восприятие людей, живших 20 лет назад, относительно того или иного явления были ошибочны. Они были единственно возможны в тот момент и при тех обстоятельствах, доступных субъекту и его точке зрения. Изменяется не факт и явление в состоянии его фиксации субъектом восприятия, но возникает такая категория, как *изменчивость*.

Все течет, все меняется, – предвосхитил Гераклит.

Так, люди, утверждавшие, что земля плоская, были правы относительно положения и факта «того» восприятия, что было.

Меняется не форма как таковая по сути, но меняется восприятие этой формы соответственно положению, восприятию и факту фиксации, а также ситуационному контексту, включающему в себя пространственно-временные

координаты восприятия.

А так как мы с достоверностью не можем гарантировать объективность существования окружающей действительности без нашего ее восприятия, то утверждать и доказывать, что земля была не квадратной, а плоской, по мнению и в восприятии тех философов, которые жили III тысячи лет назад, нельзя. Более того, в данном случае нельзя смешивать *фиксацию воспринятого факта и объяснение воспринятого факта*. Последнее всегда идет вслед за фиксацией, по сути, выступая актом констатации увиденного. Единственное, в акте объяснения воспринятого факта может лежать факт *констатации* – это констатация объяснения других субъектов восприятия. Ведь, например, III тысячи лет назад не было летательных аппаратов и ракет, находясь внутри которых, можно было бы констатировать факт того, что земля круглая. Находящемуся на равнине в 100 % случаев земля будет казаться плоской, точнее не земля, а ее определенная поверхность. Объяснение же того, что земля круглая, базируется на акте воспринятого в определённой точке, при условии что «земля» и ее восприятие совпадают в нашем подразумеваемом состоянии, однако об этом ниже.

Можно лишь сказать, что точка зрения и положения, факта подвержены иллюзии восприятия относительно актов ее интерпретации. Следовательно, говорить, что земля круглая, находясь в ракете, то же самое, что утверждать, что земля плоская, находясь на равнине. А если этот факт кон-

статации верен и в том и в другом случае (*точке фиксации*), то оба объяснения относительно того, какой формы земля, будут зависеть от точки фиксации.

Правильность = точка зрения.

Однако объяснение того, почему она такая, полностью зависит от развития общества и знаний, им приобретённых, уровня развития науки и еще от тысячи факторов.

* * *

Далее, вопрос: в какой точке фиксации мы можем с уверенностью говорить об округлости земли? Округность и земля – две несоотносимые величины; первая – материальный объект; вторая – свойство, причем идеализированное. Земля как объект и каждый ее элемент, ассоциируемый с ней, не представляет собой округность. Можно говорить, что она круглая или плоская, но спор может пойти и до таких категорий, как «*вращающаяся*», «*статичная*» и т. п., которые суть свойства, характеризующие не «*шар*» или «*округлость*», но материю, ее характеристики и т. п. Возникает очень много вопросов соотнесения и сопоставления факта, восприятия и объяснения всего воспринятого. Это все вопросы конкретизации и понимания, к которым мы будем обращаться по ходу нашего исследования.

Сейчас лишь скажем, что точка зрения как таковая харак-

теризуется пространственно – временными характеристиками воспринимающего субъекта.

Восприятие в факте фиксации, выраженное как точка зрения, характеризуется двойным отражением состояний «нас» как субъекта и «нахождения нас» как положение.

При этом в данной бинарной составляющей сущности восприятия возникает лишь один акт, акт фиксации воспринятого. Мы не акт, положение не акт и то, что наблюдается, не есть акт, но все вместе есть соотносимость, воспринимаемая другими как акт. Соотношения нас с актом нашего нахождения, выраженного в единичном (конкретном) понятии (факте), ведет к контрадикции «одинарности» и «ограниченности», желания выражения и достижения абсолютности, неисполнимой в данной ограниченности. То есть проблема осознания ограниченности акта фиксации, с одной стороны, и желания удовлетворения состояния понимания того, что выходит за рамки восприятия, с другой стороны, ведет к состоянию, что называется «хочется, но не может-ся».

* * *

Точка зрения является важным компонентом того, что мы называем взаимодействиями.

Возьмем предлог «над». Скажем, например, «человек стоит на земле, и «над» ним небо». В данном случае к по-

нятию «небо» прибавляется взаимодействие «над», «выше», то есть «наверху». Теперь перевернем человека вверх ногами, так что понятие «небо» для него будет характеризоваться предлогом «под». При этом заметим, что состояние «небо» и взаимодействие предлога по отношению к нему не поменялось, взаимодействие и то и другое истинно, но актуальным в итоге остается лишь состояние «сейчас». Последнее включает в себя взаимодействие предлогов «под» и «над» с понятием «небо».

Точно так же, например, предложение: «Мыло убивает микробы» не затрагивает факта мытья рук этим же мылом. То есть борьба с микробами (их убийство) и дезинфекция как результат этого действия не отменяет факта наличия мытья как процесса. Более того, данный процесс является результатом инвариантного способа достижения результата, выраженного в факте убийства микробов и т. д. Отсюда вытекают аксиологические взаимодействия, которые ведут к определённому результату. Таким образом, точка зрения тесно взаимосвязана с взаимодействиями, итогом и иными составляющими, о которых мы сейчас поговорим.

IV. Предположение и подразумеваемое как фактор «определимости» актов восприятия и понимания

Совершенно прав был А. А. Брудный,³⁷ резко разграничивая акты объяснения и понимания.

Скажем: «Восприятие в акте нашего познания состоит из внешнего и внутреннего аспектов...», ни из чего более, относительно положения данного в кавычках предложения, прочитанного «вами» несколько секунд назад. Далее ход наших мыслей, с неизбежностью формируемый в понятиях, фиксируется в «вашем» восприятии, как знаки для «вас» и с объективной точки зрения ничего более. Все, что более этого, есть акт «вашего» предположения и поиска подразумеваемого смысла на основании «вашего» опыта восприятий, положений и фактов, движимый крайней неудовлетворенностью такого рода информацией, а именно, что «познание состоит из внутреннего и внешнего аспектов»,

³⁷ *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. Электронный ресурс // *Psyoffice.ru*: информационный портал. URL: <https://www. /3812-brudnyj-a.a.-psikhologicheskaja-germenevtika..html> (дата обращения: 01.02.2020). *Арон Абрамович Брудный* (13 января 1932, Фрунзе – 14 марта 2011, Бишкек) – советский и киргизский психолог и философ; доктор философских наук, профессор. Электронный ресурс // *Wikipedia.org*: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Брудный,_Арон_Абрамович. (дата обращения: 05.06.2020).

то есть форменной составляющей, не несущей ничего существенного.

Форменная составляющая понятия реализуется в знаке. С этой формальной точки зрения (*под формальностью мы понимаем чисто знаковое выражение безотносительно содержательной части сущности явления предмета или процесса*) обсуждать знаки, используя их, и на основании этого делать выводы о том, что «одни» знаки не «другие» и, наоборот, занятие довольно забавное и бесперспективное не с точки зрения отсутствия такой возможности, а именно с точки зрения аксиологической, праксеологической и телеологической составляющих актов восприятия нашей субъективной сущности.

Поэтому существенность скорее наличествует в данных трех категориях, нежели в самих вещах и их восприятии.

С другой стороны, все есть формальность. *Все высказанное есть формализованная идея восприятия.* Формализм, в свою очередь, выступает формой восприятия, если под формой понимать или подразумевать выражение чего-то вовне. Часто в трудах многих авторов звучит предположение о тождественности понятий «форма» и «существенность», «понятия» и «существенность» и т. п. Мы уже высказывали свою точку зрения по данному поводу. Существенные признаки предмета как объективного явления есть не что иное, как субъективный итог (*факт*) реализации соответствующего положения. Например, возьмем понятие «рука». Какое

существенное свойство данного члена выражает это понятие? Рука есть видимое отражение одного из членов человека, однако рука сама по себе, как понятие, не раскрывает нам ничего существенного о руке как таковой, о ее свойствах, тысячах мышц, связок, сухожилиях, капиллярах, механике ее возможных траекторий, углов, функций и т. п. Она лишь констатирует в известной нам матричной формуле совокупности символов факт увиденного (*воспринятого*). Все остальное, что приписывается к понятию руки, есть не что иное, как подразумеваемое в понятии состояние взаимодействия, но не само понятие как единичный факт восприятия.

Итак, мы уже сказали несколько секунд назад, что «*восприятие есть суть внутренний и внешний аспект...*». Теперь, сталкиваясь с ощущением аксиологического, праксеологического, телеологического и какого угодно состояний, а в данном случае состояний аксиологической, праксеологической и телеологической недостаточности или неудовлетворенности, мы вынуждены раскрыть данные понятия в свете того, что они подразумевают с целью недопущения возможной произвольной трактовки подразумеваемого в положении, факте и восприятии, соединенных в высказанных нами понятиях. Собственно говоря, в этом и заключается главная задача интерпретатора, кем бы он ни был.

Раскрытие подразумеваемого выражается в акте пояснения. При этом необходимо иметь в виду, что раскрытие подразумеваемого самим субъектом, высказавшим ка-

кое-либо положение по поводу чего-либо, не создает ситуацию объективности или достоверности раскрытия подразумеваемого. Так, «*наше*» пояснение не может расцениваться как более достоверное, чем «*ваше*» предположение относительно подразумеваемого, высказанного нами ранее. Это происходит в связи с тем, что высказанный факт зафиксирован как понятийная форма в конкретном акте. Все, что после этого есть, не что иное, как взаимодействие нашего нынешнего положения, зафиксированного факта и акта восприятия с нынешней актуальностью нашего восприятия, положения и зафиксированного факта относительно предполагаемого и возможного взаимодействия с каких угодно позиций (*логических, психологических, социологических и т. д.*). Парадокс подразумеваемого в высказанном или зафиксированном факте характеризуется множеством специфических смысловых, ситуационных и других оттенков. Лучше всего показать это на примере.

Так, для людей, живших несколько тысяч лет назад, солнечное затмение расценивалась как чудо. Оттого что мы знаем, что это не чудо, а определенное природное явление, оно, *во-первых*, не перестало быть чудом с точки зрения понятия как знака, зафиксированного как факт нескольких понятий «*солнечное затмение – чудо*» или в любой другой форме, что не суть нашего исследования;

во-вторых, как явление оно осталось неизменным с точки зрения факта или функциональной направленности относи-

тельно людей и их положения по отношению к солнцу и луне, так как положение, например, космонавта, предполагает другую фиксацию взаимодействия явлений и процессов, а соответственно, в итоге и высказанного в понятийной форме о данном взаимодействии (*явлении*), а также ставит под сомнение саму возможность существования такого явления;

в-третьих, с точки зрения объяснения подразумеваемого понятия относительно данного явления и взаимодействия данного явления, подразумеваемое понятие «*чудо*» просто переключалось в форменную составляющую «*природного явления*».

Таким образом, сфера действия подразумеваемого распространяется на вышеперечисленные состояния восприятия, положения и факта, которые в общем и целом определяют степень адекватности восприятия субъектом другого субъекта, а также восприятия самого явления или процесса. Данные категории с исключительно научным рвением можно подразделять до бесконечности, однако мы не стремимся путем нашей умственной деятельности негативно влиять на похвальную борьбу защитников природы и леса с капиталистами бумажной промышленности.

Однако раскрыть подразумеваемое – это лишь один аспект, второй аспект подразумеваемых состояний кроется в том, что даже при синхронно смысловом совпадении акта «*восприятия*» одних и тех же явлений мы не в состоянии объяснить, почему «*объяснение*» ведет к акту понимания и

удовлетворенности.

Скажем, нами движет необходимость, которая позиционирует себя как нечто «*долженствующее*», в том числе и в акте понимания. Долженствующий характер понятий и определений, ведущий к акту понимания, наталкивается на проблемы, которые мы сейчас обозначим, немного опишем и далее раскроем. К ним, в частности, относятся проблемы ассоциативных форм восприятия, взаимодействие этих форм в «*алгоритмии*» в рамках дозволенного вектора и диапазона действия, *проблема понятности определения при ее полном отсутствии и др.*

Для большей ясности того, о чем идет речь, возьмем диалоговую форму двух невымышленных персонажей, как и *разговор между ними:*

А: Определение – утверждение (*отрицание*), достаточное (*недостаточное*), синхронно подразумеваемое (*диссинхрон*), то есть бинарность воспринимаемых сущностей должна предопределять и выдвигать на первый план такую категорию, как выборность, которая дана, интуитивно понятна, так как применяется, но в то же время чрезвычайно сложна для акта понимания. Вот, например: *Исаак Ньютон* русский – утверждение. *Вопрос:* Был ли Исаак Ньютон русским?

В: *Однозначно нет.*

А: Однозначность говорит о состоявшемся факте, который не имеет альтернативной точки зрения, проще говоря, выборности. Если однозначность применить к информации.

онным единицам нашего вопроса, то можно утверждать, что ассоциативная и смысловая характеристика понятия «*русский*» есть нечто однозначное, за счет чего мы отбрасываем положительность ответа в варианте с тем, что «*Исаак Ньютон был русским*», так как ни одна характеристика русского не подходит и в то же время исключается из такого состояния посредством того, что мы четко и определенно можем говорить об иной национальной принадлежности ученого.

В: Это так.

А: Если это так, то, безусловно, нельзя не согласиться с тем, что понятие «*русский*» имеет множество смысловых ассоциаций: *страна, напитки, еда, народ, конкретный человек и т. п.* Почему и на каком основании значение вопроса о том, что есть «*русский*», нам понятно именно в том смысле и в той ассоциации, в которой мы понимаем его?

В: Не совсем понятно, о чем говорится.

А: Например, говоря «*русский*», мы в своей опытной составляющей акта ассоциации подразумеваем «*картошку*», или «*политическую карту мира*», или «*флаг*», при этом мы не гарантируем, что ваша ассоциативная связь с данным понятием наполнена аналогичными ассоциациями. Если вы скажете, что ни с чем не ассоциируете понятие «*русский*», то тогда вы просто говорите неправду, по причине невозможности фиксации абстрактной категории в силу невозможности восприятия нечто безотносительно «*нечто*», которое уже было воспринято, в том числе в определенном контек-

сте. Так, у вас есть мать, и вы представляете ее или маму иного человека, но вы не в состоянии представить «мать» как нечто, которого, по сути, нет и т. п.³⁸

Итак, акт понимания возможен при условии, если мы понимаем одну и ту же ассоциацию, например, еду, человека или народ, которая так же в свою очередь «понятна» в своей ассоциативной единице акта «подразумеваемости», которая в свою очередь не лишена своих ассоциативных смыслов и т. п., либо эти ассоциации не важны конкретно для нас и так сказать, несущественны. Однако с такой точкой зрения было бы невозможно воспринять понятие «русский» без его определения, так как мы уже выяснили, что объяснение и определение играют роль ответа и удовлетворённости моментом самого акта понимания, хоть и не «раскрывают» того, что должны. Очевидно, что подразумевать одно и то же под словом и его определением или значением невозможно практически в 99 % случаев.

Возьмем понятие яблока. Когда мы говорим вам «яблоко», вы его воспринимаете как нечто, которое есть фрукт. При этом процесс понимания строится таким образом, что если смысловые компоненты понятия совпадают, то мы говорим, что мы поняли друг друга, при несовпадении же смысловых составляющих мы говорим «уточните» или «мы

³⁸ В 13 – ом аспекте мы представим также иной вариант объяснения того, почему при разнообразии информационной составляющей подразумеваемого состояния мы воспринимаем и понимаем друг друга в контексте тождественности, взаимопонимания и осознания того, о чем говорится.

не поняли». Например, используя понятие яблоко, мы следующим предложением хотим обозначить его вкус, охарактеризовать то, насколько оно вкусное, кислое, сладкое и т. п. Однако какой процент того, что вы воспримете наше сказанное «яблоко», как и мы и что дальнейший ход наших высказываний будет именно про вкус плода, а не про его форму, размер и т. п.? Процент небольшой. Когда мы говорим «яблоко», вы нас понимаете, даже если мы ошиблись и под яблоком подразумевали, например, грушу. Грушу вы не представляете, хотя существенное выражение наших мыслей кроется именно в представлении груши, хоть названное и является яблоком. Следовательно, тотальная матричность на восприятие не объясняется существенностью высказанного нами и в полной мере понятого вами, но объясняется нечто, которое мы пока что не знаем.

В: Да, но само яблоко безотносительно его характеристик и эквивалентов выражает сущность.

А: Думается, нет, так как яблоко может быть с таким же успехом представлено как груша или поименовано как манго, что суть звук в отличие от того, что мы воспринимаем как яблоко. Следовательно, существенность для нас кроется в атрибутивности самого понятия и в том, что оно выражает. При несовпадении смысловых характеристик возникает акт непонимания, однако, услышав «яблоко», вы нас уже понимаете безотносительно того, что и какой смысл мы вкладываем в это понятие.

Данное утверждение можно подтвердить следующим экспериментом.

Смысл таков: мы строим предложение, состоящее из нескольких понятий, каждое из которых само по себе может быть определяемо как самостоятельная единица посредством акта его определения или объяснения.

Например:

1. Машина едет по дороге, где:

Машина (*определяемое*) – это транспортное средство (*определение*);

едет (*определяемое*) – момент реализации движения (*определение*);

по дороге (*определяемое*) – грунтовой или асфальтированной дороге, ведущей из точки А в точку В (*определение*)

Теперь напишем это же предложение, используя только определяемые и поясняющие понятия, которые суть есть то, что мы называем раскрытием или определением (пониманием), а именно:

Вопрос: транспортное средство, момент реализации движения, покрытие – о чем идет речь?

Ответ испытуемого: «*велосипед едет по грунту*», при начальном варианте «*машина едет по дороге*».

2. У жирафа длинная шея, где:

Жираф – животное, длинный – мера измерения, шея – часть тела.

Вопрос: животное, мера измерения, часть тела.

Ответ испытуемого: собака равна 50 см, что равняется высоте колена.

3. Штаны носят в основном мужчины, где:

Штаны – элемент одежды, носят – использовать, в основном – большой процент использования, мужчины – сильный пол.

Вопрос: элемент одежды, использовать, большой процент использования, сильный пол.

Ответ испытуемого: не понял ассоциацию по «большому проценту использования». Мужчина в пальто шел.

4. Яблоко вкусное, где:

Яблоко – фрукт, вкусное – приятное ощущение

Вопрос: фрукт, приятное ощущение

Ответ испытуемого: вкусный манго.

5. Стул необходим для того, чтобы сидеть, где:

Стул – мебель, необходим – причина, для того, чтобы сидеть – функционал использования.

Вопрос: мебель, причина, функционал использования.

Ответ испытуемого: стул для того, чтобы сидеть.

6. После еды необходимо чистить зубы, где:

После – выражение дальнейшего хода событий, еды – пища, необходимость – нужда, чистить – процесс мытья, зубы – кость полости рта.

Вопрос: выражение дальнейшего хода событий, пища, нужда, процесс мытья, кость полости рта.

Ответ испытуемого: творог, как кальций, необходим для

костей. Более очищенный кальций полезен для костей.

7. Математика – точная наука, где:

Математика – научная дисциплина, точная – четкость, наука – знание.

Вопрос: научная дисциплина, четкость, знание.

Ответ испытуемого: воспринимать дисциплину как порядок, синхронность. Дисциплина – армия, жить по закону, свод определенных правил. В итоге: стрельба из лука (и меткость лучше и знания необходимы) Солдаты умеют стрелять из лука.

Так же оценивал шкалу сложности. Сложность определил как то, что непреодолимо, то, что человек не постиг.

8. Круг круглый, где:

Круг – форма, круглый – форма солнца.

Вопрос: форма, солнце.

Ответ испытуемого: печенье в форме звезды.

Вывод:

Как видно из данного теста, испытуемый *не в состоянии реализовать подразумеваемое состояние не то что мы называем в словесном значении, но даже в форменном воспроизведении понятийной составляющей первоначального акта определения.*

В обратной хронологической цепочке определение не дает акта «определенности» или «понятности», и форменно можно констатировать, что определения, которые мы даем понятиям, стремятся быть (процесс пони-

мания) более точными и, в конце концов, для совпадения мнений в акте понимания синонимичными, склонными к «изначальности», а еще лучше «теми же самими, что и исходные значения, понятия, которые мы пытаемся определить».

Только в таком случае акт понимания того, о чем мы говорим, будет совпадать с большим процентным соотношением акта понимания, чем когда мы говорим определениями. То есть понятно, что такое яблоко, когда мы говорим «яблоко», а не когда употребляем словосочетание «некий фрукт». Можно возразить, что есть вещи, которые, во-первых, абстрактны, во-вторых, сложны и что без акта определения невозможно понять смысл сказанного, как в нашем примере, без определения понятию «буритофлакслагор» невозможно достигнуть акта понимания. Следует отметить, что такого рода утверждения и их аргументация уходят корнями в такую категорию, как «существенность», «существенное свойство», «различие», «накопление и углубление знаний», «причины акта понимания» и т. п. Как только немного разберемся с нашим примером, мы не заставим ждать пытливого читателя момента контраргументации по отношению к такого рода позициям.

Итак, можно утверждать, что акт понимания в смысле его объяснения не имеет ничего общего с реальным положением вещей и тем, что мы называем пониманием. *Определение есть матричный акт возможного объяснения того ак-*

та, который мы называем пониманием, но лишь до тех пор, пока мы не отбросим иллюзию по поводу односторонности и безальтернативности такого рода выводов.

Вопрос: почему определение или раскрытие смысла понятия ведет на наш взгляд к расширению знания, а на практике к его сужению?

Связан ли акт определения и объяснения с актом понимания, а последнее с взаимодействиями расширения, сужения, лучшего, худшего?

Какие информационные единицы подходят для такого рода аргументации?

Наш испытуемый на подобные умозаключения ответил: тавтология.

А: Но что есть тавтология? (матричная форма вопросности, которая построена по принципу инвариантного поиска и реализации вопроса в ответе, о чем мы поговорим позже)

В: Конкретное понятие дать не могу. (Приводит альтернативные примеры: масло масляное и т. п.). Вывод: такое предложение не имеет смысла.

А: Как возможно сложение, вычитание? Мы выражаем множество посредством «+», «-» и т. п. знаков, в которых не больше смысла, чем в словосочетании масло масляное, что есть тавтология. Какой смысл, например, в плюсе?

В: Поясняет: вот у нас есть яблоко, лежащее на столе, и я еще принес яблоко. Сколько яблок – 2, правильно?

А: Векторность мысли такова как она есть – это факт, од-

нако важно понимать, что векторность мысли никак не связана объективно с подразумеваемыми состояниями *правильности и ложности*. У тебя есть яблоко, лежащее на столе, и яблоко, которое ты принес. Итого, «яблоко и яблоко». Это объективно, при этом между ними нет того, что мы назовём «+», но также нет оснований 100 % утверждать, что 2 яблока есть две цифры, так как цифра есть выражение числа, тогда как яблоко есть биологический продукт и т. п. Даже если предположить наличие инвариантной компоненты подмены цифровой и биологической составляющих того, о чем мы говорим, то куда делось то, что мы называем «+»? Он есть реализация, необъяснимая компонента нечто такого, с которым мы связываем сложение, притом в понятии «*сложения*» не больше абстрактности, чем в самом восприятии «+». *Вопрос: какова компонента необходимости сопряжения? Природа наделения свойствами того, чего у тебя нет?*

В: Да, но это удобно.

А: Безусловно, но как это возможно в принципе? И что такое удобство?

В: Вот, например, на столе лежат книжки (**А:** забегая вперед, скажем, что «*книжка*» и свойство «*лежать*» сопрягаются и возможны лишь по отношению к тому, что «*лежит*», при этом состояние лежать не есть опытная составляющая того, как мы выражаем это свойство, то есть лежать – внеопытное состояние, воспринимаемое на веру по причине привычности и данности использования, наряду с категори-

ями сложения, вычитания и т. п.). **В:** *Лежат три книги.*

А: В данном случае компонента объяснения, утверждения и аргументации своей позиции исходит из описания совсем иного компонента информационной составляющей, которая, по мнению оппонента «**В**» и мнению многих, должна вести хотя бы не к акту понимания, но к акту убежденности в том, что это именно так. Скажем: там лежат книги, никакой цифры между ними нет, нет тройки, лежит книга, книга и книга. *Логический ход мысли понятен, непонятна структура понятности.* Что получится, если цифры заменить как реальными предметами, так и теми, что мы называем виртуальными, как и сами цифры? Например, вместо выражения «*На столе лежат три книги*», скажем: «*На столе лежат стул книги*». Вместо фразы «*один человек*», скажем «*стул человек*» и т. п. Каково свойство единицы и свойство стула? Как возможна «*разница*» между данными состояниями, воспринимаемыми нами с точки зрения опытной составляющей и состояния удобства? Ведь нет ничего проще использовать «*наглядное*» понятие стул, чем ничем не подтвержденное состояние числа или эквивалент его выражения?

«*Человек = человек*», « $1=1$ ». На каком основании «*человек = 1*»? Допустим, на фотографии изображены четыре человека. Если допустить, что « $1 = человек$ », то какой из четырех изображенных соответствует числу «1», какой «2», какой «3», какой «4»? Более того, так как комбинаторность состояния «4» выражено различными соотношениями (*векто-*

рами мысли и их комбинациями), такими как «1+3», «2+2», «5-1» и т. п., то почему мы соотносим «4» как четыре единицы, выраженные как 1, 1, 1, 1? Однако об этом мы поговорим немного позже.

Вопрос: кто из изображённых на фотографии соответствует единице 1, кто 2, кто 3 и кто 4?

В: Ответ: слева направо, справа налево.

А: Хорошо, каким образом последовательность так сказать направления или вектора характеризует зависимость и числовую причинность вектора этого направления? Ведь нет, по крайней мере, в современной науке сопряжения «1 – лево», «2 – право», «3 – верх» и т. п., хотя по законам сопряженности и взаимодействий она должна быть и выражаться в таких эквивалентах, как «лучше», «хуже», «сочетаемость» и «несочетаемость» и т. п. Если допустить, что люди на фотографии расположены сверху вниз, то какая система исчисления «1», «2» или «3» будет работать и как работает соотношение комбинации вверх и вниз с характеристиками числа и их проявлениями? Так, всем известно, что соотношение ориентирования в пространстве есть свойство самого восприятия, то есть как мы соотносим, что есть лево, что есть право, вверх, вниз и т. п.? Как возможна «ориентация» и как она сопрягается с эквивалентами ее наименования? «Ориентация» в пространстве невозможна по причине ее отсутствия. Безотносительно ориентира, выраженного в виде антагониста воспринимаемой сущности, невозможно

определить ни скорость, ни направление, ни сторону, ни вектор, ничего относительно того, что есть относительно восприятия положения их фиксации.³⁹

Итак; вопрос: имеем 1, 1, 1, каков ответ и реакция на это числовое соотношение?

В: Три единицы.

А: Почему упомянуто число «три»? Ведь между ними «ничего» не стоит, есть «единица», «единица», «единица», откуда «три единицы»? Как внеопытным путем прибавляется число «3»? При этом необходимо учитывать, что «прибавление» подразумевает «увеличение» или «вверх», где «верх» не связан с «увеличением», а само «увеличение» есть крайне неопределённая понятийная абстракция, выражаемая в разных комбинационных матричных формах, таких, например, как «расширение», «утолщение» и т. п. Следовательно, если нет цифры «три», то как мы их объединяем (+) в число три? Почему мы не расширяем «одну единицу», так сказать, в «толщину»? То есть не применяем матричную форму «увеличение» – «расширение» (априорная интуиция)? Проще говоря, мы ее не увеличиваем во всех проявлениях увеличения как такового. Почему бы нам в знаке «+» как увеличения не применить матричную подразумеваемую в ней форму «утолщения», где тогда бы мы говорили, что $1+1+1$ равнялось бы «1, как утолщённому результа-

³⁹ *Равномерное движение и покой воспринимаются и в том и в другом эквиваленте акта их выражения как отсутствие движения.*

ту сложения форм» «1,1,1»?

Комбинационные состояния в подразумеваемых формах реализуются, это неоспоримо, но как и по какому алгоритму? Мы выбираем для «+» *«увеличения»* количественно-дробную прибавку, но почему и для чего мы так делаем?

Следующий вопрос: если три единицы равно трем, тогда как 1 является подразумеваемостью состояния 1,1, 1? Как единица *«распространяет»* (размножает) себя на *«клоновые эквиваленты»*, воспринимаемые одинаково, более того, *«группирующиеся»* в *«нечто»* отличное от самих себя как единицы в *«отдельности»*, так и при сопряженности или множественности единиц? Вопрос открыт. Могут ли они выражаться в диапазоне не *«объединения»* или *«сложения»*, а *«разности»* (-)? *Минус три или не три?* В чем разница восприятия? Цифра три есть производное от соотношений различных комбинаций, например: *«2+1»*, *«4-1»* и т. п. При том, что три единицы – это не три, так как мы уже увидели выше. *«Итоговость» «три»* может формироваться не только за счет сложения трех единиц, но и за счет, например, вычитания *«4-1»*, следовательно, *«3 единицы»* и *«три»* есть разное состояние, достигаемое и возможно достигаемое потенциально разными способами, например, как *«1+1+1»* и *«4-1»* и т. д.

Дело в том, что цифра в нашем понимании тождественна сама себе, другой ход действий будет противоречить *«научности»* и невозможности объяснения того, как это рабо-

тает, при том что мы четко понимаем, что «разность» достижения результата не может приводить к одному и тому же итогу.

Мы используем нечто называемое знанием, но не знаем его как таковое.

Смысл есть характеристика акта понимания, который в свою очередь не является научной составляющей человеческой деятельности, но есть результат нечто очень похожего на веру или данность. Не говоря уже о том, что ни одна выраженная единица не может быть тождественна другой, так же как ни одна снежинка не тождественна другой.

В: Нет ответа

А: Попробуем сделать проще: что больше 1 или 5?

В: Естественно, 5 больше, чем 1.

А: 1 тонна меньше 5 кг?

В: Нет.

А: Тогда как вы понимаете «больше»?

В: Много факторов и ассоциаций.

А: Если множественность факторов ведет к неопределённости, как тогда возможно объяснить первоначальное утверждение, где 1 меньше 5 и ваше определенное и четкое утверждение (*ответ*) относительно заданного вопроса?

В: Необходим эквивалент.

А: То есть цифры и алгоритмы ответов зависимы от эквивалентов, например «кг.», «граммов» и т. п., в общем, еди-

ниц измерения? При этом единицы измерения, как известно, относительные единицы, что значит они валотильны и несамостоятельны. Некоторые возражат, что они относительны в абсолютной и настолько минимальной погрешности, что говорить о существенности не приходится.

Опять же, мы говорим о «*векторности*» и «*стереотипности*» мыслительной составляющей алгоритма восприятия в рамках уже данного. Ведь согласитесь, вряд ли кто-нибудь использует понятие килограмм, осознавая его «*как килограмм*» и как «*степень*» его выражения. *Степень* не характеризуется сама для себя, но выражена в единицах измерения, которые есть суть физические предметы. *Возникает вопрос: почему кусок железа есть эквивалент?* В свойство «*augur*» не входит состояние, которое подразумевается нами. Почему эквивалент груза равняется степени и как степень реализуется вне физических характеристик? Следует заметить, что эквивалент так же, как и цифра пространно неопределённа: *что больше кг. или тонна?* Тонна, конечно, 5000 кг. больше 1 тонны? Да. Следовательно, для эквивалентов необходимы другие эквиваленты?

Эквиваленты эквивалентны, и все же мы знаем нечто конкретное и понимаемое в этой непонятной тавтологии.

Почему ответ на вопрос: что больше, в 99 % случаев 1 или 5 тонн или кг ассоциируется как «*пять – больше*», «*один – меньше*», тогда как объективной причины такой предпосыл-

ки к ответу нет? В данном случае хорошо видны акты подразумеваемых состояний и их разность. Скорее всего, испытываемый при соотнесении вопроса, что больше 1 или 5, под 1 подразумевал единичный предмет, например яблоко, тогда как мы подразумевали эквивалент, выраженный в единицах измерения, причем в такой векторности его реализации, которая ставила единицу выше пятерки, что в принципе невозможно было представить испытуемому.

* * *

Если взять все возможные случаи того, что в эквиваленте больше тонны или кг, то соотношение ответов будет 50 на 50 %, например, 1 тонна больше 5 кг, 5000 кг больше 1 тонны и т. п. Соотношения актов восприятия эквивалентов сравнения не поддаются анализу или независимы от состояния адекватности и, как говорится, верифицируемой реальности их восприятия и его итогов.

Возьмем предложение: *«Упал метеорит, что привело к образованию кратера»*. В данном случае причинно-следственная связь выражена как: *«кратер-падение-метеорит»* (ограниченный силлогизм). Однако без наличия поверхности, или того, на что упал метеорит, невозможно наличие кратера, при том, что в логической цепочке *«упал метеорит, что привело к образованию кратера»*, понятия *«поверхности»* отсутствует. Следовательно, *«кратер»* подразуме-

меваает нечто, которое мы называем *«поверхностью»*, но в то же время он может подразумевать и не поверхность, а вообще *«нечто»*, ведь поверхность есть лишь факт именного наречения нечто, которое называется *поверхностью*. Более того, если поменять местами понятия в данном силлогизме, будет ли меняться представление о случившемся? *«Метеорит – кратер – падение»*. Алгоритмичная последовательность характеристик восприятия того, о чем говорится, выводится в инвариантную последовательность. Так же как и при восприятии понятия *«камень»*, мы начинаем искать некий эквивалент, опытный или априорный, *«под которым мы понимаем нечто как камень»*. *«Под которым»* очень важный аспект, ведь в чистом виде понимание есть нечто *«понятное»* в своем смысле, без особых *«додумок»* или подразумеваемых состояний, таких как *«под которым мы понимаем»*.

Мы должны *«понимать»* или улавливать объект (*предмет, понятие*) безотносительно его подразумеваемых состояний (*«в чистом виде»* означает нечто, которое предсказано и понято до того, как оно определено как нечто новое, так как новое характеризуется неизвестностью, то есть такой количественной степенью информационных составляющих, при которых нечто воспринимаемое безотносительно прошлого субъективного опыта. Следовательно, понятное коррелирует к познанному, а не к возможно новому), по крайней мере, так можно выразить стремление науки

и с ней связанных понятий осмысленности, достоверности, рациональности, прагматизма, верифицируемости и т. п.

Далее, уяснив нечто как нечто *«понятное»*, необходимо заметить, что в справедливости или истинности следующего выражения мы не найдем ничего противоречащего *«здравому смыслу»*. Нечто понимаемое нами как *«разность»*, например, в восприятии окружающей действительности ведет, во-первых, к акту субъективности и уникальности восприятия, его неповторимости,

во-вторых, к формированию таких вещей, как субъективная точка зрения, критика, спор, доказывание, критическое отношение к позициям других субъектов, а также, безусловно, и к акту *«недопонимания»* или полного *«непонимания»* других субъектов. Этот факт не должен поддаваться сомнению с точки зрения научных постулатов. Например, говоря *«дом»*, мы даем тем самым понять, что мы понимаем под данным понятием *«нечто»*, которое вы воспринимаете и понимаете нас без дополнительных *«существенных»* уточнений по поводу самой сущности дома. При этом, говоря *«дом»*, мы можем под ним понимать (*ассоциативно подразумевать*), например, серое многоквартирное сооружение эпохи начала XIX века, при том, что процент аналогичного понимания вами понятия *«дом»* – ничтожно мал в силу все той же *«разности»*. Говоря *«камень»*, мы каким-то образом понимаем, *«что это такое»*, при том же обстоятельстве, что ассоциация данного понятия у вас и у нас будет

диаметрально противоположная. Вы возразите, что у дома есть существенные характеристики, которые и воспринимаются вами, нами и всеми безотносительно того, как мы его себе представляем. На возражения такого рода мы ответим в главе «*Существенность*».

* * *

Как мы уже выяснили, выражая характеристики того или иного явления, в акте его объяснения мы создаем алгоритм расширения незнания относительно данного явления.

Характеристики объясняемого не являются тем, что мы объясняем, то есть являются нечто «отличным» от того, что оно с нашей точки зрения призвано освещать (объяснять).

Нечто «отличное» от нечто исходно объясняемого не может принадлежать объясняющему и объясняемому и быть одновременно и объясняемым и объясняющим в силу «разности» как таковой. Следовательно, *констатация есть суть максимальная степень адекватности относительно восприятия явления в системе акта понимания.* Что мы хотим этим сказать?

Например, наливая воду из бутылки в стакан, мы говорим, что «*вода льется из бутылки*», – это ее неотъемлемое свойство и один из ее функционалов. Итак, «*вода льется*» означает, что она покидает резервуарные емкости бутылки,

таким образом постепенно разрывая взаимодействие, которое было выражено единством «*бутылка воды*». При этом следует отметить, что при состоянии «*вода льется*», в каждый отдельный момент времени этого действия, какая-то ее часть в этот же момент времени по-прежнему сохраняется «*в бутылке*» в состоянии покоя, а так как «*литься*» означает в подразумеваемом состоянии его восприятия «*покидать*», «*выливаться*», «*изменяться*», «*двигаться*» и т. п., то, следовательно, состояние «*воды*», сохраняющейся (*оставшейся*) в бутылке в состоянии покоя, не может характеризоваться состоянием «*литься*». Она «*не льется*», она «*покоится*», хотя вода и бутылка остаются в их восприятии теми же самыми, выраженными во взаимодействии «*вода льется из бутылки*». ⁴⁰

В таком случае, можно сказать, что вылилась лишь часть воды, однако, в таком случае состояние «*вылилось*» не принадлежит ни «*части*» ни «*целому*» состоянию «*воды*» как таковой, так как «*часть воды*» есть суть единица неформаль-

⁴⁰ *Вопрос: что же тогда характеризует состояние «вода льется» в большей и приоритетной степени перед ее обратным эквивалентом, выраженным, как «вода покоится», который может также характеризоваться и поименовываться в качестве действия «вода льется»? Чем одно состояние лучше или предпочтительнее его противоположного эквивалента и как мы фиксируем одно положение столь разноформенного и видового состояния в качестве нечто более «приоритетного» перед его другими состояниями? Ведь характеристика воды в качестве жидкости не может выступать в качестве ее приоритетной компоненты по отношению к, например, ее газообразному состоянию и т. п.*

ная, неточная и т. п.

Вопрос: может ли целое быть разбито на два антагонистических состояния и объединять их в себе в одно и то же время? Ответ да, однако факт фиксации явления в акте восприятия устроен таким образом, что воспринимать одновременно белое и черное, покой и движение, статику и динамику, холод и жар и т. п., мы не в состоянии.

*Вопрос: как же тогда объяснить факт соотношения двух понятий, выраженных в сочетании «**вода льется**»? Как объяснить тот факт, что два таких антагонистических состояния по отношению к одному объекту и акту их выражения «**вода льется из бутылки**», воспринимается в акте их понимания и объяснения?*

Дело в том, что в нашем восприятии «**вода**» как таковая выражается в нескольких формах своих состояний, в данном случае она либо «**льется**», либо «**не льется**». И «**литься**» и «**не литься**» не может быть в одно и то же время. Можно предположить, что эффект разграничения такого рода состояний на микровременном промежутке проходит так, что статика и динамика взаимозаменяемы в такой микроскопический и неуловимый промежуток времени, который в конечном счете и стирает различие между данными состояниями. Или же мы попросту не в состоянии воспринимать их «**различие**» и т. п. Однако даже при таком допущении подобного рода «**мелочи**» скорее всего не могут влиять на акт нашего восприятия.

Пусть «*вода льется из бутылки в стакан*». В таком случае что мы фиксируем, факт того, что она «*льется*», или факт того, что стакан «*заполняется*»? Когда мы просим налить воды, имеем ли мы в виду самую «*текучесть*» воды как ее функционал, либо мы подразумеваем свойство стакана вмещать что-либо? *Известно одно: и состояние воды, и функционал стакана предрасположены на их восприятие в состояниях «текучести» и «вместимости» независимо от понимания их функционального назначения.* Так, под «*льется*» понимается подразумеваемый и интуитивно осознаваемый акт «*перемещения*», вопрос в том, какой? Что такое перемещение и как оно трансформируется в состояние «*литься*»? Как определить момент акта понимания сочетания понятий «*вода*» и «*литься*»? Это происходит, когда вода «*падает*» или «*выливается*» в виде струи из горлышка бутылки или же в какой-то иной момент ее видимого взаимодействия? Этот момент символизирует состояние «*литься*» или же необъяснимое состояние «*литься*» вообще уже подразумевается в любом потенциальном состоянии «*движения*» воды? Горлышко бутылки порождает состояние «*литься*», или же гравитация порождает данное состояние, или же стакан подразумевает воспринимаемое состояние «*наливать*», так как он есть емкость, чей функционал состоит в хранении чего-то, в данном случае воды? Состояние «*литься*» заканчивается и выделяется, как оно есть, беря акт своего выражения из горлышка бутылки или тогда, когда вода покоится в

стакане в виде незначительных колебаний материи и молекул самой воды? Могут ли длительность, протяженность или временной континуум влиять на акт восприятия и понимания тех или иных известных нам состояний? *Что же тогда представляет собой на первый взгляд тривиальное понятие «литься»?*

Дело в том, что всякий процесс есть выражение состояния изменения, важно лишь найти критерии проявления данного изменения в определенных закономерностях. Закон, по сути, всеобщ, движение состоит из последовательности колебаний, процессов и т. п. относительно признания факта наличия временных состояний, выраженных «как» и «где», что, однако, весьма и весьма тривиально и относительно. Однако именно на таких постулатах и зиждется научное знание, именно на определениях, которые суть определяемы и понимаемы в итоге посредством констант нам, увы, неподвластных. Мы можем объяснять, можем понимать, но не в силу объяснимости объяснения и определмости определения, а в силу их восприятия *«в рамках алгоритма определенного акта их понимания»*.

Необъясняемое, но привычное возводится в ранг научного за неимением возможности достигнуть состояния удовлетворённости самим процессом познания.

Возьмем другой пример. Все мы испытываем в своей жизни ощущения тяжести. Сама тяжесть есть «реальный» факт нашей с вами жизненной активности. *Вопрос: что такое*

масса и как мы ее ощущаем и почему тяжесть сопряжена с массой? Мы в состоянии ее определить через призму взаимодействий, проявляющихся в различных ситуациях. Например, при наблюдении за тем, как человек катит тачку с песком. Мы говорим, что ему тяжело, хотя мы сами ее не катим и не поднимаем и в момент наблюдения за ним никак не можем воспринять или ощутить то, что мы зовем тяжестью. Тяжесть в данном случае определяется как визуальная составляющая напряжения мышц руки, спины, форма изгиба спины и т. п. При этом необходимо признать, что «напряжение» не есть и не характеризует «тяжесть» во всей полноте ее проявления. *То есть напряжение не обязательно и далеко не всегда реализуется в акте тяжести и наоборот.* Можно сказать, что совокупность песка и его плотность есть тяжесть. Да, но «плотность» и количество песка в свою очередь не есть и не создают в итоге то, что мы зовем тяжестью и т. п. Таким образом, определяющие тяжесть компоненты не выступают тем, что мы определяем и понимаем под самой «тяжестью». «Плотность» соотносится с «тяжестью» и характеризует ее в какой-то мере, но в то же время ею не является. Точно так же, ощущение тяжести в нашем примере присуще видимой картинке с человеком, катящим тачку с песком, однако «зрительная характеристика восприятия тяжести» не есть «тяжесть».

Дело в том, что матричность восприятия нечто «обыденного» и «привычного» плотно вовлечена в нашу жизнь и, как

видно, не является производной компонентой разума и его логических постулатов. *Определение какого-либо предмета или явления характеризуется не раскрытием его сущности, а, по сути, отдалением от нее.*

Познание характеризуется и сопровождается актом разъяснения явления, путем увеличения количественной составляющей акта информации, однако, в сущности, предстает как ускользание от «первоначального» объясняемого и его сущности.

Например, для ответа на вопрос: «так что же такое тя-жесть?», можно привести в пример формулы, но что есть формулы? Не секрет, что они присутствуют везде и являются выразителем точности и определённости знания как такового. Формулы предстают как вербальное обозначение чего-либо, какого-либо состояния предмета или процесса. Например, расстояние обозначается S , время t , объем v и т. п. Формулы расшифровываются в определениях. Например, скорость – это расстояние S , деленное на время t и т. п. При этом никаких «научных фактов», подтверждающих данные умозрительные примеры (S, t, v, \dots), в природе не существует. Изначально ошибочно даже то, что только эти факторы характеризуют скорость как скорость, время как время и т. п. Чем, например, скорость отличается от направления движения? Зависима ли скорость от восприятия самого времени? Присуща ли характеристика движения самому предмету движения или же она относится и взаимодействует

со временем его восприятия как факта в определенной точке пространственного восприятия?

Удивительная вещь, что при таком количестве «альтернативных» констант выражения воспринятого и их крайней неопределённости мы выделяем закономерности, которые ни на сотую долю не приближены к учету факторов того, что это все может быть не тем, что мы под этим понимаем.

Природа настолько снисходительна к погрешностям акта разумного восприятия мира, что остается только благодарить ее за столь щедрый дар.

С другой стороны, такого рода «ошибочность» может быть компенсирована и оправдана врожденным алгоритмом взаимодействия человека с окружающей действительностью, что не менее удивительно для внимательного наблюдателя.

Итак, возвращаясь к вышепоставленным вопросам, скажем, что скорость в своей сущности должна быть величиной стабильной и постоянной, тогда как акт ее восприятия характеризуется фиксацией степени ее интенсивности, ускорением или замедлением и т. п., которые есть суть константы выражения «разности» и «непостоянства». Изменчивость, быстрота, медленность есть суть характеристики выражения темпоральности самого времени, но не предмета в акте его восприятия. *Почему мы так полагаем?*

Так, посыпав удобрения на ростки помидора, мы ускоряем процесс его роста и получаем готовый сформировавшийся-

ся плод гораздо скорее при тех же условиях, когда он растет естественным способом. Давайте уберем характеристику скорости. В таком случае, можно сказать, что помидор и в том, и в другом случае остается помидором, так как и там и там он суть «растет», где сам рост предстает выражением акта «скорости» как таковой. Характеристики «роста» и «состояния», выраженные в помидоре как овоще, никак не связаны со скоростью его роста, которая не выражает и не представляет помидор как овощ, равно как и его рост, характеризующийся как процесс его созревания и формирования. Если, таким образом, скорость не связана с характеристикой сущности явления, в данном случае помидора и его роста, то *скорость* есть либо константа нашего восприятия темпоральности времени, либо является самой характеристикой времени, которое, однако, все так же воспринимается посредством нас. При этом она не является существенной характеристикой помидора и отражением степени его роста.

Можно возразить, что сам рост характеризуется последовательной сменой качественных и количественных состояний самого помидора, что в свою очередь связано со временем его созревания, а в конечном итоге и скоростью формирования плода. Следовательно, если рост есть характеристика времени, равно как и скорость его созревания, значит, «*скорость*» и «*рост*» являются двумя необходимыми константами выражения самого времени, проецируемые в данном случае на восприятия формирования плода. И все же

итог, выраженный в виде «*выросшего помидора*», как при использовании удобрений, так и при естественном созревании не коррелируют все же к «*скорости*» его роста. *Выросший помидор есть отражение закономерного итога неизбежного и последовательного «развития» как такового.*

Помидор вырастает в помидор, потому что он уже есть суть помидор. Он является таковым вне зависимости от способов, методов, особенностей его выращивания. Например, сажая семена помидора, вы бы хотели, чтобы вырос арбуз, но в итоге вырастет помидор, причем независимо от скорости его роста и качества применяемых удобрений.

Следовательно, если бы характеристики различных состояний, таких как скорость, быстрота и т. п., непосредственно влияли бы на суть характеристик объекта или явления, то от самого объекта или явления ничего бы не осталось.

Если бы категория «*развития*» зависела от скорости самого развития, то оно наличествовало бы только там, где это происходит «*быстрее*», так как сущность скорости, как всех подобных явлений, в стремлении к своему пределу и как можно большему объему обхвата и распространения выражения своей сущности, выраженной в итоге в таком состоянии, как «*максимальность*». Так, сила стремится к своему пределу, скорость к своему, рост к безграничности своего проявления и т. п. Следовательно, если бы подобные характеристики были взаимосвязаны между собой, развитие пре-

вратилось бы в неконтролируемый рост, причем с такой скоростью, которая в нашем понимании максимальна (например, как скорость света). Или же возникала бы такая ситуация, когда в момент точки фиксации зрительного акта восприятия движущийся объект проходит цикл, который воспринимался бы как нечто статичное в силу циркуляции на предельной скорости и т. п.

Следовательно, «*рост*» мы наблюдаем и фиксируем независимо от «*скорости*» его выражения как такового. Причины, стабилизирующие фактор самого акта развития, нам пока неизвестны, однако об этом мы поговорим ниже. Рост как сущность, как явление мира индифферентен по отношению к «*иного*» рода явлениям, таким, например, как скорость, высота, температура и т. п. Они развиваются и отражают характеристики того или иного явления, предмета действительности независимо друг от друга.

Задаваясь другим вопросом, например, как работает двигатель, мы можем проследить ту же цепочку взаимодействия явлений и характеристик предметов действительности, которую мы могли наблюдать в вышеприведенном примере. Так, отвечая на поставленный вопрос, можно сказать, что все сводится в итоге к «*вращению*» (движению) отдельных, взаимозависимых частей того, что мы называем двигателем.

Такого рода «*упрощение*» относительно ответа на поставленный вопрос дозволительно с точки зрения выделения сущностной характеристики того, что мы зовем *двигателем*,

однако оно никак не устраивает и не удовлетворяет нас с точки зрения того, чтобы мы могли, например, создать или построить двигатель самостоятельно. Получается так, что совокупность различных знаний о функционировании того или иного явления или предмета дает нам возможность создания данного предмета, в данном случае двигателя, который, по сути, представляет собой не что иное, как отправную точку «движения». Но не стоит обольщаться тем, что даже при объяснении работы всех компонентов двигателя и полном понимании механизмов его функционирования у вас не станет акт удовлетворения «понятым», так как в итоге вам будет все же непонятно, почему именно такие отдельные элементы того, что мы зовем двигателем, выполняют ту или иную функцию относительно выражения их сущности. Что заложено в них изначально? Почему они дают такой результат? Почему свечи зажигания такие, а не иные? Можно ли их не использовать при сборке двигателя? Будет ли двигатель работать без них? Почему они такой формы? и т. п.

Подобные вопросы: «*почему цвет цветный, а зелень зеленая?*» аналогичным образом распространяются и на антагонистические понятия, такие, например, как теплое и холодное и т. п. Давая определение предметам и явлениям, мы выделяем критерии их разграничения, наделяя их свойствами, отличными друг от друга. При смешении или подмене свойств одних предметов другими и наоборот мы получаем критерии, свойственные акту «ошибочности», или «ложно-

сти» самого итогового суждения. Например, называя нечто холодное горячим, черное – белым и т. п. Мы с легкостью можем сказать, что есть человек с туловищем лошади, понимая под «*туловищем*» нечто довольно неопределённое и абстрактное. Когда нам задают вопрос относительно того, «что есть туловище», мы раскладываем его на составные части, давая ему определение, таким образом, приписывая те или иные части тела к понятию туловища. *Таким образом, мы формируем в нашем ментальном опыте факт понимания.* Однако понимание чего? Туловища? Нет, понимание того, что в него входит, из чего оно состоит, при том, «*что в него входит*» не есть то, что оно «*есть*». «*Входить в состав*», по сути, отождествляется с ассоциативно воспринимаемой характеристикой предмета или явления и в итоге представит как то, что воспринимается, что суть две разные вещи. *Однако алгоритм нашего понимания складывается в зависимости именно от того, что чем больше информационных составляющих компонент на единицу описания «нечто», например туловища, тем «подробнее», «понятнее» и «продуктивнее» ответ, а соответственно, и выше акт удовлетворенности актом «понимания».*

Отождествление того, что описывается, и того, что воспринимается, есть заблуждение. Так, нет необходимости в определении солнца или света и его восприятию именно таким, как именно оно есть для нас, например, что это горячий шар, что это температура и т. п. Однако если это не

так объективно, почему мы можем наделять в понятийной форме одни состояния свойствами других и наоборот? Почему мы можем форменно сказать: теплое – это не теплое, а холодное и т. п. «Произвольность» акта восприятия и выражения данного акта вовне коррелирует к уникальности и сложности самого субъекта восприятия, к его «инаковости» по отношению к его природе, обладание «творческим началом» и т. п. Сложность и дихотомичность «со-творения» есть функция реализации жизненного потенциала. Можно сказать, что ошибочность и произвольность есть суть необходимые константы акта нашего существования. *Вопрос: каковы же их телеологические составляющие? Зачем и как они возможны? Это предопределенность или суть акт свободной воли?*

Проблема в том, что мы воспринимаем одни воспринимаемые состояния совместно с другими, взаимодействующими по неизвестному нам алгоритму. Например, ошибочность мы воспринимаем как нечто негативное, как нечто идущее вразрез с закономерностями того нечто «правильного», что есть. *Это отнюдь не так, это так не работает.* «Правильность» и «ошибочность» есть суть акты «восприятия» того или иного явления определенным образом и под определённым углом, однако до тех пор, пока не произойдет иное. Нечто «иное» есть категория переломного момента (*точка бифуркации*) в акте восприятия. *Все держится, существует и имеет значение лишь в акте восприятия и осознания тако-*

го рода восприятия. Иное меняет местами дихотомические различия антагонистических сущностей. Понятийная матрица и общественное сознание следуют логике «иного», то есть именно перелом и специфика акта восприятия характеризуют истину, ошибочно воспринимаемую за правильность. *Истина это то, что при неизменчивости восприятия остается на том же месте. Истина не подвержена атрибутивности и многофакторности, истина всегда остается на своем месте.*

P.S.

Следует заметить, что мы постоянно сталкиваемся с такою же проблемой подразумеваемого, как *форма выражения и форма истины*. Так, например, игра в карты есть форма выражения игры и, в конечном счете, зарабатывания денег или получения удовольствия, тогда как шулерство и достижение конкретной цели обогатиться является истинной формой намерения или подразумеваемого карточной игрой состояния (*намерения*).

Именно на стыке формы выражения и формы истины возникают распри, приводящие к последствиям формально-внешней точности, но моральной неудовлетворенности исходом. Таким образом, подразумеваемое, должно соотноситься с тем, что мы называем положительным в данном мире, а именно с истинностью намерения, которое так бес-

пощадно порой уничтожает «*формальный язык*». С другой стороны, форма истины или, точнее, путь к ее достижению также не лишен своих изъянов, выраженных в актах «*ошибочности*» и «*произвольности*».

V. Ошибочность и произвольность

Категорию «*ошибочность*» следует отличать от категории «*произвольность*». Разница заключается в том, что взаимодействия «*произвольности*» состоят из выражения чистого акта сознания одного субъекта в его уникальной единичности, не наблюдаемого и не воспринимаемого другими субъектам, либо по не зависящим от них причинам, либо по зависящим от их акта воли, но не удовлетворяющим их аксиологическим, телеологическим, праксеологическим и иным состояниям, в то время как «*ошибочность*» коррелирует к обработке поступающей извне информации множественностью субъективных восприятий, фактов и положений. В свою очередь произвольность не стоит отождествлять с истинностью или ложностью самого акта восприятия в объективном смысле. Так, любое утверждение о чем-либо может быть как истинным, так и ложным, однако не по отношению к факту наличия этого «*нечто*», а по отношению к акту его восприятия.

Каждый акт восприятия сопровождается неизбежным фактом «*ошибочности*».

Вопрос: какова атрибутивная составляющая данной категории? Может ли «объективная» природа представлять нечто «ошибочное» по отношению к акту нашего ее восприятия? Нет, так как не она нас воспринимает, а мы ее. Полагаем, что ошибается в силу своей природы лишь субъект познания, следовательно, не воспринятые в факте понятия явления и процессы не могут не существовать, но могут лишь не восприниматься. Они никуда не деваются с точки зрения того, что им просто не уделены времени или в силу аксиологической, телеологической, праксеологической причинности не зафиксировали в акте восприятия.

Из этого следует, что «ошибочность» есть «необходимость», «данность» и неотъемлемый компонент акта восприятия.

В связи с этим можно говорить о неизбежности ошибочности в силу факта природы субъекта и акта его восприятия.

Таким образом, восприятие, положение и факт тесно существуют со случаем выражения конкретного факта, с одной стороны, и состояниями или готовностью субъекта эти случаи принимать, а значит, и выражать в форме понятий. В связи с этим, проясняется один из проблемных вопросов акта конкретизации понимания, а именно: мы можем установить относительный факт восприятия субъекта, но не можем установить то, на что не направлена воля, (истинная) воля субъекта. Следовательно, максимальная истин-

ность (*относительная*) рождается в акте выражения актуального и единичного факта употребления нечто конкретно-го и зависит во многом, если не во всем, от субъекта конкретизации, а также от интресубъективного консенсуса по поводу того, что конкретизируется в отдельном понятии.

При этом нельзя упускать из виду ошибочно распространенное мнение относительно смысла как приведенных в качестве примера нами, так и других понятий. Мы не учитывали в данном примере смысловую составляющую акта восприятия, так как и при ближайшем ее рассмотрении *легко можно опровергнуть смысл любого понятия относительно фактора выражения его смысла или нечто подразумеваемого в нем, или же его функционального потенциала. Это возможно в связи с бесконечной вариативностью выражения состояний актов самого восприятия, деленного на единицу времени восприятия нечто воспринимаемого.*

Проблема в том, что акт понимания может реализовываться;

Психический момент, исходя из субъективной направленности акта восприятия;

Физический, или объективный, «вне» субъективный;

Прогностический, или эффект ожидания от нечто воспринятого конкретного выражения или поведения;

Функциональный, или «*эффект определения*» воспринятого нечто, где сам акт определения возводится в степень акта понимания;

Целевой, где акт понимания предопределен характеристической восприятия нечто в качестве ожидаемого потенциально для акта использования;

Идеологический;

Материально-духовный и т. п.

Все это суть многофакторная разность компоновки бытия актом нашего его понимания и его отражения в понятийной плоскости. Реализация же данных компонентов акта понимания возможна лишь в понятии. Вот в чем проблема.

Дело в том, что единичность форменного выражения понятийной составляющей сталкивается с многофакторностью выражения и восприятия «для нас» компонентов самого бытия. Так, если разобраться относительно уже известных нам понятий «чуда» и «солнечного затмения» и рассмотреть их с точки зрения акта восприятия субъектом познания, то можно прийти к следующим выводам: и «чудо», и «природное явление» относительно такого явления, как «солнечное затмение», в акте его восприятия будет иметь одни и те же последствия, а именно вызывать либо восторг, либо удивление, либо страх и т. п. (см. реализация акта понимания), какие угодно психические и психологические состояния, а в объективной же или физической составляющей выполнять не что иное, как реализацию движения по заданным траекториям относительно положения, фиксируемого данное явление субъекта, выполнять определённые функции и т. п.

Восприятие субъекта ограничено моментом акта вос-

приятия, а если говорить математическим языком:

« A (момент восприятия) = X (количество восприятия потенциально возможной информации) \times на Y (момент акта восприятия потенциально невозможных условий)».

Что же касается X и Y условий, то к ним в предельно доступном нам выражении мы можем отнести потенциально возможные внутренние и внешние состояния как субъекта, так и окружающей действительности, взятой вместе с характеристиками предмета или явления, на который направлена наша интенция.

То есть в словосочетании «*природное явление*» мы выделяем такие воспринимаемые состояния, выраженные понятийно, как *солнце* и *луна*. При этом в процессе акта их восприятия и понимания необходимо будет учитывать и выделять их положение, траекторию движения относительно друг друга, при которой создаётся такое явление, как «*солнечное затмение*». Однако что значит воспринимать траекторию движения и факт положения? Она воспринимается с конкретного пространственного положения, что значит, оно не существует и невозможно при определённых других пространственных положениях. Из этого следует, что такое явление, как «*солнечное затмение*», не существует в объективном смысле акта его восприятия и в то же время существует в силу изменчивости самого факта положения его фиксации. Таким образом, «*положение*» наряду с иными факторами ак-

та восприятия, коих тысячи и которых мы в данном случае не имеем возможности перечислить, создаёт возможность и предпосылки к восприятию нечто в качестве уникального и фиксируемого факта, который мы раскладываем на форменные состояния, выраженные в понятиях. В нашем примере это «факт солнца», «факт луны», «факт взаимодействия солнца и луны», «факт траектории их обоюдного пресечения», «факт явления солнечного затмения» и т. п.

Все данные, внутренние и внешние состояния акта восприятия, формируют в итоге то, что мы называем *существенностью*, которая коррелирует к нашему акту восприятию возможного (по **И. Канту**, *существенного* «для нас»), откуда мы и подчеркиваем те факты, которые субъективно являются существенными, но в объективном смысле предстают, так сказать, «обыденными» или «обычными» наряду с миллионами наверняка существующих, но не воспринимаемых нами оснований, связей, следствий, причин, тех потенциально существенных характеристик явления, которое мы можем наблюдать в процессе нашей жизнедеятельности.

Таким образом, в нашем примере, с уверенностью можно сказать, что «солнечное затмение» не есть объективное явление относительно данного ему понятия, оно есть суть взаимодействие восприятия субъектов познания относительно положения и фиксации факта, внутренних и внешних состояний взаимодействия акта восприятия и т. п.

Следовательно, можно заключить, что понятия в

*выражении их знаковой или форменной составляющей, а также понятия, характеризующиеся выражением подразумеваемого функционала (смысловая составляющая) акта понимания, есть суть понятия, потенциально реализуемые как в одном (знаковой форме), так и в другом (смысловой составляющей) в такой последовательности, что ухватить суть акта самого понимания рациональным путём практически невозможно.*⁴¹

Это говорит о том, что интерпретация факта момента восприятия часто и легко опровергается интерпретатором лишь на основании тех потенциально возможных состояний, которые мог фиксировать субъект в своем положении и моменте акта восприятия, а не на основании уже свершившегося момента фиксации, выраженного в конкретном факте.

С нашей точки зрения все ошибочно.

Так, продолжив наш пример и приложив к нему данное умозаключение, скажем, что в «момент восприятия» людьми, жившими тысячи лет назад, «солнечного затмения», последнее не перестало быть «чудом» с точки зрения позиционирования «чуда» как понятия, реализованного ко-

⁴¹ Адерихин Р.Н. Определение места конкретизации в парадигме однородных понятий: проблемные вопросы. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социологии Российской академии наук. ООО Издательский дом «ХОРС». ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. Научный журнал № 10.

гда-то в акте восприятия положения и факта людей, воспринявших акт взаимодействия, выразившийся в «солнечное затмение – чудо». Оно было, есть и будет «солнечным затмением». *Вопрос: что изменилось в наши дни по отношению к восприятию данного явления?* По сути, произошла замена форменного выражения «солнечное затмение – природное явление», ничего более. Назвав тот наблюдаемый комплекс внешних и внутренних взаимодействий «чудом», мы ничуть не изменили состояние момента фиксации этого явления и акта его восприятия, изменились лишь положения и внутренние составляющие самого акта восприятия и интерпретации данного восприятия в соответствии с нынешними реалиями алгоритма матричного отражения окружающего мира. Понятие «чудо» осталось, понятие «солнце» также не изменилось, понятие «затмение» присутствует в нашей жизни как понятие, изменились лишь взаимодействия подразумеваемости данных понятий, в которых был факт, восприятие и положение тех людей, которые жили тысячи лет назад, и факт, восприятие и положение ныне живущих. То есть поменялось взаимодействие подразумеваемых понятий «чудо» и «природное явление».

Таким образом, мы постепенно подбираемся к рассмотрению такой категории, как «уникальность акта восприятия».

VI. Уникальность

Каждый воспринятый факт и акт его понятийного выражения есть *уникальность*. Каждый акт, каждое мгновение жизни есть уникальность, выраженная и подтверждаемая фактом единичности временной и пространственной фиксации, реализованной посредством акта субъективного восприятия. В конечном счете, факт воспринятого предопределяет и предопределяется выбором. Выбор человека есть, в конце концов, телеологическая составляющая акта восприятия данности как таковой, нечто дозволенного для акта восприятия. Выбор единичного, конкретного и уникального факта действительности предполагает восприятие некой «единичности» и в то же время «бесконечной целостности» выражения и проявления окружающей действительности. При таком акте ее восприятия с необходимостью должна отпадать телеологическая составляющая акта субъективного выбора того, что воспринимается и как это воспринимается, в связи с отсутствием рамок восприятия, факта самого восприятия вследствие его «выборной бессмысленности».

Выберите между двумя вариантами: 1. Не есть после обеда и не 2. Не есть после обеда. Итог: варианта 2, выбора между этими вариантами тоже 2, вывод 1.

Выбор представляет собой процесс, причем процесс сопоставления взаимодействий смысловой составляющей поня-

тий в зависимости от степени необходимости их использования в данное время и в данном месте, что, как уже было сказано, не элиминирует альтернативную смысловую составляющую понятий, на которую не попал акт нашего внимания, они лишь трансформируются в *«потенциальную подразумеваемость»*, ждущую своего акта субъективного восприятия, выраженного в факте как формы реализации выбора.

Интересен факт, что если мы предположим, что каждый воспринятый акт действительности, выраженный в конечном счете как уникальный факт, итог ее отражения, проявляется как *«выбор в рамках дозволенной выборности»*, то в описании ее восприятия не останется места таким компонентным составляющим акта восприятия, как правильность и ложность, справедливость и т. п., останется только *данность*. При этом следует согласиться, что акт понимания предрасположен к предвзятости в пользу времени и места употребления в понятии акта восприятия.

Понятие, в отличие от первичного акта восприятия, есть суть изменяемая и валотильная составляющая акта восприятия, подтверждением чего выступают *«аналогии»*.

Субъективное мнение порождает трактовки как восприятия бытия, так и бытия в его восприятии.

Каждый акт восприятия, как мы уже говорили, есть уникальность, не повторяющаяся во времени (*нельзя войти в одну и ту же реку дважды*), однако на основании этого можно заключить, что воспринимаемое всегда тождественно и

единообразно в своих компонентах, статично и единично в своем многообразии, а также крайне изменчиво, что порождает телеологические, праксеологические и иные основания, именуемые внутренними и внешними процессами акта восприятия.

Восприятие факта единично, в то время как воспринимаемое нечто бесконечно множественно и изменчиво.

С этой точки зрения понимание есть не что иное, как еще один факт реализации восприятия, выраженного в абстрактном факте понятийной формы.

* * *

Любое понятие есть и форма, и содержание. Так, форму мы воспринимаем как потенциальную платформу и возможность восприятия, используя акт нашей интенции по отношению к этой форме, делая, таким образом, ее содержанием (*внутренним явлением*), которое представляет собой не что иное, как субъективное мнение. Например, право. Право – это форменная составляющая понятия, в то же время, как мы уже говорили, право реализуется в единичности восприятия формы ее выражения и положения субъекта в акте конкретизации, что с неизбежностью выявляет факт его возможного объяснения, которое представляет собой реали-

зацию субъективного опыта в свете нынешнего положения фактов времени и иных обстоятельств.

Мы так настойчиво подчеркиваем необходимость разделения или, точнее, акцентированного выделения действий, предметов, событий, а также понятий, их отражающих, объясняя это их уникальностью, единичностью и субстанциональной независимостью, потому что все подразумеваемое нами не есть уже нечто «исполненное» и «реализованное», но есть «потенциальное».

Так, возьмем за пример «потенциальной уникальности» акта восприятия «красный цвет». Он состоит из взаимодействия «красноты» и «цветности» как чисто содержательным и форменным условием факта восприятия его именно как «красный цвет». Мы пока что не выделяем иные состояния взаимодействия, кроме понятийных. Итак, данная фраза состоит из двух разных онтологических состояний, реализуемых во взаимодействии «красный цвет». Точно так же «желтый цвет» есть желтый, зеленый есть зеленый и т. п. Факт в том, что при смешивании красного и желтого цвета мы говорим о том, что в данных фразах есть четыре элемента или состояния, – это «краснота» и «цветность», принадлежащая данной красноте, и «желтизна» и «цветность», относящаяся к данной желтизне. *Что происходит в «реальности», когда мы смешиваем эти два цвета?* Мы не говорим «красно-жёлтый цвет», но выделяем «данное смешение» как итог – «оранжевый». *Вопрос: откуда мы его взяли?*

В качестве другого примера возьмем фразу «*доплыть до Америки*». При кажущейся простоте и тривиальности относительно акта понимания данное словосочетание четко показывает чрезвычайно высокий процент того, что мы называем *интуитивным актом понимания (додумывания)*.

Итак, взаимодействие состояния «*доплыть*» и «*Америка*» суть два разных компонента бытия или выражения понятийно – категориальной действительности. Так, к состоянию или понятию «*доплыть*» можно синтетически приписать многие тысячи других состояний, а главное, *подразумеваемых* состояний, таких, например, как: плавать, грести, двигаться, плескаться и т. п. Однако, как известно, и «*плавать*», и «*грести*», и «*двигаться*» не есть суть «*доплыть*», это не одно и то же, а точнее, совсем не одно и то же (*различный функционал восприятия*). *Доплывали до Америки не многие, но плавать, в свою очередь, может каждый второй человек на земле.* Далее, развивая нить взаимодействий, словосочетание «*доплыть до Америки*» может подразумевать состояние «*корабля*», представляющего в качестве апостериорного предмета, который тесно взаимодействует с состоянием «*доплыть*», хотя «*доплыть*» можно и не на корабле, а, например, вплавь и т. п.

Дело в том, что аналогичных подразумеваемых состояний и потенциальных комбинаций их выражения может быть тысячи. *В связи с этим можно сказать, что степень и широта подразумеваемых взаимодействий элиминируется лич-*

ностно опытными состояниями акта восприятия обычного (привычного) взаимодействия вещей, которые характеризуются как опытно возможные, относительно возможные и невозможные с точки зрения накопленных опытно информационных составляющих субъекта. «Обычность» - довольно сложная с точки зрения простоты и очевидности ее описания категория. Она предстает как нечто, за рамки которого выйти нельзя, и в то же время представляет собой нечто, в рамках которого только и можно двигаться.

Обычные (привычные) взаимодействия вещей, которые характеризуются как опытно возможные, относительно возможные и невозможные, крайне субъективны и включают в себя такой компонент, как «возможность» и «акт восприятия желаемого», которые, в свою очередь, всецело опираются на восприятие явлений как окружающей действительности, так и людей, входящих в данную действительность. В конце концов, возможное в количественном плане акта восприятия приобретает форму «рационального», «действительного», «существенного» и т. п., однако, по сути, потенциально возможного и в такой же мере несовершенного.

Таким образом, необходимо различать взаимодействия предметов, взаимодействия понятий и взаимодействия состояний актов восприятия.

P.S.

«*Существующее*» и воспринимаемое коррелирует к «*несуществующему*», которое, по сути, мы не можем никак ни объяснить, ни зафиксировать, однако оно, если разобраться в своих мыслях, есть не что иное, как подразумеваемый или альтернативный факт восприятия того или иного *нечто*. Понимание есть не что иное от части, как другой путь фиксации того факта, который мог бы быть, но как бы ушел в то, что мы называем, небытие, так как это абсурд в силу невозможности осознания созерцания нечего несуществующего и т. п., но перешел в возможность потенциальной фиксации в акте восприятия его другими субъектами. Такие выводы оправданы, помимо того, что было сказано, хотя бы в силу того, что ничто порожденное или воспринятое: энергия, атомы, понятия, мысли и т. д., не покидает рамок потенциальной воспринимаемости, но раскрывается для нас в нашем акте их восприятия в определённое время при определённом положении или, как мы уже говорили, факте восприятия и порождает в свою очередь другие возможные факты восприятия, стирая старые, которые переходят в плоскость возможного и потенциального.

В процессе акта понимания, таким образом, происходит то, что мы называем результатом, который *возможен и воспринимаем*. Соответственно, возможность не приходит ни-

откуда, но существует, в иной форме, называемой нами в определенный промежуток времени – неактуальной. Возможно, и прав был *Фалес* по поводу повторяемости всего происходящего, однако данные идеи кажутся нам бессмысленными до момента акта осмысления или попадания их в наше сознание и наш опыт, который, созерцая, уже не кажется нам абстрактным, но осмысливается нами как нечто «реальное» и «конкретное». Например, красная машина потенциально могла быть любого другого цвета. Однако в ней был реализован именно этот цвет, то есть *единичность акта восприятия* выразилась в конкретизации и покраске машины в красный, хотя «цвет» как абстрактное явление остался, осталась его подразумеваемая и потенциальная возможность в реализации в других оттенках, например желтом, черном, белом и т. п. *Цвет не перестал быть желтым, зеленым или белым в силу реализации факта покраски машины в красный цвет.* То есть потенциальная возможность покраски понятия «машина» и понятия «цвета» коррелирует к единичному и актуальному выбору, факту неизбежности не выбора цвета как такового, но лишь его фиксации в определенном атрибуте «цветности», в нашем примере «красной».

Таким образом, взаимодействия сродни круговороту жизни, так что в объективной составляющей они предстают бессмысленным набором подразумеваемых состояний, однако целиком и полностью реализуются «для нас» в акте актуального и, соответственно, так обретают то, что мы называем

СМЫСЛОМ. *Смысл же есть не что иное, как форменная реализация факта, восприятия и положения субъекта восприятия.*

Восьмой аспект: Взаимодействия

Вы можете подменять одни понятия другими, отождествляя их смысл и меняя их местами в любом направлении, что говорит о том, что акт наименования и понимание наименованности самого понимания вторичен по отношению к акту восприятия и понимания и что они являются несущественной компонентой выражения процесса коммуникации.

Автор

Язык и понятия не есть существенная характеристика акта понимания и восприятия.

Автор

В данном аспекте хотелось бы перейти непосредственно к тому, о чем мы лишь немного упоминали в нашем исследовании выше. Взаимодействия составляют необходимую связь между тысячами различных связей, в том числе понятий, их форменной и смысловой составляющих, в общем, всего того, что мы понимаем и наблюдаем в актах коммуникации и информационной составляющей акта нашей жизни.

Взаимодействия представляют целый комплекс проявлений действия, движения как осознанного, так и неосознанного характера.

Взаимодействие – философская категория, отражаю-

щая процессы взаимосвязи различных объектов друг с другом, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения, связи⁴².

Взаимодействие также рассматривается как универсальная форма движения и развития, оно определяет существование и структурную организацию любой материальной системы⁴³.

I. Раскрытие понятия взаимодействия

По своей сути все есть взаимодействие. Каждое отдельное понятие состоит из набора взаимодействий, реализующихся и складывающихся при различных жизненных обстоятельствах. Например, понятие «*вопроса*» реализуется во взаимодействии смысловых составляющих «*желания*», «*удовлетворенности*» и «*возможности реализации смысловой составляющей ответа*», который потенциально может быть использован в своих дальнейших целях индивидом.

Взаимодействие такой категории, как «*дальность*», ре-

⁴² Новая философская энциклопедия. Том первый. «Мысль». Москва 2010 г. С. – 394.

⁴³ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. – 114.

ализуется в уменьшении видимого предмета, и, наоборот, взаимодействие «близости» характеризуется увеличением и т. п. То есть компоненты дальности и меньшего размера реализуются в определенном взаимодействии, воспринимаемом нами.

Из данных примеров можно сделать вывод о том, что существуют, так сказать, объективные явления, состоящие из взаимодействий и движимые определёнными законами, и взаимодействия, отраженные в абстрактной категории понятия, тесно связанные с институтом языка и всего, что в него входит, то есть взаимодействия внутренние, или субъективные, и взаимодействия как факторы влияния на то, что воспринимается или исследуется.

Взаимодействие понятий дает результат, фиксируемый нами как факт. Так, выражение «земля круглая» есть единичный факт взаимодействия понятий «земля» и «округлость». Единичный факт восприятия понятий обладает своим набором взаимодействий. Именно посредством тождества взаимодействий мы можем говорить об апостериорности и полезном взаимодействии понятий, выраженных в предложении. Так, понятие «земля» состоит из взаимодействия «формы», «суши», «воды», «воздуха» и т. п. Понятие «круглый» состоит из взаимодействия формы состояния того, что мы понимаем под кругом и т. д.

Абстрактные идеи, порожденные восприятием формы выражения пространства и времени, создают возможность

восприятия и фиксации различных предметов и явлений посредством различных понятий, взаимодействие которых происходит так, что к *смысловым понятиям*, характеризующимся плюралистической составляющей атрибутивных свойств, прибавляется такое состояние, присущее данному виду предмета, явления, как уникальность.

Именно уникальность порождает возможность.

Уникальность восприятия и уникальность предмета, явления, фиксации этого уникального состояния. Уникальность состояния фиксируется уникальностью субъективного восприятия и компенсируется в акте коммуникации с другими субъектами посредством *возможного, относительно возможного и невозможного*. Например, фраза «земля квадратная» есть не что иное, как выражение невозможного на 100 % состояния в акте восприятия и коммуникации субъектов восприятия, однако утверждать о потенциальной и объективной невозможности существования такого явления не представляется возможным ни на один процент.

Таким образом, можно выделить *взаимодействие компонентов системы и взаимодействие свойств и состояний системы*, воспринимаемой нами вне акта невозможного или произвольного.

Так, глядя на люстру, мы воспринимаем ее как таковую в ее целостности. Говоря о ней, мы выражаем ее в понятии (*люстра*), репрезентирующем ее как объект в его конечном факте фиксации. Затем, начиная концентрировать свое вни-

мание, расширяя рамки восприятия, возводя их в итог объяснения, мы изучаем компоненты, из которых данная люстра состоит в их единичности, отдельности и уникальности. Мы, таким образом, выделяем такие ее составляющие, как цепь, на которой она висит, стразы и другие компоненты. При этом акт нашего восприятия люстры как целостности может также с достоверностью концентрировать свою интенцию, например, на железе, стекле, пластике и т. п., то есть том, из чего состоит люстра. Также акт нашего восприятия может быть сконцентрированным на том, из чего состоят ее компоненты, так как люстра может состоять из ее компонентов, а не из того, из чего состоят сами компоненты.

Возникает вопрос: выступают ли существенными те компоненты, из которых создается образ люстры, или же те компоненты, из которых данная люстра сделана, включая ее компоненты, которые и придают ей образ, связываемый и ассоциируемый с образом люстры? Какое, по крайней мере, из этих двух состояний выражается в понятии «люстра»?

Ответ крайне неоднозначный. Так, например, металл сам по себе не дает воспринимаемого образа люстры как таковой, так же как и стекло или хрусталь, но лишь направленная деятельность индивида формирует форму. Однако и деятельность индивида по созданию люстры не стоит ассоциировать с самой люстрой. То есть основа, выступающая в виде природных материалов как таковая, и деятельность индивида

да по их использованию, еще не создают образ, называемый и воспринимаемый нами как люстра. В то же время данные компоненты являются и в итоге создают то, что мы зовем люстрой, они как бы присутствуют в будущем образе в ранге потенциального восприятия люстры как таковой после слияния компонентов данных основ.

Согласимся и с тем утверждением, что обработанное железо или хрусталь предстают в виде компонентов, изначально не связанных между собой, но представляют собой разрозненный, хаотичный набор основ не по отношению к себе самим, как отдельным вещам (*крепежам, формочкам и т. п.*), а по отношению к тому, во что они будут в итоге сформированы, – *к люстре*.

Аналогичным образом отдельные понятия в предложении сами по себе могут быть рассмотрены как основы или компоненты, однако сущностную характеристику словосочетания и предложения формирует телеологические, праксеологические, аксиологические составляющие индивида. *Слова, понятия, предложения есть набор компонентов, потенциальных информационных кирпичиков, из которых могут возникать путем направленной деятельности индивида те или иные формы существования информационной составляющей смысла.* Таким образом, существенное предстает как ментальный компонент того, ради чего эти понятия существуют. Лишь после их конструирования путем созидательной деятельности субъекта появляется целостность, имену-

емая и воспринимаемая, как люстра в нашем примере.

Итак, в ходе дальнейшей конкретизации люстры акт нашего внимания неизбежно будет направлен на установление ее основы и компонентов, сущности (*сущности того, из чего состоит люстра, сущности взаимодействия компонентов люстры и сущности в целостном итоге восприятия ее как люстры, которая уже сама по себе является итогом акта конкретизации*). Отвечая на вопрос «*что есть люстра?*» и выделяя ее отдельные компоненты, в процессе восприятия происходит не что иное, как **обратный процесс восприятия (а именно «понимание»)** того, что воспринималось уже как объект, самодостаточный и конкретный. То есть в этом смысле, как мы уже говорили выше, объяснение есть разложение итогового информационного осмысленного понятийного состояния на составляющие ее компоненты. Сложность в том, что, как мы уже говорили, существует, по крайней мере, два подуровня данных компонентов, а именно состояния, как мы воспринимаем эти компоненты (*цепочка, зажим, крючок*), и того, из чего состоят данные компоненты (*естественная основа*). Каждый из этих компонентов обладает самодостаточностью, требующей отдельного и пристального изучения, концентрирование внимания на которые не дает нам вычленивать в конечном итоге то, что мы объясняем. **А именно, объясняя понятие «люстра», разложив ее на отдельные компоненты, последние неизбежно разрушают информационное воспри-**

ятие «люстры» как целостности и самодостаточной данности, подменяя ее самодостаточными компонентами в виде того, из чего она состоит. В наших умозаключениях существует тенденция к наделению части или атрибута целого всей полнотой самой «целостности», выдавая его за все целое, включая его остальные атрибуты, и в конечном итоге мы рассматриваем атрибут как уже нечто отличное от других атрибутов при полной подмене первоначального целого или самой первоначальной посылки.

Так, в целостном и смысловом понятии «Россия» мы можем подразумевать, например, здание Кремля, какое-либо животное, погодные условия, включающие снег или лед и т. д. Выражение подразумеваемого в понятии «Россия» в данном смысле опасно как факт переключения из одного состояния восприятия на другое не в смысле того, что компонент не является частью системы и ее кирпичиком, а в том, что компонент не есть вся целостность понимаемого явления.⁴⁴ И это лишь одна сторона проблемы. В частности, мы еще не учитывали постановку вопроса, таким образом, как функционирует люстра, как она светит, светит ли она или это прерогатива лампы и т. п.? То есть помимо двух компонентов, отвечающих на вопрос «то, из чего состоит», соседствует вопрос, «как и каким образом»? «для чего»? В свете постановки проблемы восприятия и объяснения, таким образом, необходимо четко уяснить тот факт, что они действу-

⁴⁴ Эту проблему мы еще рассмотрим в аспекте «13-й аспект понимания».

ют в рамках множества взаимодействий, приводящих в результате к диаметрально противоположным итогам.

В этом смысле понимание есть не разложение, или объяснение, или вообще «акт понимания», но есть ошибочный акт неудовлетворенности итоговым результатом тех аксиологических, праксеологических и иных состояний, соседствующих и являющихся неотъемлемыми компонентами восприятия.

* * *

Удовлетворенность итогом предстает в рамках временно-го континуума вспышкой или актом того состояния, в котором субъект восприятия поставлен в должествующее положение фиксации того, что фиксируется в свете невозможности фиксации другого и при других обстоятельствах. Ответ же или итог можно рассматривать как категорию, отражающую взаимодействие самого желания найти что-то... Желание «найти что-то» не есть «ответ» как таковой, мы ищем не ответ, но взаимодействия, связанные и ассоциируемые с данным понятием или вопросом.

Возможные варианты, помноженные на субъективно возможные знания по определенной теме, порождают правильность или неправильность ответа, но не «правильность» или «неправильность» как таковые.

Количественная составляющая опыта многих людей по-

рождает возможные варианты «*правильности*», но не истинности в связи с тем, что субъективность есть и отражает лишь малую часть потенциально возможного, а значит, знание и ответ как таковой складываются из *познанного за минусом возможного, но при этом им же и ограничиваемого*.

Дело в том, что мы постоянно при постановке вопроса ждем на него «*исчерпывающего*» и «*окончательного*» ответа, тогда как, к слову сказать, «*окончателность*» и «*удовлетворённость*» напрямую элиминируют сам процесс объяснения. Можно сказать, что в понятии «*ответ*» присутствует такое взаимодействие, как «*желание чего-то*». Ответ есть взаимодействие желаемого и удовлетворительного. При этом удовлетворенность высказанным часто путают с самим ответом, в котором с неизбежностью присутствуют факты intersubъективного опыта, препятствующие выходу так называемого субъективного произвола, который опирается на чаще всего незнание своего желания и его целей. *Данное незнание водит нас за нос, что в свою очередь приводит к смысло-категориальной разнице представления о результате ответа и самого ответа, так как подразумеваемое не есть высказанное и наоборот*. Ответ, как ни парадоксально это звучит, не есть конечная цель, но есть лишь начало и отправная точка сиюминутного делания и категории восприятия некоей системы и комплекса выражения нашей жизнедеятельности.

В нашем примере с люстрой, таким образом, следует признать наличие проблемы созерцания и неудовлетворённости

восприятия единичным актом фиксации воспринятого, проще говоря, концентрацией внимания на чем-либо. Мы стараемся ее объяснить, вычленив лишь структурные компоненты проявления нечто, пытаюсь отыскать в них сущность люстры, которая на самом деле лежит на поверхности и предстает в самом виде «люстры».

Сущность лежит на поверхности формы, компонентность лежит в акте составления и объяснения этой формы.

Подобного рода закономерности распространяются не только на физические явления действительности, но и с успехом выражаются в абстрактных категориях, таких как политика, право, культура, социум и т. п.

Например, право – это люстра, которая суть есть право. Суть права создается из компонентов, созданных субъектами, и суть компонентная составляющая различных категорий (*закон, норма, мораль, справедливость и др.*). Право создано в силу инвариантности появления неправа. Из данной посылки необходимо вывести несколько положений относительно той плоскости рассмотрения вопроса, в которой мы находимся. Начнем с того, что право состоит из бесконечно-го множества компонентов взаимодействий. Возьмем плоскость права, куда входят исполнение, использование, применение, конкретизация и др. правореализационные компоненты деятельности. Исходя из вышеприведенного примера, необходимо выделять, таким образом, *объяснение основания*

или того, из чего берется право, объяснение того, из чего оно состоит, и объяснение того, как право воспринимается и используется отдельными субъектами правоотношений. В соответствии с данным делением необходимо оговориться и напомнить еще раз о том, что объяснение или разъяснение разноаспектных оснований, сущности и ее компонентов в отдельности логически приведет к конфликту. Объяснение основания, того, из чего право берется, на основании того, где, в каком месте оно используется и кем конкретно применяется, приведет к ситуации, которая с успехом процветает в сегодняшних научных трудах по данной проблематике, о которой мы поговорим ниже в аспекте о смысловых и атрибутивных понятиях.

* * *

Взаимодействия с необходимостью должны реализовываться в подразумеваемых актах понятийного выражения действительности, однако где и в какой форме? «Подразумеваемость» может быть произвольная и фактическая. И у той и у другой можно выделить различные психологические, технические, логические и иные аспекты. В чем же суть такого деления?

Произвольная подразумеваемость характеризуется такой степенью невозможности фиксации состояния в его каком-то виде, что не подтверждено субъективным восприятием.

ем, выраженным в виде общественного консенсуса по поводу фиксации факта восприятия чего-либо в конкретном виде. При этом «произвольность» не следует путать с «выдумкой». Выдумка, в отличие от произвольности, есть потенциальная возможность восприятия того или иного предмета или объекта как факт, не подтвержденный актом восприятия ни одним из субъектов, но существующий в рамках дозволенных форм акта мышления и форм его проявления.

Фактическая подразумеваемость характеризуется таким набором общепризнанных критериев акта восприятия, которые в отличие от произвольной подтверждены субъективным восприятием других субъектов и, в конце концов, возведены в ранг, так называемого, интерсубъективного уровня. Например, понятие или единичное состояние «есть» и «кусать» связано непосредственно с восприятием факта и процесса поглощения еды (*культурологически*). При этом возникает множество интересных проблемных парадоксов и вопросов. Например, можно «кусать», по сути, и дерево, и все, что угодно, при этом такое «абсурдное» умозаключение относительно состояния «кусать дерево» неприемлемо в рамках общественно – субъективного баланса минимального равновесия восприятия и долженствующего акта понимания, который идет в противовес хитросплетениям и бесконечно возможным произвольным подразумеваемостям, порождаемым разными субъектами. Данное положение дел позволяет говорить о наличии языкового, менталь-

ного архетипа или архетипов, которые выступают неким инстинктом сохранения взаимодействия и стабильного существования общества в процессе выработки мнений относительно нечто воспринимаемого. Так, в нашем примере понятие «кусать» откликается в мозгу каждого субъекта восприятия комплексом дозволенного акта употребления в определенном количестве ситуаций. Например, кусать можно только то, что кусается, не рвется, не глотается и т. п., что-то мягкое, небольшое и т. д. В конечном счете употребление определенных комбинация понятий восходит к тому, о чем мы поговорим в следующих главах под названием «Матричность мышления», а также рассмотрим несколько любопытных примеров относительно того, что сказанное выше сталкивается с таким количеством проблем и неоднозначных выводов в таких неожиданных местах, что порой любые доказательственные положения и достижения научной мысли могут привести некоторых читателей в кружок юных нигилистов.

Далее следует заметить, что конкретное, как «здесь» и «сейчас» зафиксированный факт, положение и восприятие, расширяет акт подразумеваемого нечто в понятии и наоборот. Фактическая подразумеваемость тесно связана с такой категорией, как действие, выведенное из причинно-следственного опыта. Фактическая подразумеваемость в причинно-следственной связи должна строиться по принципу комбинаторности и взаимозависимости понятий. Возьмем, на-

пример, конкретное исходное словосочетание «*отравить воду*». Какие выводы можно сделать из восприятия данной фразы? Естественно, можно с уверенностью говорить о том, что она при всех любых прочих условиях подразумевает у субъекта определённую последовательность действий и их комбинаций и реализуется в соотношениях матричных форм опыта. Словосочетание «*отравить воду*» может подразумевать взаимодействия таких составляющих, как «люди» что-то «*взяли*» и «*вылили в эту воду*». В общем и целом ход мыслей может идти к тому, что случилось что-то такое, что, взаимодействуя с водой, предопределило наступление определённых пагубных процессов в организме или попало туда без участия людей. При этом, какими бы тысячами версий и подразумеваемости ни обладало то или иное понятие или предложение, мы должны исходить из следующей последовательности: ***A конкретность = B абстрактная подразумеваемость***. Причем на первичном своем этапе абстрактную подразумеваемость вводит в рамки фактическая подразумеваемость, каждое состояние или предположение события которой является потенциально возможным итогом, который облекается в форму факта, обозначаемого в итоге в качестве нечто конкретного. То есть акт объяснения в словосочетании «*отравить воду*» может закончиться уже, например, на стадии того, что ее отравили «люди», или на иной другой и т. п.

P.S.

Подразумеваемость направляет на возможные выводы как выводимые из опыта, так и им не подтверждающиеся. *Комбинационность* характеризуется устойчивыми связями соотношений понятий, формирующихся посредством предложения и выражены такими характеристиками, как истинность и ложность.

Взаимодействия как подразумеваемых состояний, так и комбинационных выражают «соотносимость» процесса выражения и отражения действительности в известных нам формах, логических, поведенческих, ментальных, языковых, физических и т. д.

II. Первоначальная информационная посылка взаимодействий

Взаимодействия функционируют в информационных актах, где наличествует схема *первоначальной информационной посылки*, выраженной в понятии или предложении и с неизбежностью действующей в рамках закона сохранения понятийной и смысловой составляющих акта информации, а также сохранения степеней этой информационной составляющей, находящейся в рамках биполярности все того же информационного акта. То есть что мы хотим сказать?

Первоначальные информационные посылки в своей первичной и необходимой составляющей содержат, прежде всего, *информационную конечность*, свой антагонист первостепенности. Связь между этими информационными антагонистами и составляют основные взаимодействия понятий. *Например, право и степень ее действия равно пропорциональны степени действия неправа; справедливость равно пропорциональна степени несправедливости; понимание равно пропорционально степени акта непонимания и неудовлетворенности конечным итогом и т. п.* Именно степени, predeterminedенные актуальностью выбора субъекта восприятия на основе положения и факта фиксации, выступают в качестве точки фиксации и актом predeterminedения выбора, так как в своей сущности *справедливость и несправедливость, плюс и минус, хорошее и плохое и т. п.* – две стороны одной медали, выбор стороны которой зависит именно от действия, реализующегося во взаимодействии интенции субъекта на одну из сторон данной монеты (*акт со-творения*). Под действием и движением в этом случае мы понимаем любое колебание каких угодно информационных, целевых и т. п. состояний. Взаимодействие действий и взаимодействие потребностей действуют в рамках причинно-следственной взаимообусловленности. Например, ощущение жажды (*первичная информационная посылка*) как потребности является причиной и порождением парадигмы взаимодействий, в нашем случае поднятия стакана рукой,

глотания, поднесения ко рту и т. п. и совершается до тех пор, пока акт удовлетворенности в виде утоления жажды не будет достигнут. Вопрос в том, почему взаимодействие стакана и воды с необходимостью коррелируют к утолению того, что мы зовем жадой? Однако об этом мы поговорим в других аспектах ниже. В данном случае взаимодействия совершаются в рамках таких антагонистических состояний, как жажда и ее отсутствие. Причем напомним, что *степени нашего деления на количество взаимодействий равно пропорциональны количеству всех возможных действий, за исключением количества невозможных действий, совершаемых посредством акта восприятия*. Прибавим еще к этому фактичность и произвольность взаимодействий и всех возможных последствий, или, как говорил **Платон**, колебаний души.

* * *

Первоначальная информационная посылка «*пила пилит дерево*» с необходимостью выступает в качестве примера рамочного акта взаимодействия, фиксируемого нами как единственный факт. В данном случае предложение, отражающее действие «*пила пилит дерево*», также выступает первичным информационным антагонистом первоначальной информационной посылки, где в свою очередь конечной посылкой и антагонистом завершенности действия будет являться, на-

пример, «спиливание дерева».

Именно антагонисты выступают начальными и конечными информационными рамками, в которых с необходимостью должен действовать и реализовывать свой потенциал акт уяснения, объяснения с целью недопущения, как мы уже говорили, произвольности акта подразумеваемости.

Следует отметить, что в ходе процесса объяснения, независимо от того, к какой стадии и какого процесса ее приписывают, всегда необходимо не выходить за рамки фиксируемого единичного факта или посылки, насколько это возможно, в противном случае количественная составляющая взаимодействий может увести нас в акт произвола собственных фантазий. Так, например, может получиться следующая ситуация: «пила пилит» или «пила пилит дерево» как исходная информационная составляющая, по сути представляющая из себя прерванный акт взаимодействия (единичный факт). В ходе развития причинно-следственных связей на основании данной исходной составляющей без ее фиксации она может расплыться в бесконечностей вариантности акта подразумеваемости: *«пила пилит, пила пилит дерево, которое падает, как самостоятельное действие падает на землю, с течением времени дерево высыхает под лучами палящего солнца, которое находится в зените по причине движения планет Солнечной системы, которые расположены в определённом порядке, одной из этих планет является Зем-*

ля, которая заселена людьми различной национальности, вероисповедания» и т. п.

Дело в том, что понятия и предложения, выступающие начальными и конечными информационными посылками, являющиеся антагонистами выражения одного и того же результата, направленного на повышение качества объяснения, должны происходить на первый взгляд из тривиальных, но в то же время эффективных однокоренных составляющих. С целью элиминирования путаницы восприятия необходимо говорить, например: *«Пила пилит дерево»* (первоначальная информационная составляющая) и *«дерево спилено»* (итоговая информационная составляющая). Не стоит употреблять иные формы результата по отношению к первичной, такие, например, как *«дерево упало»* или *«дерево сломалось»*. Понятия и состояния *«падения»* и *«сломанности»* в данном случае выступают качественно иными носителями информационных подразумеваемостей и обладают своим набором специфических взаимодействий, а также местом своего употребления.

Таким образом, с целью достижения акта понимания необходимо сохранить баланс преемственности единства восприятия того, что мы отражаем в понятии. А так как мы даем понятия и употребляем их для обозначения конкретных действий во избежание формирования отдельных смысловых оттенков, то необходимо использовать одно и то же понятие или предложение как в конечной информационной

составляющей, так и первоначальной. В противном случае «перескакивание» смысла однородных понятий может постепенно увести в сторону наше восприятие того, что мы называем смыслом понятий.

Следовательно, первоначальная информационная посылка должна как по объему, так и по содержанию соответствовать или быть сопоставимой с конечной информационной посылкой.

Например, «действие восприятия во времени» как первоначальная информационная составляющая должно соответствовать конечной информационной составляющей, такой, например, как «действие восприятия во времени **соответствует**». Далее эта последняя должна выступать в роли начальной информационной посылки для следующего витка взаимодействий и подразумеваемостей, к которой с необходимостью должны присоединяться иные фактические подразумеваемости с сохранением информационного ядра высказывания, в нашем случае «восприятие во времени **соответствует**», а именно «восприятие во времени **соответствует состоянию удовлетворенности**». Соответственно, точно так же в каждой последующей конечной информационной составляющей должно наличествовать ядро предыдущей первоначальной составляющей и наоборот.

В случае нарушения данного порядка, например, вместо «восприятие во времени соответствует состоянию удовлетворенности», скажем: «восприятие во времени есть итог

деятельности судьи Иванова И. И.», мы получим состояние, называемое *изоляционной (тупиковой) информационной составляющей или выводом*.

Парадоксально, но факт: вывод и объяснение имеют диаметрально противоположную систему сущностей и в итоге цели. Так, объяснение, по своей сути, функциональной направленности не есть изолированный итог, но есть процесс донесения информации до такой степени удовлетворенности исходной посылкой субъектом восприятия, на основании которой этот познающий, конкретизирующий, воспринимающий субъект сделает свой вывод. Данный вывод в отличие от объяснения (*процесса объяснения*) характеризуется изоляционным информационным тупиком хода его умозаключений, что естественным образом сталкивается с неудовлетворенностью и восприятием других субъектов познания в связи с хотя бы тем, что итог, или исходный конечный результат умозаключения, может выступить и выступает качественно новым состоянием по отношению к первоначальной информационной посылке, обработанной в акте объяснения. Данное состояние позволяет развивать и порождать новые, качественные видовые и просто иные вопросы и информационные посылки. Так, вывод о том, что «восприятие во времени есть итог деятельности судьи Иванова И. И.» порождает вопросы уже не относительно первоначального ядра информационной посылки: «действие восприятия во времени», но относительно, возможно, того, кто такой судья Ива-

нов И. И., каков статус данного судьи и т. п.

* * *

Вернемся к нашему ранее рассмотренному примеру. Первоначальная информационная посылка *«пила пилит дерево»* может с легкостью и в рамках логических законов и акта подразумеваемости дойти до причины того, что *«земля заселена людьми различной национальности и вероисповедания»*.

Данные антагонистические следствия и выводы имеют место быть, однако при этом количественная составляющая актов взаимодействия подразумеваемости равно пропорциональна степени и количеству акта объяснения.

Объяснение при такой широте антагонистических выводов должно с необходимостью увеличивать количество актов (объяснения) по отношению к количеству отступлений, допустимых в понятии, имеющих различные видовые и иные основания, с целью удовлетворения и соответствия ограниченному акту восприятия и понимания индивида. Так уж мы устроены. Воспринимать широту и, на наш взгляд, хаос тысяч событий мы не в состоянии. Из этого можно сделать вывод о том, что объяснение может быть достаточным и валотильным, как, например, ядерный реактор, сдерживающий энергию частиц в состоянии, пригодном для их использования с целью предотвращения любых пагубных последствий. То есть одинаково пагубными

для объяснения являются широта его подразумеваемостей, особенно произвольных, которые поднимают количество актов уточнения и объяснения, а также минимализм знаковой информационной составляющей, которая порождает аналогичный эффект. Косвенно данная проблема рассматривается в соотношении абстрактного и конкретного, о чем мы, впрочем, поговорим ниже.

Таким образом, объяснение должно оставаться и остается в положении, где и когда данный акт фиксируется и воспринимается нами как взвешенно определённый. Причем сложность первоначальной посылки напрямую влияет на степень удовлетворенности результатом.

Сложность первоначальной посылки равно пропорциональна степени возвышения акта итога до состояния intersубъективной удовлетворенности.

III. Проблемные вопросы взаимодействий

Теперь рассмотрим то, о чем мы упомянули выше лишь вскользь. Имеется в виду проблема «соотносимости» и «несоотносимости» отдельных понятий между собой, понятий между словосочетаниями и предложениями, которые в конечном счете предстают в виде информационного потока взаимодействий и восприятий.

Вопрос: как и почему одни понятия объясняют другие и выявляют их суть, подразумевая под собой и фактически являясь иной уникальной информационной единицей относительно тех понятий, которые они призваны раскрывать? Если вспомнить немецкую классическую философию, то у **И. Канта** был поставлен вопрос «*Каким образом и как в принципе возможны синтетические априорные суждения?*». Нас интересует вопрос о том, как синтетические и аналитические, априорные и апостериорные виды понятий возникли и почему они соотносимы между собой таким образом, что в итоге предстают «для нас» как нечто, формирующее то, что мы называем смыслом?

Почему, например, понятие «выше» ассоциируется с «быстрее», «медленнее» с «больше»; «тише» с «мягче», «громче» с «быстрее» и т. п. Что представляет собой данная ассоциация? Каковы компоненты подобных взаимодействий?

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, проясним некоторые аспекты категорий «*воздействия*» (влияния) и «*взаимосвязи*».

*Воздействие – действие, направленное на кого-что-н. с целью добиться чего-н., внушить что-н.*⁴⁵

*Взаимосвязь – взаимная связь*⁴⁶.

⁴⁵ *Ожегов Сергей Иванович.* Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2016. – С. – 87.

⁴⁶ Там же. С. – 76.

Взаимная связь возможна по отношению к чему-то. Она существует лишь с тем условием, что данное что-то как минимум существует. Далее, условие взаимосвязи и взаимозависимости с неизбежностью актуализируется в противоположностях. Аксиоматическим основанием данного умозаключения является, по сути, такая посылка, как *«не заде-нешь никого, если некого задевать»*. Таким образом, процесс взаимной реализации и вообще существования какого-либо понятия с необходимостью зависит от возможности и наличия этой взаимности. Взаимность порождает такой закон взаимодействия, как *«соотносимость»*. Критерием *«соотносимости»* выступает акт долженствующей реализации такого состояния субъекта, как его существование, а значит, и восприятие. Если признать, что существование и восприятие – две неизбежные составляющие субъекта познания, то понятия являются неизбежностью существования акта восприятия субъекта.

То есть несуществующему нет необходимости в потребности.

Потребность порождает поиск консолидации, которая в свою очередь приводит в движение то, что мы называем взаимодействиями субъекта познания.

Например, почему понятие *«ручка»* взаимодействует и консолидирована с понятием *«писать»*, почему *«машина»* взаимодействует с понятием *«ехать»*, а не *«летать»* или *«плавать»*?

Антагонистом понятия (А) служат все остальные понятия, которые характеризуются как (не А), то есть все, помимо (А).

(А) как информационная точка занимает свое место в информационном пространстве и является уникальной информационной единицей не по отношению к себе (к А), но лишь по отношению к другим (не А).

Количество информационных точек должно, таким образом, соотноситься с возможностью их восприятия так: А (количество информационных точек) = В (количество возможных актов восприятия).

С онтологической точки зрения существования информационных точек все равно, в какой информационной составляющей акта восприятия и формы они предстанут.

А (информационная точка) = А, В, С, D..... бесконечность (∞) Q (форменная составляющая или понятие).

Само бесконечное число составляющих Q понятий реализуются в функциональном состоянии выражения того или иного явления. Необходимость выявления именно последнего элиминирует проблему форменно-атрибутивной реализации положений, которых миллионы и которые без потери данного функционала находят свое воплощение в нашей повседневной жизни. Функционал восходит в уровень тех состояний, которые ограничены возможностью восприятия их в постановке вопроса «что это?» Такая постановка вопроса вынуждена ограничиться так называемой констатацией су-

ществования и долженствования. Остается один возможный вариант развития данной темы в свете постановки вопроса «*как и каким образом?*». Именно в такой постановке вопроса мы бы хотели немного остановиться над тем, что выше назвали *состояниями*.

Начнем с того, что однородные понятия включают в себя такие состояния, которые взаимодействуют со многими схожими состояниями. Например, состояние «*толковать*» с таким же успехом взаимодействует с состоянием «*разъяснять*», как и с состоянием «*понимать*». При этом функция состояния указанных понятий выражается в процессе или акте понимания взаимодействия или коммуникации их смысловой составляющей. *Состояние, в отличие от понятий, отражает функциональный окрас информационной единицы исследования, хоть он и выражен все тем же понятием.*

Проще говоря, состояние есть функциональная составляющая акта информации, выраженная в понятийной форме.

Состояния подвержены четкой градации на таком уровне, который не доступен для акта восприятия множественной атрибутивности воплощения того, что мы воспринимаем. *Множественная атрибутивность включает различного рода стилистические, видовые, количественные, форменные, временные и иные характеристики акта восприятия.* Состояние не выражено множественной атрибутивно-

стью, но выражено аксиоматически-телеологической составляющей акта восприятия. Таким образом, можно выделить *последовательность состояний*, выраженных тысячами видовых воплощений в виде конкретных понятий, и *последовательность понятийную*, которая очень хорошо показывает степень общественной привычки употребления тех или иных понятий.

Мы не говорим, например, что «*удочка пишет*», утверждаем, что «*пишет ручка*», в данном случае разграничение функционала идет на уровне *состояния (писать)*. Там же, где разграничение ведется на уровне понятийно-стилистической составляющей понятия (синтаксической, грамматической, стилистической и т. п.), велика степень впасть в произвольные подразумевания относительно смысла какого-либо понятия. Например, сущность объяснения заключается в достижении определённого результата понимания вне зависимости от того, какими методами и способами, а уж тем более относительно места времени и других атрибутов, ее окружающих, она может потенциально реализовываться в ментальных образах субъектов исследования. Если же рассматривать объяснение с точки зрения понятия как атрибута описания состояния, заключенного в нем, то можно сказать, что оно есть толкование, и есть уточнение, и есть уяснение, а также точность, скрупулёзность, при этом скрупулёзность, реализующаяся лишь в первом чтении принятия закона парламентом РФ и т. п. *Этот процесс сам по себе не плох и*

не хорош, но по отношению к акту объяснения выступает как запутанный клубок возможных подразумеваемостей и взаимодействий, распутать который может каждый, но только с такой долей субъективного восприятия, что от первоначальной информационной посылки может ничего не остаться.

Взять хотя бы понятийную стилистику. Например, в английском языке существует формула употребления в первую очередь подлежащего, затем сказуемого. В нашем языке, сказав «*профессор зашел в аудиторию*» и «*в аудиторию зашел профессор*», мы ничего не меняем с точки зрения функциональной и информационной составляющей состояния, отражающего конкретный факт действительности. Однако сказать, что изменений совсем нет, также будет неверно, они есть, но на понятийно-стилистическом или атрибутивном уровне. Ход и рамки развития комбинаций данных словосочетаний зависят от тысячи факторов: развития личности, ее воспитания, уровня образования, региона развития, традиций и т. п. Акт понимания же взаимодействует с итогом, который сохраняет преемственный информационный фон первоначальной посылки (*стабилизирующий фактор акта понимания*). Разрыв данной «*преемственности*» приводит к несовместимости того умозаключения, итогового состояния, которое исключает появление другого итога, исходя из посылки одного и того же первоначального состояния (*первоначальной информационной посылки*).

Таким образом, свойством восприятия является убежденность в том, что отсылка к наиболее общим или аксиоматическим состояниям бытия, выраженным, как правило, в акте абстракции, ведет к состоянию полноты удовлетворенности относительно поставленных целей. *Данные цели порождаются потребностями и необходимостями.* Они выступают единственным способом или инструментом объяснения смысла акта коммуникации, характеризуя их взаимодействия как некую ценность.

Степень полноты акта объяснение зависит от положения позиции акта его понимания.

Позиционирование есть не что иное, как выражение степени. Вопрос и одновременно парадокс в том, что восприятие ограничено опытом, следовательно, нельзя объяснить то, что по природе не входит в суть объяснения и таковым не является. *Объяснение есть лишь расширение понятий и их соединений с целью сужения концентрации представлений опыта субъекта познания до степени осознания достаточности.* Достаточность приводит к состоянию ощущения правильности в ранге восприятия аксиоматической и необъяснимой данности. Данность определения взаимодействия разных и уникальных состояний, а точнее, их форменного выражения, коррелирует к такому понятию, как *удовлетворенность*. Последняя же предстает в виде акта ощущения полноты восприятия.

Удовлетворенность по отношению к объяснению выража-

ется таким образом: «*действие объяснения элиминируется отсутствием осознания в ее необходимости*». Поэтому не стоит ее применять и возводить в ранг инструмента «*надуманной*» произвольности акта восприятия.

IV. Парадоксы взаимодействий

Подразумеваемости *безграничны.*
Бесконечность проявления информационной составляющей акта восприятия есть в каждом человеке. Так, вы можете читать Г. Гегеля всю жизнь и всю жизнь выводить все новые и новые факты из его произведений, так как актов подразумеваемости того, что написано, и того, как вы это понимаете, бесчисленное множество.
Автор

Акты подразумеваемости > каждой отдельной информационной единицы высказанного-воспринятого.

Наше восприятие характеризуется наличием первоначального информационного посыла, функционал которого выражается в установлении направлений деятельности индивида. Действие само по себе предстает как характеристика существования акта восприятия вообще, а также телеологической составляющей любых проявлений действительности, включая самого субъекта познания. В нашем случае направление действия выступает в качестве основы соотношений всего, что поддается восприятию и выражается в

акте коммуникации.

Направление действия есть мера отражения жизнедеятельности субъекта познания в самом общем смысле данного словосочетания. Оно есть мера оценки, мера и степень ощущений, мера восприятий и т. д. В самой основе направления деятельности можно выделить своеобразные закономерности, существующие в восприятии и в созерцании того, что воспринимается. Этим закономерностей тысячи. Что касается выражения или форменного закрепления этих закономерностей, то мы называем их *понятиями*. Понятие отражает факт восприятия, отражающий характеристику акта субъективного ощущения. *Факт воспринятого в рамках направления деятельности фиксирует в своей форме то, что по логике вещей вообще-то не поддается фиксации или, точнее сказать, находится (должно находиться) в contradикции причины и следствия тождественности акта его понимания.* Например, каждый день мы наблюдаем свет, неизменный, тождественный, «*тот же*» самый. Отрицать неизменность и постоянство света бессмысленно, так как если бы он не был бы «*одним и тем*» же всегда, когда на него направлен акт нашего восприятия, то как бы мы его воспринимали: как свет, который был вчера, и свет, который есть сегодня. *При этом свет вчера и свет сегодня не тождественен по отношению к акту и положению его восприятия, но тождественен самому себе как явлению воспринимаемому.*

Акт восприятия всегда тождественен самому

себе.

Воспринимаемый нами свет всегда тождественен самому себе. Однако при этом мы называем уникальным тот факт, что тождественное всегда самому себе восприятие и свет, тождественный самому себе, не есть постоянно одно и то же, то есть (*свет*). Временная градация, создающая разницу в восприятии, в данном случае не элиминирует факта восприятия явления как одного и того же и так же, однако она же говорит о том, что свет и восприятие вчера не есть восприятие и свет сегодня лишь по отношению все к той же временной градации. Если предположить, что *разность* есть фиксация явления в его мультиформенном выражении, проявляющаяся в свете восприятия, то свет и акт его восприятия будут всегда разные. Однако как можно воспринимать разрозненное и неповторимое нечто, элиминирующее опытную составляющую акта восприятия, так как воспринимать можно лишь то, что воспринимаемо в свете сопоставления нечто воспринятого с другим нечто воспринимаемым. *Например, белый цвет мы фиксируем как белый лишь в связи с тем, что есть еще черный, зеленый и т. п. цвета.* И наоборот, постоянство и тождество акта восприятия и факта фиксации света с необходимостью должно быть одно и то же, независимо от временной градации. Если это так, то тогда необходимо говорить о том, что свет и его восприятие а также иные миллионы состояний выражения и проявления бытия есть лишь неизменная данность восприятия, не обла-

дающая уникальностью свойств и атрибутов, составляющих категорию *уникальности*.

Следовательно, уникальность выражается постоянным тождеством, а сущность постоянства выражена изменчивой уникальностью.

* * *

Сущность непостоянна, а атрибутивность сущностна. В то же время сущность есть сущность, а атрибутивность атрибутивна безотносительно того, как они проявляют себя вовне «для нас» в форме акта восприятия. С этой точки зрения, а именно с точки зрения дачи определения воспринимаемому, такое воспринимаемое не дает ровным счетом ничего, кроме разложения целостности этого «*воспринимаемого*» на составные элементы. Это не говорит о том, что не надо исследовать нечто воспринимаемое, но это показывает тот факт, что не стоит заблуждаться относительно ценности такого рода выводов данных исследований, так как сущность предстает уже перед нами во всем многообразии акта своего проявления.

Использование знаний и знание в акте понимания – две разные составляющие направленности человеческой деятельности.

Так, чаще всего в акте использования знаний мы стараемся сконцентрироваться на функциональной направленности полученного знания, субъективировать его в соответствии с нашим целеполаганием. Мы выделяем, например, у категории *объяснения* некую суть, выраженную в ее функциональной направленности, а именно направленности на установление акта *понимания*, где последний есть но не только выражение волевого акта индивида, но и является константой, зависящей от различных «объективных» факторов *уместности, удовлетворенности, времени, места и т. п.* Так, например, можно смотреть, но не видеть, можно слушать, но не слышать, можно знать, но не осознавать, можно объяснять, но не понимать и не добиваться состояния осознанности, выраженной в конечном результате акта объяснения.

Использование знаний (научных знаний) посредством их объяснения, верификации, фиксации и т. п. составляющих его компонентов всегда ведет в сторону от акта понимания (осознанности) самой сущности.

Так, например, глядя на айсберг, мы говорим (*факт фиксации акта восприятия*), что он голубого цвета. «*Научный подход*», применяемый по отношению к факту того, что айсберг голубого цвета, подводит нас к отрицанию воспринятого, а точнее, к отрицанию результата воспринятого, он вынуждает нас говорить, что мы знаем, что он сам по себе не голубого цвета, нам лишь кажется, что он голубой. «*На са-*

мом же деле» это все есть свойство преломления света по отношению к кристаллам льда, что таким образом создает видимость того, что айсберг именно голубой. То есть голубой цвет не есть атрибут айсберга, но есть атрибут света и еще нескольких оптических состояний и их комбинаций.

С «научной точки зрения» утверждение, что айсберги голубые, равно настолько же обоснованно по отношению к утверждению, что голубизна айсберга появляется при условии преломления света.

В данном случае, во-первых, идет неверное сопоставление факта «*айсберг голубого цвета*» и того факта, как данный оттенок формируется при наблюдении нами за айсбергом. Сам процесс «*преломления света*», также не есть «*голубизна*» и, в конце концов, не есть цвет, так как свет объективно бел.

Во-вторых, факт наличия виденья голубого айсберга, безусловно, мало кем оспаривается, так как его «*цветность*» характеризуется наглядной составляющей акта восприятия, в то время как «*преломление света*» мы не фиксируем органами чувств, точно так же, как и различные свойства голубизны цвета, которое вообще есть не что иное, как чистый акт нашего субъективного восприятия, не существующий в действительности в отличие от айсберга.

Следовательно, разложение на составные части объекта и предмета действительности (акт объяснения) и выявление его сущности не есть одно и то же, что очевидно для внимательного наблюдателя.

Так, мы говорим «*время года*», «*год*», «*месяц*», «*день*», то есть соотносим «*явление*» с числовым состоянием его отражения. День предстает как взаимодействие света, исходящего от солнца (*которое обладает своими взаимодействиями, влияющими и выражающими ее функциональный потенциал*), до момента его перехода (*движение*) на другое полушарие, где на одном из них происходит состояние «*ночи*», на другом – состояние «*дня*». Таким образом, положение солнца относительно полушарий земли и их расположением мы связываем с универсальным понятием дня и света вообще. Следовательно, в абстрактном понятии «*дня*» мы выделяем наличие света как такового – это его существенное свойство, однако при этом свет как источник «*дня*» не принадлежит «*дню*», но принадлежит солнцу, точнее, они принадлежат абстрактному понятию дня, которое коррелирует к конкретному источнику (*солнцу*), создающему абстрактное понятие дня.

Состояние дня как взаимодействия солнца, движения и положения земли предстает как закономерный процесс и ход действительности, но согласимся, что данное взаимодействие не есть ни «*год*», ни «*месяц*», ни «*день*», однако предстает «*как таковой*» лишь в качестве ответа на поставленный нами самими вопрос «*каким образом*», где последнее характеризуется взаимодействиями компонентов (*дня, света, солнца и т. п.*).

То есть, беря конкретный предмет или явление, мы

его объясняем в абстрактном понятии, отделяя атрибутивные, с одной стороны, и самодостаточные свойства, с другой, ставя зависимость между абстрактным и конкретным в отношении зависимости от актуального акта восприятия.

Девятый аспект.

Удовлетворённость в рамках актов объяснения и понимания

В чем разница между восприятием иллюзии и восприятием не иллюзии? Восприятию все равно, а оценочному суждению по поводу воспринятого нет. Оценочное суждение есть порождение уже понятого, только неудовлетворительного.

Автор

А: Почему вам не нравятся эти желтые обои?

В: Какие, вот эти персиковые?

А: Вообще-то я спрашивал не про цвет, а про обои.

Все, что воспринимается, так или иначе проходит через **«сито»**, называемое субъективным актом восприятия. Нам неизвестно, почему одни любят кофе, а другие чай, одни предпочитают ездить поездом, другие летать самолетом и т. п. Такого рода информационные **«предпочтения»** довольно часто завуалированы в акте объяснения под состояние **«объективности»**, в которую могут верить только люди искренне верующие.

Странная возникает порой ситуация по поводу того, что понятия описывают и отражают в итоге меньше, чем ощущения, вкладываемые в данные понятия, и все-таки выра-

жаются только лишь с их помощью.

Удовлетворенность довольно особая и странная фигура, действующая в акте восприятия и познания чего-либо. Видя, читая, слыша, вообще воспринимая сколько угодно информации, вплоть до бесконечности, мы понимаем, что она всегда будет «алгоритмично» состоять и сопровождаться актом *неудовлетворенности*, который может быть преодолен лишь посредством своего антагонистического эквивалента, который недостижим ни при каких условиях в силу того, что только при его непосредственном участии возможен акт *неудовлетворенности*.

Парадоксальность алгоритмов восприятия факта нашего существования доводит до отчаяния многие пытливые умы. Всегда в процессе изучения и приобретения знаний присутствует ощущение того, что результат до осознания нечто и результат после его осознания совершенно не изменяет сущностной стороны результата и реализации «ответа», «выраженного в» вопросе: «как и зачем?» по отношению к нечто воспринимаемому или исследуемому.

Например, прочитав труды **И. Канта**, мы восхищаемся тем, о чем он пишет, мыслит, какие поднимает вопросы и т. п., однако удовлетворённость прочитанным создает лишь иллюзию знания относительно того, что вы читали.

Удовлетворенность накапливает опытную составляющую реализации «количественного» состояния информационного акта безотносительно постановки во-

проса: зачем она вообще нужна и в каком виде реализуется?

Удовлетворенность есть акт познания того, с чем сообразен и «совосприимчив» образ нашего существования, представления, восприятия и в итоге понимания. Пытливость к достижению цели создает ощущение «правильной» постановки вопроса относительно характеристик сущего. Она действительно единственно правильная с точки зрения инвариантности акта восприятия и в то же самое время в корне ошибочная относительно количества потенциально возможных актов выражения самого мира (*бытия*).

«*Вопросность*» есть инструмент реализации алгоритма познания существующего. О том, что такое есть «*вопросность*», мы поговорим немного позже в отдельном аспекте.

Дело в том, что сама форма «*вопросности*» предполагает и состоит из *вопроса: что есть форма, как не «отдельность» или «разность» по отношению к вопросности?*

«*Форменность*» выражаема только лишь за счет существования ощущения нечто воспринимаемого и реализуемого посредством самого «*выражения*». Не зная «*отдельности*», «*уникальности*» и потенциальных способов проявления этих и многих других состояний, мы еще умудряемся ими оперировать и составлять такие алгоритмы «*сущего*», как «*коммуникация*» и «*жизнедеятельность*». *Вопросность есть*. Она есть по отношению ко всему, что к ней не относится, но выражается лишь посредством «*есть*»,

«*быть*», «*существовать*» и т. п. Последние представляют собой алгоритмы, явно заложенные в нас, в наш акт их понимания до акта их восприятия как таковых, так как «*алгоритм поиска*» так же «*алгоритмичен*», как и «*ответность*», «*удовлетворенность*» и т. п. категории.

* * *

«*Алгоритмичность*», как в принципе и все остальное, есть нечто, которое выражает то, что мы понимаем под ним. Если мы начнем давать ему определение, то неизбежно натолкнемся на «*алгоритмичность отклика*» как реализацию выражения поиска, мнения, суждения, точки зрения, акта восприятия и т. п., являющихся выражением удовлетворенности по отношению к тому, что воспринимается.

Что мы хотим сказать: то, что мы написали выше несколько секунд назад, есть суть нечто, прочитанное вами, при том, что реализация по достижению вами алгоритма акта удовлетворённости прочитанным нуждается в «*пояснительности*», выступающей в качестве следующей ступени проявления алгоритма понимания и удовлетворения. При этом само «*проявление алгоритма*» также является «*алгоритмом проявления*» по отношению к акту его понимания и т. п. Как мы уже говорили в начале нашей работы, дело в том, что мы ищем точку опоры, обозначаемую чаще всего в виде рациональности, последовательности, сущности, струк-

турированности, полезности по отношению к тому, что читаем и воспринимаем.

Такого рода *«инвариантные необходимости»* представляют алгоритм доказательства *«невозможности»* не выражать нечто. Невозможность предстает в виде *«ощущаемого»* эквивалента акта понимания, безотносительно акта *определения* ее как таковой.

Вопрос: если понимание характеризуется и функционирует до момента анализа и алгоритмов действия восприятия, направленных на его «понимание», каковы шансы на то, что сам акт понимания не зависит от нас?

Дело в том, что понятия в предложении строятся по определённом алгоритму, где каждое из них является его частью. Каждая часть понятия является частью понятия, а затем и предложения.

Однако если сказать, что каждая часть понятия (*буква, символ*) является *«частью понятия»* и в то же самое время является *«частью предложения»*, зачем использовать *«что она является частью понятия»*, если последнее в свою очередь является определением? *Что мы хотим сказать?*

«Алгоритмичность» актов «неудовлетворения» и «удовлетворения» лежит в основе так называемых логических умозаключений и «закономерностей», которые в своей основе и в своем позиционировании в качестве таковых (научного инструментария) противоречат сами

«Противоречивость», безусловно, является неотъемлемым компонентом алгоритма восприятия и выражения нечто «вовне». Противоречивость в акте его восприятия, а точнее «ощущения», несет в себе нечто негативное, при том что негативность и противоречивость не одно и то же.

«Одинаковость» и «разность» составляют важную часть восприятия как такового, вот только важность и алгоритм ее действия неизвестны в своей сущности. Противоречивость не может оцениваться рационально или с «научной точки зрения», при этом она порождает то, что мы называем «ответной реакцией», выраженной в алгоритме поиска истинности или ложности, что в научном плане рассматривается как акт удовлетворенности и неудовлетворённости определённого порядка.

* * *

Если принять, что акт удовлетворённости результатом, вызванным в процессе восприятия, является исходной составляющей конечной цели данного акта, то восприятие и процесс ее реализации должны строиться и исходить из такой посылки, которая бы элиминировала все факторы, ведущие к уменьшению, или умалению акта удовлетворенности,

⁴⁷ См. аспект «13-й аспект понимания».

то есть отсечению всего того, что потенциально вело бы к акту неудовлетворенности.

Соответственно, телеологической составляющей акта удовлетворенности является избегание и максимальное понижение уровня неудовлетворенности, действующего в рамках матричности акта восприятия и наоборот.

Вопрос в том, какие факторы повышают и понижают ту самую степень удовлетворенности, как и что на них влияет?

Так, немецкий психолог **Г. Фехнер**⁴⁸ ставил зависимость между актами получения удовольствия и неудовольствия принцип «тенденции сознательных побуждений к стабильности». В нашем же случае мы говорили об *определённости*.

Определенность с точки зрения психологии характеризуется поиском стабильных зон, которые, по нашему мнению, обладают рядом характеристик, а в совокупности дают нам ощущение комфортного и, в общем, *положительного* самоощущения «жизневосприятия». *Хаотичность и неопределенность*, напротив, в противовес определенности, способствует тому, что называется актом неудовлетворенности. Ха-

⁴⁸ **Густав Теодор Фехнер** (нем. Gustav Theodor Fechner [ˈfɛçnɐ]; 19 апреля 1801, Гросс-Зерхен, Бранденбург, Пруссия, Священная Римская империя (ныне Жарки-Вельке в Любушском воеводстве Польши) – 18 ноября 1887, Лейпциг, Саксония, Германская империя) – немецкий психолог, один из первых экспериментальных психологов, основоположник психофизиологии и психофизики. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фехнер>, _Густав_Теодор (дата обращения: 07.05.2020).*

отичность акта восприятия характеризуется отсутствием *положительных зон комфортного самоощущения*.

Данные места (*зоны*) можно назвать *мечтаниями*, а с психологической точки зрения «буферными зонами», «резервными бункерами» или «защитными полостями» положительного восприятия мира вообще, формируемыми с целью избежания негативного воздействия неопределенного и дискомфортного мировосприятия и в целом негативного влияния на человека вообще.

Чем больше вы потеряли, тем больше радости от приобретения малой доли того, что у вас было.

Данное психологическое состояние хорошо знакомо по примеру евангельского повествования о возвращении блудного сына (*Евангелие от Лк., 79 зач., 15:11–32.*), где радость небольшой утери при сохранившейся большей части остального вызывает ощущение достижения акта *удовлетворенности*.

Самому достижению как таковому неважно, какие факторы способствуют выработке акта удовлетворительности:

Как радуется пастух нахождению одной заблудшей овцы?

«Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти её, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели

о девяноста девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих».

Евангелие от Матфея (Мф. 18:12–14)

«Но Он сказал им следующую притчу: Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет её? А найдя, возьмет её на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: «Порадуйтесь со мною: я нашёл мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

Евангелие от Луки (Лк. 15:3–7)

То есть данность обладания, например, «стадом» не есть сам по себе акт удовлетворенности, но есть «**довольствие**», в то время как момент акта *удовлетворённости* коррелирует к поиску того, что, на наш субъективный взгляд, являлось той причиной, которая ослабляла чувство полноты обладания чаще всего того воображаемого «стада», если бы такая ситуация (*потеря одной овцы*) не произошла.

Мечты всегда желаннее действительности.

Аналогичный эффект «идеальной окраски воображаемого», выраженного обычно как: «если бы не одно обстоятельство, все было бы как надо, или если бы не то...»

всегда присутствует в виде запасного пространства «*позитивности*».

Такого рода состояние можно встретить в постоянном превозношении заслуг тех людей, особенно молодых и не очень талантливых, умерших внезапно. Дело в том, что общество в целом и тенденции каждого индивида по отношению к их достижениям превозносит и ставит их в более высокую степень «*ранговости*» и какого-либо иного превалирования перед теми, кто еще жив. При этом степень идеализации и превозношения их заслуг (в том числе и того, чего не было ими достигнуто, но, несомненно, было бы сделано), несмотря на порой колоссальный полет фантазии, «*если бы смерть не прервала их творческий потенциал*», максимальна. Прибавим к этому и потенциальные заслуги, которых не было, но которые необходимо появляются, причем появляются, скорее, как степень реализации желаний самого индивида (того, кто хвалит и превозносит, таким образом как бы реализуя свой потенциал, свои потаенные и несбывшиеся мечтания с целью обращения внимания и вызова общественного восхищения тем, что он приписывает умершему, но на самом деле реализуя свои нереализованные психофизические и эмоциональные состояния, ощущения и пороки).

Вообще давно замечено, что преждевременный уход той или иной личности вызывает чувство восхищения то ли потому что никто не сможет доказать обратное относительно их возможной великой судьбы, то ли оттого что плохо о по-

койниках не говорят, то ли от отсутствия конкуренции со стороны умершего. Следует отметить, что эти же состояния могут реализовываться не только по отношению к умершим, но и еще живым людям, порождая проблему так называемого *авторитетного замещения объективных факторов*, с целью максимального проявления своей субъективной направленности и заинтересованности в укреплении авторитета своей позиции перед другими. Об этом мы еще поговорим ниже.

Таким образом, удовлетворённость есть миг, вспышка реализации ощущения неудовлетворенности, вызванной потерей того потенциального, субъективно воображаемого нами самими нечто, необходимого с целью оправдания «серой» обыденности по отношению к тому, что «могло бы быть, если бы не...».

Необходимость замещения обыденного несовершенства нашего положения вкупе с «эффектом той заблудшей овцы», даже не ее самой как таковой, а ее образа, которой на миг (*миг положительного эмоционального всплеска*) дает возможность вырваться тем потенциальным «если бы, то не...» положительным во всех отношениях чувствам, которые идут в полную оппозицию той данности, которая выражена «неудовлетворенным» актом обыденности.

Данный образ, выраженный в потенциальном состоянии «как было бы, если бы не...», с такой степенью заботливости и осмотрительности выражается и хранится внутри каждого

субъекта, что данное чувство можно скооперировать с категориями веры и надежды. Следовательно, данный миг есть акт веры, взрыв реализации всех наших грез, связанных с состоянием удовлетворенности.

Процесс удовлетворенности при такого рода его форменном отражении характеризуется тем, что, когда «заблудшая овца вернулась в стадо», после определённого промежутка времени, та же обыденность поглощает момент удовлетворенности и порождает новое ощущение и поиск акта удовлетворенности уже в нечто другом (пока еще потенциальном). Это «другое» будет реализовано в другом моменте, в другом месте и по иному поводу, оно будет связано с моментом (мигом) избавления от обыденности и всех невзгод, которые его сопровождают.

Это один из алгоритмов описания того, что мы понимаем под актом «удовлетворения».

* * *

Потенциальных причин объяснения и достижения акта удовлетворения тысячи, и нет никакой необходимости в выделении их всех. Что следует сказать о нем, так это то, что сам момент акта удовлетворенности абсолютно спонтанен и может быть форменно выражен в различном соотношении ситуационных моментов, например, у ребенка – это приход мамы с работы, получение пенсии пенсионером, написание

диссертации аспирантом и т. п. Спонтанность достижения акта удовлетворенности вызвана чувством отсутствия или потери того потенциального, которого не хватает для «полноты» ощущения жизни и всего того положительного, с чем связано наше восприятие и понимание направлений деятельности этой жизни в целом.

С другой стороны, акт удовлетворенности выражается в стабильном восприятии факторов парадигмы развития жизни и позиционирования каждого отдельного субъекта в рамках этой парадигмы.

Например, для преподавателя, удовлетворенным может являться ответ студента по какому-либо вопросу, высказанный в соответствии с имеющимися и известными определениями на данный вопрос в книгах, в особенности тех, которые прочитал сам преподаватель. *В данном случае удовлетворённость есть акт реализации привычности и стабильности в процессе развития парадигмы жизнедеятельности.*

Наряду с этим, акт и степень удовлетворенности коррелирует к акту «*потенциально приемлемого и опытно изученного*», помноженного на фактор «*разумности*» в рамках алгоритма восприятия. Подобного рода удовлетворенность чаще всего сталкивается с проблемами «*новизны*», развивающейся в рамках отклика на «*привычные*» схемы воспринятого.

Новизна всегда является условием наслаждения, так говорил **З. Фрэйд**⁴⁹, рассуждая о том, что эффект от перво-

⁴⁹ **Зигмунд Фрейд** (правильная транскрипция – Фройд; так как нем. Sigmund

начального контакта всегда стирается обыденностью повторения, например, прочтение книги в первый раз, просмотр спектакля в первый раз гораздо более запоминающиеся, чем в последующие разы.

Первоначальность акта восприятия характеризуется достижением состояния удовлетворительного восторга, что особенно хорошо проявляется и наблюдается у детей.

При этом необходимо разграничивать акт *удовлетворения* и акт *наслаждения*. *Удовлетворение* есть акт выражения степени «*достаточности*» в рамках ее осознания, тогда как *наслаждение* есть акт отражения эйфорийного состояния, реализующегося в отсутствии *осознания* его как такового.

Например, принятие закона, содержащего популярные лозунги и т. п., вызывает акт удовлетворенности (*наслаждение чувством выполненного долга*), даже при всех его реальных неточностях и пробелах. Сам факт затмевает акт объяснения. В этом случае акт объяснения, выраженный в удовлетворенности *фактом принятия закона*, не должен затмеваться психофизиологическим состоянием *наслаждения актом принятия этого закона*, но постоянно должен подвергаться критике, с целью подтверждения его состоятельности

Freud, немецкое произношение: ['zi:kʰmʌnt 'fʁɔʏt]; полное имя Сигизмунд Шломо Фрейд, нем. Sigismund Schlomo Freud; 6 мая 1856, Фрайберг, Австрийская империя – 23 сентября 1939, Лондон, Англия, Великобритания) – австрийский психолог, психоаналитик, психиатр и невролог. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фрейд>, _Зигмунд (дата обращения: 07.05.2020).*

на акт *удовлетворения* тех, ради кого данный закон принимается и чьи общественные отношения он регулирует и т. п.

* * *

Наряду с «*новизной*» первоначального акта восприятия, удовлетворенность характеризуется моментом «*критичности*», который дает импульс по отношению к необходимости реализации процесса *объяснения*.

Так, в любом виде спорта пропущенный гол заставляет команду активизироваться и бежать вперед при осознании критичности ситуации с точки зрения потери результата. *Аналогичного положения требует акт объяснения*.

Самые необходимые процессы объяснения рождаются посредством осознания критичности ситуации, что в свою очередь порождает акт должествующего «*понимания*». Например, усиление контроля или принятие законодательных инициатив после крупного пожара, наводнения, эпидемии и т. д.

Вопрос: можно ли избежать допустимости возникновения критичности, не упуская при этом акт удовлетворения?

Дело в том, что сама ситуация, все, что нас окружает, и все, что мы воспринимаем, является *критичной и некритичной одновременно*.

Эмоциональные состояния восприятия окружающей действительности всегда зависят от характеристик субъективного характера

отношения к этой действительности.

Мы искусственно можем создавать такого рода состояния без внешней необходимой предпосылки.

Что касается *восприятия* и *объяснения* как положительно-формализованных актов удовлетворённости, то с ними происходят аналогичные ситуации, однако со своими специфическими особенностями и нюансами.

Например, судья, вынося решение, объясняя положения закона, может при этом руководствоваться как своими ощущениями акта удовлетворительности, так и ощущениями удовлетворенности сторон или подсудимого, или стороны обвинения. При этом итоговый результат удовлетворенности в его ощущении диаметрально противоположен акту удовлетворенности каждого участника данного процесса. Для подсудимого – это оправдательный приговор, для стороны обвинения – это признание ее работы и удовлетворение тем, о чем они просят суд и т. п.

Вопрос лишь в том, что в данном случае будет удовлетворительным для судьи?

Удовлетворительность судьи, при всех прочих условиях ситуационного момента его вынесения, кроется в вынесении «справедливого» приговора (при этом справедливость требует объективности и абсолютности восприятия всех факторов, что, как мы уже говорили выше, не может быть реализовано в силу специфики субъективной ограниченности нашего восприятия).

Так как справедливость восприятия судьи ограничена теми фактами, которые стороны представили в судебном заседании, он, исходя из неполноты и субъективности их основания, не может, по сути, выносить справедливое решение в связи с отсутствием полноты объективности, которая и реализуется как форменная составляющая истины. *Судья выносит свое решение, согласуя акт удовлетворенности с тем, что ему представлено.*

Можем ли мы допустить, каков акт реализации его удовлетворённости на самом деле? Удовлетворенность итоговым состоянием, выраженным в решении или приговоре, характеризуется восполнением психофизических состояний судьи посредством вынесения данного акта. По сути, в акте реализуются его, что называется, негативные и положительные проявления.

При этом, как мы уже говорили, и негативность, и положительность есть суть две составляющие одной медали.

Например, вынося приговор, судья может реализовывать, посредством его вынесения, свое состояние и ощущение власти, выраженной в зависимости реализации порывов своей воли или зависимости вожеланий остальных участников процесса от волеизъявления судьи. При этом данное состояние может быть как положительным, так и отрицательным, смотря, с каким психофизическим типом судьи и уровнем его культурологических восприятий мы имеем дело.

Проблема в данном случае в том, что психофизические и культурологические особенности психотипа судьи, бессознательно накопленные в опыте предыдущих переживаний, могут выливаться в акте вынесения приговора, таким образом порождая *обратный «эффект справедливости»*, а именно недовольства остальных, при удовлетворенности итогом своего результата (*приговора*), выраженным как итог удовлетворения своей субъективной и бессознательной неудовлетворённости.

Активность действия судьи, выраженная в приговоре или решении, отражает психофизический всплеск акта удовлетворенности, в отличие от пассивного внутреннего переживания. *В чем здесь опасность?*

Например, посредством приговора при малой доказательной базе со стороны обвинения, судья может вынести жесткое решение для подсудимого, который, может быть, ни в чем не виновен, однако крайне напоминает ему его супругу, сестру и т. п., с которыми и произошел конфликт или которые стали причиной его переживаний, воспринимаемых им до сих пор как *негативные*.

Объяснение в данном случае предстает как акт повторения посредством возврата потерянного состояния и в конечном итоге представляющего как акт итогового акта удовлетворённости тем, что являлось причиной акта неудовлетворённости в прошлом.

Характеристика негативности выражается в несдер-

жанности, в нестерпимом желании ее реализации при различных ситуациях.

Проблема в том, что баланс между устойчивостью восприятия нечто в его *положительном ключе* все равно не даст результата, который мы называем справедливым. Следовательно, объяснение и акт ее удовлетворенности всегда в микровременном промежутке времени крайне индивидуален и недостаточен по отношению к абсолютному и недостижимому эффекту справедливости, выраженному всегда в нечто конкретном, например, в приговоре судьи.

* * *

Удовлетворенность может быть как положительной, так и отрицательной.⁵⁰

Так, достижение удовлетворительного состояния путем употребления алкоголя есть суть отрицательная характеристика удовлетворения, тогда как помощь детям – сиротам представляет собой ее положительный эквивалент, в то время как помощь детям с целью ухода от уплаты налога так же представляет собой отрицательный эквивалент акта удовлетворенности и т. п.

Форменным же выражением акта *удовлетворенности*, равно как и акта *неудовлетворённости*, выступает уже знако-

⁵⁰ Об аспектах сущности самого нечто «положительного» и «отрицательно-го» поговорим немного позже.

мое нам *«определение»*. Невзирая на неопределённость самого определения как такового, как было показано выше, следует отметить, что акт *«негативности»*, выраженный в его определении, всегда представляет собой субъективную попытку *удовлетворить свое неудовлетворительное состояние*.

Факторов выражения и проявления *негативности* тысячи: *жажда наживы, несдержанность в желаниях, переживания, волнения, трусость, уныние, злоба и т. п.*

Опасен итог удовлетворенности итогом объяснения из чувства собственного эго «Я», выраженный такими качествами, как властолюбие, индивидуализм, эгоистичность и т. п.

Целеполаганием удовлетворительного акта объяснения должна выступать общественно полезная составляющая компонента, выраженная в чувстве справедливости и балансе личных и общественных интересов. Можно, конечно, поднять дискуссию о том, является ли актом объяснения та, которая ведет к негативным последствиям, однако в данном случае это не тема нашего исследования.

Содержательной же характеристикой негативного акта удовлетворённости и его понятийным выражением выступает *«антиобъяснение»*.

Как говорил *К. Г. Юнг*, *«тип есть определённая форма, а архетип есть нечто бессознательное. Типы настолько расширяются при их изучении до пространных символично-ис-*

*торических связей, что основополагающие психические элементы берутся из той неопределённо переливчатой многоформности, которая превосходит возможности человеческого представления как такового».*⁵¹

В процессе самого объяснения, как мы уже сказали, существует опасность попадания в «антиобъяснение». Это происходит тогда, когда под единичное понятие (*смысловое и атрибутивное*) подстраивается множество атрибутов выражения и проявления «*формности*», которое порождает запутанность за счет множественности мнений по поводу принятого. Каждый акт объяснения не направлен на ограничение смысла, но лишь усугубляет ситуацию по изучаемому направлению.

Из этого следует, например, что понятие «*груша*» в своей простоте и «*минимальной атрибутивности*» обладает большим консенсусом по поводу ее понимания, нежели, например, понятия «*свобода*», «*воля*», «*право*» и т. п.

Наш разум справедливо ищет простоту при ответе на вопрос о смысле данных понятий путем вычленения фактов единичного опыта акта восприятия.

Например, понятие «*красота*» реализуется в конкретизируемом состоянии «*мама*», «*бабушка*», «*дерево*», «*солнце*», «*цветы*» и т. п. То есть объяснение в этом смысле представит как процесс по минимизации атрибутивной составляю-

⁵¹ Юнг. К.Г. Архетип и символ. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2016. С. – 47–48.

щей таких архетипичных понятий, которые, по своей сути, для нас бесконечно «*смысло-атрибутивны*» и «*многоформенны*».

Простота является одним из элементов проявления того, что мы зовем актом «удовлетворенности».

Акт удовлетворенности, таким образом, зависит от логических посылок и степени проявления таких категорий, как «*конечность*» и «*итоговость*».

Скажем, например, что нам нужен переводчик для ведения успешных переговоров министров двух стран. Найдя такового, нам необходимо его спросить, *является ли он переводчиком?* В случае получения положительного ответа мы берем его на работу. Далее, при встрече министров двух стран выяснится, что переводчик действительно является переводчиком, однако не с французского языка, так как присутствует представитель Франции и как того требуют обстоятельства, а, например, с немецкого.

Возражения относительно того, что он не переводчик, безосновательны, так как он в действительности является таковым, ведь этот человек (переводчик), в сущности, интерпретирует и переводит одни знаковые составляющие смысла в другие.

Интерпретация, выраженная в виде перевода, предполагает именно такую парадигму развития процесса перевода, однако, в силу смысловой и знаковой волатильности поня-

тия, переводчик как переводчик конкретно не знает, по сути, те же знаки, только выраженные или характеризующиеся тем, что мы называем языковой культурой употребления. То есть и в немецком, и во французском языке актом выражения смысла сказанного выступают знаковые составляющие, при том, что немец не может понять то, что сказал француз и т. п.

Вопрос: как можно знать знаки и быть переводчиком в целом, однако выявление такой, казалось бы, мелочи, как незнание французской языковой культуры в нашем примере, служит основанием для разрушения всех предыдущих усилий и заслуг, которые предшествовали и представляли акт конкретизации, выраженный в форме: «*вы переводчик? – да, переводчик*», а также обладание статусом переводчика, конкретизированном в удостоверении (*документе, подтверждающем статус переводчика*), и знании интерпретации перевода одной знаковой составляющей в другую.

Таким образом, получается, что конкретная посылка итога акта «*недоукомплектованного*» понимания зависит от первоначальной посылки удовлетворенности и ведет в конечном счете к противоположному итогу, то есть итогу неудовлетворенности. В данном случае «*недообъяснение*» даже хуже, чем отсутствие такового вообще.

Следовательно, в психологическом плане необходимо выделять как негативное, или отрицательное объяснение, ее «итоговость», так и «недообъяснение», которое характе-

ризуется отсутствием критериев, необходимых для удовлетворения аксиологических, праксеологических, телеологических и иных состояний субъекта.

* * *

Удовлетворенность информационной составляющей лежит в восприятии того, что говорится, и соответственно, это восприятие должно удовлетворять языковым критериям восприятия информационной составляющей, представленной знаком.

Итак, с формально научной точки зрения знак представляет собой такую информационную составляющую, которая характеризуется:

во-первых, устойчивостью акта ее восприятия, постоянством и одинаковостью,

во-вторых, как единообразная и рамочная информационная система, выполняющая функцию донесения информации о том, что воспринимается, понимается и т. п.

Если данная «стабильная» информационная составляющая ограничена определёнными форменными рамками, то мы можем классифицировать информационные точки данной системы таким образом, что можно говорить о вполне ограниченной и вполне познаваемой *информационной системе*.

Если мы можем говорить о ней в таком ключе, это означа-

ет, что наши способности к актам восприятия и понимания вполне покрывают информационную составляющую проявления всех ее возможных комбинаций, из которых она состоит, а именно *комбинаций звуков, букв, предложений и т. п.* Если данная возможность существует, соответственно, никакой сложности в фактическом обладании данным набором информационных критериев не составит труда, точнее, составит, но в рамках «*дозволенно-возможного*» и «*достижимого*».

Итак, если существует ограниченное количество информационных составляющих (знаков, понятий, предложений, букв и т. п.), а также возможность эти составляющие воспроизводить, накапливать и использовать субъектом познания, значит, можно сказать, что потенциально любой субъект в состоянии воспроизвести какие угодно доступные комбинации данных информационных точек с таким же процентом успеха, как и другой субъект, обладающий такого рода способностями и обладающий ими.

Грубо говоря, нет такого звука, слова, понятия, выражения, которое бы не удавалось воспроизвести при наличии соответствующих способностей (*голоса, языка и т. п.*) одним или несколькими субъектами. *Так, звуки, произносимые одним из африканских племён, может воспроизвести, например, тот же европеец с большой долей количественной вероятности и точности (подобности) относительно всех по-*

грешностей и факторов, которые являются незначительными в силу специфики нашего восприятия и акта понимания.

Итак, если данные утверждения не вызывают сомнения, то что же такого содержится в акте понимания и удовлетворенности этим актом, помимо форменной составляющей информации, которую можно воспроизвести, но можно не понять?

Почему говоря и произнося ограниченный круг информационных «точек», наше восприятие противится этому пониманию? Что это, дефект нашего мышления или субъективная характеристика восприятия? Если звуки одни и порождение их одно, что может быть в звуке, отличном от другого? Тональность? Скорость? Глухость?

В данном парадоксе восприятия и понимания есть две возможные причины: либо мы воспринимаем звуки и иные информационные составляющие как нечто «отличное», то есть в объективном смысле «разное», либо же данное непонимание и невосприятие является сугубо субъективной иллюзией, порожденной спецификой акта восприятия.⁵²

Вопрос: можно ли сделать так, чтобы начиная с младенчества ребенку закладывалось определённое количество всех потенциально-возможных комбинаций звуков? Если да, то

⁵² Более подробно об этой проблеме мы поговорим в аспекте «13-й аспект понимания».

можно ли тогда говорить о том, что он будет понимать всех людей, независимо от их этнической и национальной принадлежности?

Представляется, что сами звуки еще не составляют то, что мы называем пониманием.

Однако что же тогда есть понимание и каковы границы его функционала?

Как мы уже говорили, психотип процесса понимания лежит прежде всего не в физической плоскости выражения явления, его звуковой составляющей и «комбинаторности», а с необходимостью зависит от иной составляющей, такой, как «синхронизировано-парольное информационное поле». Суть ее проявления в том, что сама волна или звуковая характеристика информации должна затрагивать те рецепторы, которые, раздражаясь, откликаются в обратном отношении на данный посыл. Но этот посыл не представлен только звуковой составляющей.

Смысл, как уже было упомянуто, в свою очередь, выступает в качестве архетипа, то есть он не есть что-то, он есть чистая возможность реализации, потенциал, действующий в рамках, в более общем смысле, в рамках хорошего и плохого («-» и «+») и их различных опытных комбинаций.

Через недавних научных исследований показала, что акт *заинтересованности* и *удовлетворенности* напрямую зависит от *концентрации внимания на чем-либо*.

Вовлеченность и *настрой* играют не последнюю роль в том, что мы называем *удовлетворением*. В нас, безусловно, существуют ожидания по отношению к тому, на что направлен акт нашего восприятия, следовательно, *удовлетворение можно генерировать в рамках концентрации внимания*, где наши ожидания подстраиваются под акт восприятия и делают по отношению к воспринимаемому то, что воспринимается как нечто *ожидаемое* и как бы желанное изначально.

Желать, например, изначально можно маленький телефон, но когда вам вместо этого покупают дорогой автомобиль, и вы знаете, что вам больше ничего не купят, вы непременно будете искать плюсы в итоговом результате, выраженном в покупке автомобиля.

Если вы финишировали вторым, у вас могут быть оправдания по поводу того, что «*быть вторым*» тоже неплохой результат, *то есть под акты ожидаемого и действительно-го вы подстраиваете то, что желаете*.

Желаемое формирует действительное, а действи-

*тельное подстраивается под желаемое.*⁵³

В данном случае необходимо выделять так называемый внутренний и внешний аспект ожидания:

– первый характеризуется тем, что вы воспринимаете то, что хотите воспринять,

– второй относится к тому, что вы воспринимаете то и так, как это воспринимают другие.

Так, усевшись смотреть какой-либо сериал, поначалу вы относитесь к нему скептически, однако посмотрев несколько серий, вы непроизвольно вовлекаетесь в процесс, *«то есть прилагаете усилия и выделяете значимость»*, **концентрируя внимание** на том, что происходит.

В своей книге *«Думай медленно... решай быстро»* **Д. Канеман** говорит о двух системах «концентрации» мышления:

«Система 1 срабатывает автоматически и очень быстро, не требуя или почти не требуя усилий и не давая ощущения намеренного контроля.

Система 2 выделяет внимание, необходимое для сознательных умственных усилий, в том числе для сложных вычислений. Действия системы 2 часто связаны с субъектив-

⁵³ Данный факт не нов. Интерпретации такого рода позиции в том или ином аспекте можно проследить в частности в произведениях по современной психологии, кибернетике и нейрофизиологии. См. например: *Д. Гилберт «Спотыкаясь о счастье»*, *Д. Канеман «Думай медленно... решай быстро»*, *Д. Ариэли «Предсказуемое иррациональное»*, *С. Пинкер «Как работает мозг»*, *Jakob Hohwy «The predictive mind»*, *Амотд, Сандра. «Тайны нашего мозга, или почему умные люди делают глупости»*, *Andy Clark «Surfing uncertainty»* и др.

ным ощущением деятельности, выбора и концентрации».⁵⁴

Данные системы есть суть «разные» области восприятия, где «Система 1» представляет собой быстрое или поверхностное мышление, которое схватывает так сказать общие черты воспринятого, тогда как «Система 2» направлена на решение более сложных задач, таких, например, как вычисление. «Система 2 есть образец медленного мышления».⁵⁵

Сандра Амодт и Сэм Вонг⁵⁶ в своей книге «Тайны нашего мозга, или почему умные люди делают глупости» приводят другой пример действия «концентрации внимания»:

«Психолог подходит к кому-то на улице и просит объяснить ему дорогу. Пока человек рассказывает, рабочие держат между двумя людьми большую дверь, не давая им видеть друг друга. За этой дверью человека, который спрашивал про направление, сменяет другой исследователь, который продолжает разговор как ни в чем не бывало. Даже если этот человек совсем не похож на первого подошедшего, у дающего разъяснения всего около 50 % вероятности того,

⁵⁴ **Даниэль Канеман**. Думай медленно... решай быстро. Электронный ресурс // *Play.google.com*: электронная книга. С. 33–34. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=A5dZAgAAQBAJ&pg=GBS.PT9.w.2.0.52>

⁵⁵ См. там же.

⁵⁶ **Сандра Амодт** (Sandra Aamodt) – главный редактор журнала «Nature neuroscience», ведущего научного издания, занимающегося проблемами исследования работы мозга. **Сэм Вонг** (Sam Wang) – доцент нейрофизиологии и молекулярной биологии Принстонского университета. Электронный ресурс // *Koob.ru*: электронно-справочная библиотека. URL: https://www.koob.ru/aamodt_wang/ (дата обращения: 08.05.2020).

*что он заметит подмену».*⁵⁷

Аналогичный эффект «концентрации внимания», однако, в иной форменной составляющей представлен психологической системой «невидимая горилла».⁵⁸ Данный эксперимент подтверждает тот факт, что вы не можете получать удовольствия от того, на чем не сконцентрирован акт вашего внимания. Суть эксперимента сводится к следующему:

«Испытуемым давались инструкции, что сейчас будет исследоваться их внимание, для этого им нужно подсчитать количество пасов в показанном видеоролике. Затем

⁵⁷ *Амотд Сандра, Сэм Вонг.* Тайны нашего мозга, или почему умные люди делают глупости. Москва: Издательство «Э», С. – 34.

⁵⁸ *Слепотá невнимáния* (англ. Inattentional Blindness), или Перцептивная слепота (англ. Perceptual blindness), также часто неточно переводится как ложная слепота) – это психологическая неспособность обращать внимание на какой-либо объект, которая не относится к проблемам со зрением и носит исключительно психологический характер. Явление также может быть определено как неспособность индивида увидеть неожиданно возникший в поле зрения раздражитель. Термин был введен в 1992 году учёными Эриеном Марком и Ирвином Рокком и был использован как название их совместной книги, опубликованной в 1998 году. В книге они описывают открытие слепоты невнимания и рассказывают об экспериментах и случаях, доказывающих существование феномена. Исследования слепоты невнимания показывают, что она возникает у любого индивидуума, независимо от наличия у него когнитивных расстройств. Для человека становится невозможным распознавать одновременно все предложенные раздражители и, как результат, возникает «эффект временной слепоты», когда человек не может разглядеть объекты или раздражители, которые возникают неожиданно и зачастую очень заметны. *Электронный ресурс // Wikipedia.org: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Слепота_невнимания (дата обращения: 08.05.2020).*

демонстрировалось видео, где группа людей примерно из 10 человек бросает мячи друг другу. Эти пасы и предлагалось считать.

В конце объявлялся результат и задавался вопрос: «А заметили ли вы гориллу?». И затем заново быстро перематывался ролик, где было хорошо видно, что в разгар действия в толпу кидających мяч людей входит человек в черном костюме гориллы. Он некоторое время стоит, смотрит на всех, затем бьет себя в грудь и уходит. Этот человек очень заметный и явно отличается от всех остальных персонажей ролика!

Оказалось, что в 50 и более процентах случаев испытуемые не заметили никакой гориллы! Они усердно считали мячи, и прошедший прямо у них перед глазами человек в странном костюме буквально выпал из поля зрения. Пересматривая ролик повторно, эти же люди хорошо видели, когда входит человек в костюме гориллы, и удивлялись, как они могли его не заметить».⁵⁹

При этом интересен тот факт, что если цвета футболок команд будут не сильно отличаться друг от друга, например, красный и оранжевый цвет, то вы будете путаться в последовательности передач мяча от одной команды к другой, так как будете сконцентрированы на попытке разграничения того, какой же цвет футболки сейчас у того человека, у кото-

⁵⁹ Электронный ресурс // Psychologies.ru.: информационный портал. URL: <https://www.psychologies.ru/> (дата обращения: 08.06.2020).

рого находится мяч.

Можно привести еще множество примеров взаимозависимости акта концентрации внимания и акта заинтересованности, однако в этом нет необходимости.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что мы «*четко*» и «*достоверно*» воспринимаем лишь разность выражения нечто, «*черное*» и «*белое*», «*теплое*» и «*холодное*» и т. п. В случае если бы мы не различали «*да*» или «*нет*» как «*утвердительных конкретностей выражаемого*», мы бы совсем не смогли высказать ничего определённого о том или ином аспекте бытия.

Мы подстраиваемся под восприятие нечто в акте его
«*удовлетворительного восприятия*».

Так, рассматривая компьютеры 50-х годов XX века, мы изумляемся, как на них вообще возможно было работать, в то время как для тех, кто ими пользовался и на них работал, это были самые передовые машины, воспринимаемые на уровне нечто чудесного. Сегодня происходит то же самое в отношении всего того, чем мы пользуемся. Все современные технологии мы воспринимаем в качестве нечто «*передового*».

Однако интересен тот факт, что если убрать все компьютеры и используемые в повседневной работе технологии из жизни современных людей, а затем через некоторое время дать им возможность пользоваться компьютерами образца 50-х годов, то возникнет парадоксальная ситуация, при ко-

торой машины из середины XX века вновь будут восприниматься как нечто «уникальное» и «удивительное».

Удовлетворённость реализуется в «отсутствии».

Более же подробно данную проблему мы рассмотрим в «13-м аспекте» данного произведения ниже.

§ Фактор ценности в рамках удовлетворенности восприятием

«Ценностность», по словам доктора психологических наук **Н. И. Непомнящей**⁶⁰, характеризуется единством определенной внешней направленности личности и ее представлением о себе (*представленность собственного «Я»*).

Ценностность – это отражение субъектом области и ореола акта его существования, через которые происходит самоидентификация личности, собственного «Я». *Ценностность* можно определить как единство личностной валентности, действительности и объективной валентности личности.

⁶⁰ Доктор психологических наук, профессор, зав кафедрой общей психологии факультета клинической психологии Российского Государственного Медицинского Университета. *Электронный ресурс // Fondgp.ru: информационный портал некоммерческого научного фонда Г.П. Щедровицкого. URL: <https://www.fondgp.ru/mmk/persons/непомнящая-нинель-ионнельевна/> (дата обращения: 09.05.2020).*

Также ценностность – направление деятельности индивида в его жизненной активности.

Деятельность в данном случае выступает инвариантной константой, условием и формой реализации *ценностей*. Приоритетность выделения направлений деятельности, исходя из их огромного многофакторно – форменного плюрализма, побуждает личность к поиску и реализации *уникально-индивидуального* представления о себе и о том, что он выделяет вне себя, как «не-Я».

Основой «*приоритетности*» выделения направлений деятельности служит осознание инвариантности «*иного*» пути и поиска в «*этой данности*» «*того*», что является «*первоначальной*», «*достоверной*» и целесообразной характеристикой того, как это все нечто воспринимается.

Анализ данного «*первоначального направления*», осознания факта своего существования и восприятия характеризуется наличием «*выборности*» направлений деятельности в рамках «*данности*».

Ценности, таким образом, перетекают и находят свое воплощение в *первоначальном акте восприятия* всего окружающего, а в дальнейшем, по мере «*взросления*», тяготеют к *общественно-привычной трактовке акта их употребления*. Ощущение правильности и стабильности определяются осознанием необходимости в совершении тех или иных действий, предопределённых *ценностными характеристиками*. В большинстве случаев данное состояние выра-

жается в предвосхищении того, что преподносится и совершается как *оправданное и правильное в рамках социальных стандартов их восприятия*. Например, за написание какого-либо произведения выдается награда, за ответ получается оценка и т. п.

Общественные стереотипы восприятия и оправдания целенаправленной деятельности индивида, а соответственно и определение степеней различной их *полезности, негативности, позитивности и т.п.* часто предопределяют и довлеют над тем состоянием, что мы называем самой «ценностью».

Следовательно, ценность в своем первоначальном виде не предопределяется и не принадлежит общественным стереотипам «оправданности» и «полезности», но реализуется и зависит от внутренних факторов, которыми наделен индивид в самом начале своего жизненного пути. Например, ребенок до шести-семи лет наделен факторами восприятия окружающего мира в форме естественной реализации ценностей, не зависящей ни от каких-либо общественных установок и правил. Он реализует свой жизненный потенциал, исходя из еще не приобретённых в процессе социального общежития ощущений (*правильности, истинности, ложности, позитивности, негативности...*), таких, как любовь к матери, отцу, брату и т. п., воспринимаемых вне рамок их «трактовки», «распознавания», «отношения» и «восприятия», принятого в обществе. Детское восприятие таковых предстает в виде эталона различения «черного» и «белого»,

«плохого» и «хорошего». У него нет ощущений дружбы, привязанности, страхов, радости, смеха и всего того, на основании чего складываются общественные правила и нормы, направленные на регуляцию этих базовых, неприобретённых «состояний».

Ценности первичны по отношению к трактовке их восприятия как таковых.

* * *

В научной и популярной литературе выделяют несколько типов ценностей:

ценностность реально-привычного функционирования, где не выделена та или иная сфера действительности, как наиболее значимая. Человек «погружен» в синкретическую, привычную ситуацию, в которой для него разные сферы действительности еще не являются разрозненными;

ценностность деятельности выделяет значимые области деятельности, в отношении которых ребенок осознает себя, свое «Я».

Наряду с этими двумя ценностями выделяют также *ценность общения, ценность познания, учебной деятельности и т. п.*

Все они характеризуются описанием или, точнее, доминированием одной поведенческой линии индивида над другой.

Ценность и ее характеристики действуют по принципам, заложенным в «матричности» акта восприятия индивида, наряду с врождёнными рефлексам.

Факт, что мы с охотой и остро выраженной рефлексией реагируем на нечто яркое, нежели на нечто тусклое.

Мы слышим громкое, но прислушиваемся к тихому.

Мы реагируем на события многомиллионного города и проблемы его жителей, но не уделяем внимание по причине «маловажности» мелким поселкам и деревням с населением в 100 человек и т. п.

Оценка достижения ментальных, физических и иных достоинств человека детерминирована «количеством» и «степенью достоинства» его регалий и наград, которые есть суть фиктивные степени выражения общественного акта одобрения. *Почему?*

Дело в том, что существуют «матричные факторы реагирования» на нечто, сопровождающиеся «эмоциональным фоном», которые обязательно соотносят процесс восприятия нечто с какими-либо внешними факторами, например, такими, как размер, форма, яркость, тусклость, толщина, глубина и т. п. «матричными градациями» выражения данности.

Все эти факторы бесконечно разнообразны в актах своего проявления, но все они суть факторы восприятия, формирующие оценку положения того или иного индивида в соответствии с ценностными характеристиками

его личности и видом общества. Они порождают актуальность ценностей.

Актуальность характеризуется «отсеканием» того, что является основой для «иного», выраженного в категории «малозначительности». Что мы хотим сказать?

Алгоритм взаимодействия ценностей характеризуется «приоритетностью факта выбора». «Приоритетность факта» выражается в матричном восприятии нечто субъектами акта восприятия в рамках выражения их некоторых характеристик, таких, например, как единичность, доступность, временные характеристики существования и т. п.

Алгоритм их реализации следующий: степень и количество попыток реализации по достижению чего-либо делимо на количество и степень возможных и потенциальных попыток по его достижению.

К примеру, возьмем понятие «жизнь». Актуальность и ценность жизни человека и его здоровья превалирует над всеми остальными ценностями в рамках их «ценностной градации». Почему так происходит? Потому, что в случае неудачи реализации жизненного потенциала, выраженного в смерти, элиминируется возможность в реализации других намерений, целей, стремлений человека, таких, например, как ценность материальных ресурсов, карьеры, продолжения рода и т. п.

Итак, приоритетность по отношению к ценности пред-

определяется «количеством» попыток, данных для его достижения, где акт жизни выступает единичной попыткой ее использования.

Данный алгоритм «приоритетности» в рамках определения ценности равно настолько же актуален как для жизни, так и для остальных сфер ее проявления.

Язык, действующий в рамках феномена «объяснения» нечто, не является исключением. Так, если рассматривать его с точки зрения метода реализации ценностных ориентиров, то, соответственно, на ценность того, что объясняется, влияют факторы *приоритетности*.

Например, указы Президента рассматриваются мгновенно и беспрекословно чиновниками любого положения и ранга, а заявление пенсионера по какому-либо вопросу может рассматриваться месяцами (*социальная иерархия приоритетности*).

Далее, каждый фактор приоритетности действует в рамках *типов ценностей* и характеризуется своими отличительными особенностями. Степень градации фактора ценностей и приоритетов сопровождается такими характеристиками, как *скорость, качество, количество реализации целевой установки, серьезности намерений и реакции на их проведение*. Все они зависят напрямую от градации ценностей. Так, чиновник для своего продвижения или повышения по карьерной лестнице делает все, чтобы добиться его, убирая остальные факторы приоритетности. Почему? Вопрос лич-

ной заинтересованности (*сигнальность приоритетности*).⁶¹

Заинтересованность складывается из формы восприятия приоритетно того, что полезно человеку. Человеку полезно то, в чем он видит смысл своей жизни, формируемый посредством информационной составляющей окружающего его общества. У кого-то это деньги, у кого-то работа, благотворительность, грабеж, разбой и т. п. *Степени приоритетности* зависят от того, в какой среде растёт и воспитывается человек, и от его личных качеств. Именно социальное обрамление первоначальных (*естественных*) ценностей формирует человека и его направление деятельности на протяжении всех этапов его жизни.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно выделить ценности и приоритеты, совместимые с факторами их реализации, по которым действует и развивается общество и индивиды, в нем живущие:

1. С точки зрения матричности акта восприятия к факторам первостепенных ценностей можно отнести: уникальность, неповторимость, единичность, доступность, ценность (в том числе материальную) и т. п.

2. С точки зрения физической градации единиц восприятия первостепенных ценностей состояние выше, быстрее, сильнее, больше (как размерность, так и количественная составляющая), плотнее, шире, весомее, тяжелее, ярче, вкуснее, контрастнее, острее и т. п.

⁶¹ См. аспект «Сигнальные понятия».

3. С точки зрения социального положения восприятия первостепенных ценностей: занимаемый пост, должность, ранг, авторитетность, статус, звание, социальные отличия (участник боевых действий, пенсионер, президент и т. п.), знаменитость, популярность и т. п.

4. С точки зрения моральных ориентиров: лучшие, добрее, вежливее, учтивее, гибкость, благосклонность, уважительность и т. п.

5. Рефлексивные факторы: удовлетворенность, негодование, отвержение, принятие, одобрение, злость, ненависть, агрессивность и т. п.

6. Факторы социальной иерархии: конкурентность, соперничество, состязательность и т. п.

7. Вербальные характеристики факторов: при неодобрении или возмущении мы покачиваем головой из стороны в сторону, при одобрении киваем вверх-вниз, при сострадании плачем, в приятных моментах и их переживании мы улыбаемся или смеемся и т. п.

8. ...

Естественно, каждый из приведенных факторов переплетается в свои уникальные типы взаимодействий, в общем и целом во все, что мы можем назвать реакциями и факторами влияния на реализацию ценностей.

Можно до бесконечности разделять приоритетные факторы ценностей в зависимости от их классов, территориального нахождения, эмоционального состояния и т. д., что не

суть нашего исследования. *Важно подчеркнуть, что данные факторы есть и они определяют степень и характер реакции на те или иные значимые явления, в том числе и в процессе акта «понимания».*

* * *

Мы уже поднимали вопрос о том, почему «больше» соотносится с «лучше», «красивее» с «выше» и т. п.

Сейчас лишь скажем, что данные и другие подобные факторы сильно влияют, а точнее, формируют момент реализации ценностных ориентиров как общества, так и индивида в целом.

Вопрос: можно ли поменять ценностные характеристики самой «ценности»? Ответ – нет. Можно поменять некоторого рода характеристики отношения к стереотипным формам мышления: *чиновник – власть – деньги*, где в данном случае «правильное» расположение ценности звучит как: *чиновник – власть – ответственность – справедливость и т. п.*

Стереотипность такого рода мышления можно изменить, поменяв *ориентировочные рамки на пользу достижения желаемого результата*. То есть деньги необходимы – это факт, его куда не убрать, но можно поменять необходимость в их использовании, то есть либо они средство, либо они цель и т. п.

Фактор описания акта *удовлетворения* лучше всего рассматривать на примере «*физических величин*», так как именно последние в силу психофизических характеристик восприятия человека воспринимаются как *достоверные*.

Колебания материального мира в нашем опыте его восприятия фиксируются как то, что мы называем «*реальностью*» и «*бытием*». Таких факторов тысячи, но они могут выражаться лишь в «*единичном множестве*». Они характеризуют «*характеристику*» того, о чем мы говорим. Они есть причина, мы есть следствие этой причины.

Так, возьмем понятие «*старше*». Старше, прежде всего, есть суть «*старше*», и в прямом смысле акта его восприятия оно есть то, что воспринимается в его чистом виде, без примеси того, что мы относим к смысловым наслоениям его «*характеризации*», таким, как «*шире – больше*» и т. п.

В то же самое время ассоциативная связь со «*старше*» воспринимается другим субъектом познания лишь после акта его употребления как такового, после акта его понимания и выражается (*употребляется*) им уже как нечто «*превосходящее*», «*достоверное*», «*мудрое*» «*безошибочное*», «*неизменчивое и постоянное*».

Возникает вопрос: на каком основании суть «*форменность*» «*старше*» соотносится с подразумеваемыми в нем состояниями, такими, как «*превосходящее*» «*достоверное*» и т. п. и в конечном итоге вызывает акт «*доверия*» и «*целесообразности*», а в конечном счете и «*удовлетворённости*»?

Дело в том, что алгоритм *построения и достижения акта удовлетворения* достаточно сложен и специфичен в своих отдельных вариациях.

Прежде всего, необходимо заметить, что факторы восприятия удовлетворительного (*положительного*) возможно рассматривать только в рамках ощущения присутствия нечто «*положительного*» и нечто «*отрицательного*».⁶²

«*Положительность*» и «*отрицательность*» – вещи крайне неопределённые, в смысле сложной «*многофакторности*» их конкретного восприятия и понимания. Рамки свободы деятельности ограничиваются интуитивным посылом к восприятию самого действия и именно в таком виде, в котором оно только и может быть.

Ведь реализация чего-либо происходит раньше самого акта его реализации субъектом.

Если вы хотите сделать нечто, вам для этого необходимо «нечто» и «акт реализации», который вы не порождаете, а используете.

Так, для того чтобы продолжить говорить об акте удовлетворения, необходимо поставить и рассмотреть проблему «*негативного*» и «*положительного*» актов выражения действительности в рамках их рассмотрения как «*проблемных*».

Например, *проблема*, которая нас привела к написанию данной книги, состоит из акта выделения чего-либо инте-

⁶² См. аспект «*Проблема восприятия негативного и позитивного (добра и зла), некоторые аспекты духовно-нравственного начала акта понимания*».

ресующего нас и не находящего своего отклика в акте того, что мы называем «**пониманием**», выражающегося в том, что «*выражается*» понятием «*проблемы*». Это тривиальное слово, которое употребляется каждый день, в любом месте и по каждому поводу, что не суть.

Суть в том, что данным состоянием (*понятием*) мы привыкли обозначать нечто, которое есть «*новое*» и выходящее «*за*» рамки нашего обыденного понимания нечто «*тривиального*». Тривиальность характеризуется «*обычностью*» воспринимаемого, тогда как проблема характеризуется выходом «*за*» данную тривиальность, что в свою очередь ассоциируется с понятием «*пользы*» и «*целеполаганием*», которая *выступает матричной формой оправдания наличия смысла и целей нашего существования вообще*.

«*Цепляя*» суть «*нового*» и «*необычного*», а в итоге и «**проблемного**», мы как бы осознаем и находим в этом нечто смысл, который и есть суть то, что мы не в состоянии *объяснить*. Что мы хотим этим сказать?

Во-первых, мир не может не вызывать удивления с нашей стороны;

во-вторых, не может не удивлять набор и инструментарий акта нашего восприятия, отражающий этот мир «*для нас*»;

в-третьих, мы говорим понятиями, используя категории, и понимаем их такими, какими мы их понимаем, то есть мы в состоянии воспринимать то, что есть и только так, как есть, при этом осознавая наличие «*иного*», того акта постоянного

тяготения к выходу и поиску *«нечто» «за»*, которое позволяет выходить *«за»* рамки *«данности»* и алгоритмов *«привычности»*, выступая в качестве воспринимаемого прогресса или процесса преодоления.

Форменной составляющей *«иного»* выступает путь, который характеризуется тысячами вариантов, подвохов, ловушек, парадоксов, иллюзий и т. п. Используя их, мы осознаем, что *«что-то»* из этого ложно, а *«что-то»* правильно, *«что-то»* тривиально, *«что-то»* сложно и т. п.

«Выходя, как нам кажется, «за» рамки и возводя акт нашей деятельности до состояния так называемого прогресса и выхода *«за»* (с которым матрично соседствует понятие *новизны*), мы, безусловно, топчемся (*ходим*) там, где только и можем, так как *«иное»*, как и *«обыденное»*, суть предопределено и выходит из того, что мы пытаемся преодолеть.

Так, осознавая ложность, мы воспринимаем нечто *«как ложное»*, а для того чтобы его воспринимать таким, нам необходим толчок того, что мы называем *истинным*, не особо задумываясь над тем, что ложное все – таки воспринимается, а значит, оно с необходимостью должно так восприниматься, то есть, грубо говоря, ложность должна восприниматься как таковая благодаря наличию в своей сущности того, что мы называем *ложным*, в противном случае его нельзя воспринимать как ложность. В данном случае хорошо просматривается то, что мы называем *«матричностью»*. То есть мы ищем нечто, воспринимаем глубину и дальность

как прогресс, как темпоральность, направленную вперед, а затем связываем это с оценочными вариантами матричного акта восприятия и его интерпретацией.

* * *

Почему «глубже» – значит «осознаннее», «мудрее» и т. п.? Мы воспринимаем нечто как ложное, оставляя тысячи факторов за пределами анализа.

То есть мы поставлены в ранг долженствующего акта существования без возможности контроля над актами его осознания в рамках нечто «существующего».

Что мы хотим сказать? Если вы создали, например, клетку для хомячка, то это не значит, что вы имеете власть над ним, нет, это зверек и клетка властны над вами, так как только ее вы можете использовать и только его вы можете и желаете туда поместить с целью реализации фактора «контроля», взаимодействующего с состояниями «замкнутости» (клетки), «повеления» (в связи с размерностью и иными характеристиками хомяка), которые инвариантно указывают нам на то, что мы повелеваем им, так как поместили хомяка в клетку.

Дело в том, что наши эмоции, желания, целевые установки воспринимаются нами как первостепенные алгоритмы данности по реализации акта своей воли. Мы не задумываемся, что окружающая форменность и многофакторность окру-

жающего мира характеризуется свойством «вовлеченности». Все, что мы не выражаем, есть форменность, понятийная, графическая и т. п., и тем не менее выраженная как «*форменность*».

Восприимчивость форменности зависима от нее и не выходит за ее рамки, так как «*выход*» предопределён этой форменностью и является ее частью, представляя из себя просто еще один фактор ее проявления. *Мы составляем и комбинируем набор факторов, которые принадлежат не нам, но мы принадлежим им.* Осознать это довольно легко, учитывая последовательность и алгоритмы деятельности нашей активности. Так, кинув мяч, мы эгоистично полагаем, что это зависит от нас. Меж тем еще не известно и допустимо предполагаемо, что, может, округлость мяча, или гравитация, или скорость, или нечто иное создают подобный эффект.

Более того, если мы разберем сам момент броска мяча по понятиям и категориям, используя «*достоверные*» логические формы анализа, то придем к выводу, что скорость и форма формируют образ руки, которая и создаёт возможность броска, при этом рукой не являясь и т. п.

В таком случае возникнет вопрос: что значит этот образ?

Образы – это врожденно фиксированные отражения существенности в рамках действительности, а их разбор и определение есть не что иное, как поиск взаимодействий компонентов, необходимых для определения целе-

вой характеристики восприятия нечто нового.

Так, в нашем примере с мячом можно утверждать, что только наших усилий, в том числе умственных и волевых, недостаточно для того, чтобы мяч полетел и выразился в итоге как «бросок мяча» (*целостность*). Дело в том, что мы не знаем и не можем определить, *мы помещаем что-то в рюкзак или свойство рюкзака предопределяет «вместимость» нечто в него.* Может быть, свойство того предмета, который кладется, обладает характеристикой «*класться*» куда-либо? Или же все вместе создает акт, поименованный нами как «*вместимость*»? А что является исходной, первоначальной возможностью и причиной к такого рода «*состоянию*»? Не удивляйтесь, если мы скажем, что таким фактором является *первостепенность*.

Ведь сама по себе первостепенность выступает неким «*тотемом*» акта нашего восприятия, выраженная в комбинации понятий «*приоритетности*».

Комбинация приоритетности строится именно по принципу «*первичности*» и т. п. Что такое первичность? «*Факторность*» и алгоритм выражения первичности сводится к понятию «*начальности*» как толчка определённого акта по реализации «*последовательности*». *Вопрос: почему она выражается в такой форме? Почему «начало» и «первичность» необходимо воспринимаются как «верные» и «первичные»?* Первичность содержит в себе то, что мы называем «*изначальным*». Эта изначальность характеризуется как

«*ничто*», которое предопределяет акт и характер самого восприятия, а затем и понимания в рамках реализации его последовательности. «*Последовательность*» характеризуется этапами осознания нас в этом мире и мира вокруг нас. «*Выделяемость*» сопровождается последовательностью того, что мы называем ориентирами, которые выступают в роли выражения «*приоритетности*» выбора, характеризующегося последовательностью определенного набора действий, среди которых «*первичность*» возводится в ранг «*первостепенности*», а последнее в свою очередь в степень выражения «*важности*», «*более высокой степени приоритетности*» и в конечном итоге «*удовлетворительности*».

Факторы состояния удовлетворения лежат в плоскости их понимания именно таковыми.

Что такое факторы?

Факторами мы называем каждую единицу восприятия чего-либо в том виде и только так, как она воспринимается (понимается).

Дело в том, что мы *вынуждены* использовать понятия так, как вы их сейчас читаете, слева направо, сверху вниз и т. п. и тем не менее «*вниз*», так как «*конец*» обязательно и инвариантно расположен в «*конце*» или «*внизу*». Данные факторы взаимодействуют и построены таким образом, чтобы мы могли реализовать то, что называется актом *понимания и осознания*. Так, прочитывая данный текст, вы реализуете факторы *матричности акта восприятия, потому что вы*

смотрите, думаете, анализируете или же отвлекаетесь на посторонний шум, предметы, которые суть факторы причины вашего «реагирования».

Проще говоря, «предсказуемость» очевидности делает осознание необходимости в пояснении того, что есть.

Однако все – таки не будем забегать вперед, ведь пояснение может не принадлежать нам и акту нашей воли, но мы можем принадлежать пояснению, впрочем, как и всему остальному.

Таким образом, удовлетворение есть предсказуемая реакция сознания и восприятия на необходимость понимания его таким, каким оно является, и никак иначе. То есть удовлетворение не есть акт выбора со стороны субъекта, но есть акт реализации предсказуемого алгоритма *матричности* на определенного рода и вида информацию, которая реализуется в ценностях и приоритетах, которые мы обозначили выше.

P.S.

Все, что будет сказано помимо этого, должно представлять результат «необходимого», действующего в рамках закономерности (*априорной интуиции*): **«информация – удовлетворенность – информация – неудовлетворенность – информация...».**

Десятый аспект: Структура «вопросности» или ожидание ответа в акте объяснения

Вопрос в том, что сам вопрос является следующей компонентой по отношению к акту его реализации.

Автор

Последовательность состояний зависима от зависимости «быть таковой».

Автор

Что такое реакция, вопрос и ожидаемый результат, выраженный в ответе?

Как мы уже обозначили, сам акт умозаключения является инвариантной и постоянной константой, как и все окружающее и воспринимаемое. Умозаключения, выступающие в качестве «ответности», всегда связаны с постановкой по отношению к ним «вопросности» безотносительно таких категорий, их обычно сопровождающих, как ложность самого ответа или истинность самого вопроса.

Вопрос не является компонентной составляющей акта выражения, исходящего по направлению «от» индивида. Вопрос принадлежит обратной компоненте этого «от», выраженного в ответе, в восприятии, в отклике всех внешних

и внутренних раздражителей, побуждающих нас к поиску формы акта «восприятия».

Но что есть вопрос? В чем его суть?

Вопрос реализуется посредством взаимодействий. Мы не говорим, что вопрос есть «то-то» и «то-то», так как вопрос в реализации его определения как «то-то» и «то-то» выражает сам себя, а «то-то и то-то» есть само «для себя» и «в себе», нечто выражаемое и предстающее в качестве отдельного и уникального компонента бытия. Оно, то есть «то-то», является «чем – то», которое отлично и уникально по отношению к самой сущности и «начальности» «вопроса», который также есть компонента, уникальная и неповторимая.

Следовательно, отождествлять вопрос, как и другие понятия, посредством его определения как некоего заместителя одной сущности (вопроса) другой (его определения), выраженной в виде их слияния, недопустимо и ошибочно.

Таким образом, необходимо говорить так, что вопрос реализуется лишь во взаимодействии ответа.

Вопрос есть лишь иная «форменность» «ответа».

Для более полного понимания того, о чем идет речь, рассмотрим, например, вопрос: *что такое форма?*

Он предстает в виде уже свершившегося акта, выраженного в виде «итога реакции на воспринятое», где воспринятое не есть и не тождественно тому, кому оно адресовано, но

есть то, что выражается и воспринимается как «*обратный, внешний информационный посыл*» по отношению к исходящей информации от чего-то или кого-то.

Ответ есть форма. Форма вопроса закладывается в форму ответа посредством воспроизведения самого вопроса.

Если мы, например, спросим вас: сколько тонн весит слон, то почти со 100 % уверенностью можно утверждать, что вы будете отвечать «*про вес слона*», где, соответственно в рамках «*матричности акта восприятия*» мы можем проследить последовательную реакцию ваших умозаключений по отношению к первоначальному послылу (*сколько тонн весит слон*), выраженному в «*вопросе*».

Дело в том, что мы формируем вид, эмоциональную, видовую, ситуационную и т. п. реакции, выраженные в акте «*ответности*» на наш посыл (*вопрос*), характеризующийся актом восприятия вами нашего послыла и использованием его в качестве отправной точки, формирующей рамки вашей информационной составляющей в виде реакции на наш посыл. Следовательно, *вопрос* касается лишь тех моментов, которые могут быть «*затронуты и выражены в утвердительной форме акта нечто существующего*»⁶³, воспринимаемого и подразумеваемого, вне зависимости от формы его реализации, например, *в мышлении, наблюдении, представлении и*

⁶³ См. аспект «*Отрицательность целого, утвердительность конкретного, отрицательность конкретного, утвердительность целого. Проблема взаимодействия подразумеваемых состояний абстракции*».

т. п., в данном случае не важно, как и посредством чего это происходит: «ментально», «воображаемо», «идеально», «реально», «косвенно», «допустимо» или как-то иначе.

То есть, по сути, мы говорим, что вопрос формируется актом восприятия, которое есть суть рамки и предел этого вопроса.

Ответ есть рамка «вопросности» в его итоге. Мы не говорим об итоге вопроса как ответа, выраженного положительно или отрицательно, но утверждаем, что вопрос порождается наличием экзистенциальной составляющей акта восприятия. Такими же свойствами со знаком иного достоинства выступает и ответ в характеристиках его восприятия. Ответ может быть верным, может быть неверным, точным, расплывчатым – это все равно, однако он возможен лишь в рамках его экзистенциального восприятия (ощущения) в качестве ответа.

Следовательно, если вопрос является рамкой нечто воспринятого, то и ответ является рамкой воспринятого, только с иной стороны самого акта восприятия.

Вопрос: в чем сущность разделения этих двух антагонистических сущностей и компонент? О чем это может нам говорить?

Это может говорить о том, что любой вопрос, заданный в рамках системы координат акта восприятия, обозначен или ограничен равным количественным откликом этой же системы, представленной совокупностью информационных

точек, выраженных в виде итога или ответа.

Это говорит об инвариантности и тождественности информационных точек акта восприятия как вопроса, так и ответа, а также всего того, по поводу чего они могут «*задаваться*» и «*отвечаться*». Дело в том, что все, что есть, не есть разность, но есть коррелят (*отсылочность*), «*челночность*».⁶⁴ То есть чёрный не есть в своей сущности то, что мы поименовавшем в качестве нечто «*черного*», он есть разность по отношению к белому, зеленому, жёлтому и т. п, где «*разность*» есть отсылка к нечто, отличному от того, что мы воспринимаем, в данном случае нечто, обозначенного в рамках «*черного цвета*».

В массе всего воспринятого (обозначим это через точки потенциальных восприятий) количество информационных точек неизменно и самотождественно количеству их проявления.

Так, вопрос в его форменном выражении состоит из определённого количества и комбинации «*информационных точек*», равно как и ответ. При этом, условно говоря, общее их количество неизменно настолько, насколько их существует в смысле «*exist*». *О чем это говорит?* И вопрос, и ответ характеризуются определённым количественным (*единичным*) набором информационных точек, вычлененных из всей «*информационной массы*», в итоге выраженных и представлен-

⁶⁴ См. аспект «*Дублер. Челночность акта восприятия. Подтвержденная утвердительность*».

ных в виде «конкретного вопроса и конкретного ответа», за минусом суммы всех возможных и потенциально невозпринятых информационных точек.

Это говорит о том, что нет такого количества точек, которые можно было бы ограничить актом нашего их восприятия, и не найти им соотношения или коррелята, выраженного в алгоритме: «вопрос-ответ».

Вопрос, таким образом, исходя из вышеизложенного, есть взаимодействие потенциального ответа, реализованного в количественной характеристике выражения и использования различных соотношений информационных точек.

То есть, задавая вопрос, мы воспринимаем его как таковой, где акт его восприятия есть реализация итога того, что выражено в обратном его эквиваленте, то есть ответе. Собственно говоря, задавая вопрос, мы потенциально характеризуем комплекс ответных шагов по отношению к нему в рамках его проявления.

Приведем в пример довольно непростой и значимый в определённых кругах вопрос: как образовалась наша вселенная?

Ответ будет звучать следующим образом: исходя из взаимодействий и «подразумеваемости» по отношению к вопросу об образовании нашей вселенной, она образовалась так, какой мы ее наблюдаем сегодня.

Ответ в данном случае соответствует количеству инфор-

мационных точек вопроса (*его абстрактным эквивалентам*) ровно настолько, насколько мы можем это воспринять. То есть, задавая максимально «*пространно-ограниченный*» вопрос, мы получаем максимально «*пространно-ограниченный*» ответ. Это происходит в связи с тем, что мы по отношению к количественной составляющей акта восприятия бесконечного числа точек вопроса «*Как образовалась вселенная?*» применяем ограниченное количество информационных точек ответа, выведенных посредством единично воспринятых, конкретных фактов опыта. При этом такого рода «*соответствие*» пространного вопроса и эквивалентного ему ответа наталкивается на «*общественные стереотипы фактов восприятия*» в матричной системе индивида и выражается в итоге в акте *неудовлетворенности*.

Парадоксально, но по отношению к пространно-абстрактному ответу нам почему-то необходим и требуется конкретный ответ, выраженный как одна из точек акта объяснения, которая удовлетворительна и в то же время всегда неудовлетворительна по отношению к бесконечному числу потенциальных информационных точек, содержащихся в абстрактном вопросе.

Постоянно наблюдается дисбаланс между пространностью вопроса и ограниченностью ответа по отношению к нему.

В каждого рода абстрактном вопросе присутствует ограниченная характеристика акта понимания. ***Сам же вопрос***

при этом показывает и воспринимается ровно настолько, насколько он может соответствовать акту его выражения в ответе.

Например, рассмотрим один из стандартных вопросов учительницы начальных классов к своему ученику: «Где ты был во время урока и почему пропустил школьные занятия»?

Ответ ученика будет формироваться исходя из взаимодействия акта *пропущенного времени* и количественного выражения составляющей ситуации, замещенной информационными точками понятий, выраженных как эквивалент тому объяснению, где он был, когда пропускал урок. Временная составляющая акта употребления, характеризует место и временной пробел этого места, в котором находился ученик вне класса, и возможный (*потенциальный*) набор понятий, которыми он выражается в акте объяснения перед учительницей, где он был. *Данный пространственно-временной промежуток содержит весь цикл форменного развития взаимодействий вопроса и ответа.*

В связи с тем, что время и пространство целостно и едино так же, как и информационное поле выражения наших мыслей, то можно говорить об отсутствии «*информационно-временных пустот*» в рамках акта как восприятия, так и понимания. *Что это означает? В нашем примере ученик по отношению к факту «урока», который шел с 7:30 до 8:30, с точки зрения информационной и форменной составляющей*

течения пространства и времени ничего не пропустил. Более того, он инвариантно не мог этого сделать, так как время одинаково и тождественно самому себе на всем протяжении его пространственного акта восприятия и в данном случае в равной мере принадлежит как уроку, так и тому, кто его пропустил и что он делал или чем занимался в тот самый момент, когда шел урок (например, сидел дома).

Пространство и время = всем потенциальным актам их форменного и ситуационного заполнения теми или иными событиями, будь то «урок» или «сидение дома» и т. п.

Время и пространство по отношению к ученику осталось то же, с 7:30 до 8:30. ***То есть пространство и время инвариантны по отношению к тому, какие форменно информационные точки и факты происходят в тот или иной отрезок и промежуток времени.*** А так как время с 7:30 до 8:30 остается неизменным, можно говорить о тождественности проявления в нем всей совокупности информационно-форменных точек, в том числе и понятийных. То есть, по сути, с этой точки зрения, если представить время и пространство как замкнутую, самодостаточную систему, где все события происходят одновременно и тождественно, вследствие инвариантности их состояний, можно говорить *не об ответе на поставленный вопрос, а о констатации положения субъекта в определённый промежуток времени и пространстве.* Проблема в том, что данную одновременность

точек мы воспринимаем в отдельности и по-разному в смысле информационно-форменной составляющей.

Вопрос в том, как мы разграничиваем акт употребления времени в рамках той или иной деятельности, замещенной разницей в акте его восприятия? Однако об этом мы еще поговорим.

Следовательно, не время и не информационные точки порождают многообразие факторов акта восприятия того, что мы зовем бытием, а мы с нашими характеристиками акта уникальности и удовлетворенности порождаем то, что и как мы в итоге воспринимаем.

Воспринять «то» и «так» можно лишь по отношению к выражению этого «того» и «так» именно «так», так как мы в состоянии воспринять его только как «так», как оно в состоянии выражаться, именно с целью быть воспринятым, то есть выраженным как нечто (так).

* * *

Итак, вопрос не коррелирует к факту или к итогу того, что мы выражаем или пытаемся выразить, равно как и ответ. Вопрос и ответ есть лишь (*посредники*) выразители между фактами и их движущими активными состояниями.

Так, представим на минуту, что мы находимся в полноте акта удовлетворения по отношению к осознанию всего происходящего вовне нас. Такое состояние психики назовем ба-

лансом тождества воспринятого и удовлетворительного.

Вопрос: будут ли нужны нам вопросы и ответы при таком состоянии?

Ответ отрицательный, так как для чего необходимы вопросы, если все и так «понятно». Следовательно, потребность в вопросах и ответах коррелирует к балансу акта удовлетворения, к системе актов и степени его выражения. При этом баланс, в отличие от сущности вопроса, не создаёт и не порождает развитие, так как развитие есть аксиоматическая и априорная сущность факта нашего существования.

Соответственно, и вопросы и ответы являются той движущей силой постоянного поиска баланса и в то же время порождением акта его постоянного недостижения.

Следовательно, восприятие есть не что иное, как миг, мимолетный итог цепочки действий.

Вопрос есть движущая сила акта *развития*. Он есть доказательство нашей уникальности и свободы в рамках акта познания. Вопросы, как информационные составляющие акта проявления нашего «Я», могут быть направлены как по отношению к другому субъекту (*экстравертный вопрос*), так и по отношению к самому себе (*интровертный вопрос*).

Такого рода разграничение характеризуется наличием и сохранением баланса между актами его внешнего проявления (*понятийная составляющая*) и его внутренними характеристиками (*ощущения удовлетворения, довольства, разочарования и т. п.*). Эти категории мало поддаются изуче-

нию в связи с тем, что рамки изучения ограничены информационными точками актов его проявления, которые в итоге предстают как «*изучение*», с разницей в акте восприятия этого изучения в рамках его определения «*именно так*».

P.S.

Если мы представляем в качестве ответа некоторую совокупность, «*комбинаторность*» понятий (*безотносительно их правильности и ложности*), то должны сказать, что все их комбинации, подчеркнем, все возможные комбинации являются потенциальными единицами ответа на вопросы.

Например: *время обратимо и время необратимо*. Реальность необратимости времени коррелирует к возможности его рассмотрения с точки зрения обратимости. За счет последней мы констатируем, что оно темпорально направлено вперед. Необратимость, соответственно, направлена темпорально назад.

«*Реальная обратимость*» создает допущение возведения «*необратимости*» в ранг потенциального ответа, который может звучать как «*обратимость времени нереальна*». Нереальность коррелирует к реальности, то есть таким образом допуская комбинаторность выражения ответа в виде необратимости «*время реально*».

Вопрос: кто может с уверенностью сказать, что время

не идет назад, что мы регрессируем, а не прогрессируем? Вообще откуда эти корреляты? Откуда это «откуда»? Откуда вопросы?

Если бы нам удалось убрать этот «элемент хаоса», выраженный как вопрос, однако «убрать» уже есть матричный инструмент выражения акта восприятия как такового, который нас ждал задолго до нашего обращения к нему.

*Матричность восприятия данности
иррелевантна к понятийно-форменному ее
выражению.*

Мы оспариваем и опровергаем не данность, но ее *название, или поименование. Название же предстает набором определенных качеств акта восприятия.* Понятия и их комбинации есть данность, с которой лишь можно соглашаться и не соглашаться, спорить и т. п., что есть лишь потенциальность акта их отражения.

От постановки проблемы, выраженной в виде акта восприятия и понимания данности, не уйти. Отсутствие возможности избавиться от постановки вопроса по отношению к данности, есть самое настоящее рабство для пытливого ума.

Одиннадцатый аспект: Матричность

Гениальность великих писателей, учёных и философов заключается в искусном описании очевидного.

Автор

Мы инвариантно воспринимаем мир таким, какой он есть, и инвариантно формируем его таковым, какой он есть и нами воспринимаем (основная формула матричности: $S \ W$), где

S – субъект

W – мир

Есть ли у вас выбор? Да. Есть ли у вас выбор безотносительно выбора – нет.

Если вы хотите подчеркнуть то, о чем говорите и пишете, то выделяете данный информационный фрагмент каким-либо образом, интонацией, громкостью, подчеркнута другим цветом, толщиной шрифта и т. п. Если весь текст, который вы пишете, или предложения, что вы используете, будут написаны или высказаны подчеркнута, жирным шрифтом, акцентированно громко и т. п., то переход на «обычный» шрифт письма и «обычный» тон разговора будет восприниматься вами как нечто «подчеркнутое». Концентрация внимания на чем-либо не обязательно связана с матричными алгоритмами выделения нечто в качестве «значительного», но

связана с выделением *«необычного или меньшего из преимущественно целого»*, выдержанного в стилистике однородности – большего.

В данном случае *«однородно-меньшее»* сопрягается в акте вашего восприятия с нечто *«подчеркнутым»*, тогда как *«однородно-большее»* с нечто обыденным и не таким важным за счет акта *«подчеркивания»*, а не в связи с тем, что есть на самом деле понятия *«важные»* и таковыми не являющиеся.

Существует относительность акта восприятия в рамках сопоставления нечто позитивного-негативного, большего-меньшего и т. п., но все же в рамках одного и того же.

Понимание не есть то, о чем говорится или что поясняется. Объяснение или интерпретация знаковой составляющей не дотягивают до состояния акта самого понимания как такового. Например, процесс умозаключения с точки зрения современных достижений когнитивных нейронаук говорит нам о том, что когнитивные (*познавательные*) процессы речи, научения, зрения используют концептуальные умозаключения⁶⁵, которые связаны с наблюдением.

Идет процесс объяснения или *«углубления»* в нечто, в информационный пласт, в наслоение информационных пластов, но не в акт понимания. Мы читаем, уясняем и т. п., однако вопрос в том, как и каким образом понимание до-

⁶⁵ *Б. Баарс, Н. Гейдж.* Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: Т.1., С. – 30.

стигает своего воплощения? Понимание посредством объяснения недостижимо, оно лишь переключает в комбинационных формах известный набор матричных схем (*логических, семантических, физических, языковых, культурных и т. п.*), варьируя информационные составляющие матричных схем восприятия окружающего мира.

Так, прочитав книгу по нейрофизиологии, мы говорим о том, что многое поняли, на самом же деле не поняли ничего «*нового*» в отношении того, что было лишь перефразировано с «*инаковой*» информационно-дополнительной, информационно-количественной составляющей, выразившейся в итоге в акте удовлетворения, который воспринимается как нечто или «*чувство знания*».

Нас не устраивает формат пояснения как процесс по достижению какого-либо знания.

«*Ощущение или чувство понимания или знания*» наталкивается на «*противоречие*», которое, по сути, ставится в качестве «*барьера*» по отношению к тому, что мы пытаемся донести (*объяснить*).

Вопрос: что дает нам ощущение того, что мы нечто понимаем?

Акт «*использования*» в данном случае нацелен на понимание, однако ощущение неудовлетворенности данным использованием предполагает поиск нечто, которое бы удовлетворяло критериям акта нашего понимания самого акта понимания. *Поименованное понимание есть не то, что все хо-*

тят выразить или за что принимают, в итоге «примешивая» к пониманию акт использования данности. Увеличение количественного акта информационных знаков дает ощущение взаимодействия сложности, количества затраченного времени по достижению определённого результата, который нас удовлетворяет, заставляя смириться и принять тот факт, что усилие такого рода должно заканчиваться удовлетворением, которое элиминирует телеологическую составляющую актов дальнейшего исследования по отношению к нечто уже достигнутому, не задумываясь над тем, что сложность может вести в тупик или же вращаться по кругу событий, наполненных сложностью выражения количественных составляющих акта восприятия, которые инвариантно награждаются и достигают акта удовлетворения, то есть завуалированного знания по поводу эффекта понимания.

Следовательно, ощущение акта понимания важно отличать от того, что такое понимание на самом деле. Ощущение понимания или знания реализуется в матричных формах восприятия, о которых мы и поведем речь в данной главе.

* * *

По сути, мы говорим «одно», вы говорите нам нечто совсем «другое», при этом в итоге мы понимаем друг друга.

Вопрос: Как?

Так, допустим, мы говорим: «Какая хорошая погода сего-

дня», на что вы нам отвечаете: «Да, прекрасная».

В данном случае просматривается сопряженность: «погода», «я» и «вы». Погода может быть хороша или плоха только в акте нашего ее восприятия, оправдываемого (*объясняемого*) обычно за счет определения сопряженности и взаимодействия солнца, его лучей, туч, деревьев и т. п. Вычленив «хорошесть» из совокупности всего этого представления о ней не представляется возможным.

Дело в том, что «погода» есть понятие абстрактно-пространное по отношению к нескольким физическим состояниям, которыми мы характеризуем акт ее понимания. Наше восприятие ее «хорошести» выражено как «какая хорошая погода сегодня». Вы воспринимаете и понимаете данное определение за сотые доли секунды, не вычлняя и не синхронизируя всю совокупность тех физических состояний, которые порождают и вызывают в нас ощущения этой «хорошести». Далее, синхронизируя и обрабатывая полученную информацию, вы нам отвечаете «да, прекрасная». При этом ваш ответный посыл выражает все ту же степень «хорошести» по отношению к нашему ощущению этой «хорошести», при том, что сама «хорошесть» и «прекрасность» не определены и не понятны для нас никоим образом.

Мы применяем различного рода информационные выражения по отношению к абстракции в довольно конкретном виде, четко понимая, о чем идет речь. Возможность коммуникации относительно различного рода состояний неве-

роятна с точки зрения рассудка.

* * *

Как мы уже выяснили, каждое понятийное состояние или свойство выражаемо лишь за счет потенциальных матричных «*подразумеваемостей*» акта ее понимания, таких, например, как «*большие – шире*», где *шире* есть *толще* и т. п., где каждому подобному состоянию нужен контекст «*конкретности акта их употребления*». *Вопрос состоит в том, как возможно выбрать и применить этот контекст? Каковы его причины и как он выражается в идеальных и абстрактных понятиях, а также в реальном взаимодействии вещей (φύσις)?*

«*Матричность*» выражается в логической, стилистической, языковой и вообще во всей форменно-информационной составляющей акта нашей с вами действительности. Например, в словосочетании «*построить дом*» матричность реализована как акт «*понимаемости*» того, о чем идет речь, с вашей стороны, хотя объяснить, почему и как это возможно, занятие не такое простое, как мы уже показали выше.

Алгоритм выделения того, что и как мы понимаем нечто, «*матричен*», и это не так сложно доказать, так как в доказательстве лежит фактор «*убеждения*» и «*удовлетворенности*», которые суть коррелируют к акту осмысления и изменения, в том числе вашей точки зрения. *Это лучше всего ре-*

ализуется в акте примера.

Возьмем предложение: *«Мы воспринимаем то, что видим как набор букв, информационных составляющих (атомов) смысла и информации вообще».*

Наше восприятие данного предложения не содержит ничего *«удивительного»* или необычного. Это самое тривиальное предложение, построенное по *«привычной»* нам схеме, исполненной в логике алгоритма акта понимания. В нем мы выделяем подлежащее, сказуемое, знаки препинания и, что самое главное, улавливаем смысловое содержание данного предложения в акте нашего его понимания и восприятия. В нем по фактическому алгоритму реализации и стилистики выражения предложения мы реализуем акт его написания справа налево и т. п. Далее, можно сказать, что мы выделяем в качестве первоначальной единицы информационную точку *«Мы»*. Она состоит из двух символов, если брать в расчет буквенный фактор реализации *«информации»* (*который выделяем только мы*), ее восприятия и понимания и т. п.

Далее мы можем делить и разъяснять схему данного предложения по различным основаниям: грамматическим, стилистическим, психологическим и иным, которые мы считаем целесообразными в смысле рамок акта нашего их восприятия. При этом *«целесообразность»* такого деления не всегда вписывается в рамки объяснимых, *«алгоритмичных»* формул акта нашего восприятия и понимания.

Так, представим, что вы впервые в жизни видите данное

предложение и, более того, впервые сталкиваетесь с такого рода формой буквенного выражения, скажем, это предложение – ваше первое нечто которое вы воспринимаете в данном мире. В таком случае оно ничем не отличается от второй части набора символов в диаграмме «Мюнстенберга», которую мы представили выше.

Вопрос: Каков алгоритм вашего восприятия того, что есть?

Вы не знаете этого алгоритма и закономерности акта его реализации, вы как бы по наитию инвариантно стараетесь «уловить» нечто, которое вам инвариантно предлагается, более того, оно инвариантно вами осмысливается, так как осмысленность и восприятие лежат вне акта вашего контроля и выбора. Помимо всех традиционных форм восприятия, можно предположить, что, не видя и не осознавая смысла предложения в целом и его частей, а также их значения, мы будем выделять первичную «разность» сопоставления простейшего алгоритма акта «реализации» как такового.

Пока не знаем, почему и зачем «первичность» сводится к «тривиальности» и сопоставлению, но она всегда ищет путь в простоте акта своей реализации.

Итак, следуя алгоритму реализации «первичности», мы не гарантируем, что акт концентрации восприятия данного предложения, выраженный как «слева направо» или «справа налево», будет инвариантно реализован вами в акте понимания того, что вы делаете, так как пока что не выделяем дан-

ные характеристики акта восприятия и отличия за неимением таковых.

Вопрос в том, какой знак, буква или линия сконцентрирует и притянет акт вашего внимания по отношению к инвариантной реализации акта направленности и восприятия вообще? Можно сказать, что количество потенциально возможных вариантов такой концентрации ставится в зависимость от количества ситуаций, потенциально возможных и невозможных, а также с поправкой на восприятие в реализации акта его первичности.

Каков акт концентрации внимания в его первичности? Может, его вообще нет на данном этапе? Мы не в состоянии сделать вывод о том, есть ли вообще акт концентрации внимания на этих элементах, может быть, человек увидит пробелы, выражающие для нас то, что мы называем буквами, и найдёт в них смысл, который мы называем смыслом в матричности акта его восприятия, однако таковым не являющимся.

Мы ничего не знаем даже о том, что полагаем в качестве нечто уже понятого.

Следовательно, количество и алгоритм акта восприятия нами данного предложения не складывается в акт восприятия того, что может восприниматься как предложение или вообще как информационная составляющая, выраженная им. В данной первичности непредсказуемость восприятия граничит со степенью и количеством всего воспринимаемого

в мире. То есть никто не гарантирует аналогию восприятия предложения или же восприятия цвета или света, камня на параллельном и тождественном уровне, то есть на уровне их восприятия и представления нами. Предложение может рассматриваться как нечто, которое есть «*форменность*» безотносительно несения какой-либо информационной составляющей. В этом случае камень ничуть не хуже или лучше предложения как такового и не более или менее информативен, так как для акта восприятия его в качестве такового нет никаких предпосылок.

Первичность акта восприятия характеризуется голым фактом констатации.

Находясь перед фактом должествующего и инвариантного акта восприятия данного предложения, можно вывести тысячи способов его понимания и восприятия. При этом никто из читателей, скорее всего, не предполагает, какова степень информационного разнообразия данного предложения, представленного как нечто целое в векторе акта его определённого понимания. Рассмотрим один из таких примеров, а затем постарайтесь ответить на вопрос: могли ли вы представить себе именно такой способ (вариант) толкования данного предложения?

Пример:

«Мы воспринимаем то, что видим как набор букв, информационных составляющих (атомов) смысла и информации вообще». Воспринимая данное предложение как ин-

формационное нечто, выделим предположительную «первичность» – «М». Ее мы разделим на четыре линии, две из которых вертикальные и две вертикально наклонные на определенный градус, который мы называем уклон. Далее мы возьмём следующее за «М» информационное состояние «ы», при условии нашего матричного акта восприятия его как такового (*сопоставления, разделения, анализа, синтеза, дальше, больше, прогрессивнее и т. п.*). Оно, во-первых, меньше, во-вторых, структурировано по-другому, в нем мы выделяем две вертикальные линии, основание одной из которых заканчивается полукругом, который в отдельном своем состоянии ничего не означает и не несет никакой информации. Более того, информационное состояние «ы» мы можем наблюдать на «расстоянии» между этими линиями и линиями информационного состояния «М», определив, что они находятся на разном расстоянии.

Вопрос: имеет ли это значение и отличается ли это расстояние от других ее эквивалентов? Влияет ли оно на смысл акта его восприятия и какова природа их разности? Влияет ли разноразмерность на акт ее дальнейшего соотношения с тем, что будет рассматриваться дальше? Данные вопросы требуют своего отдельного аспекта рассмотрения.

Далее нам необходим алгоритм восприятия «дальше» для достижения определённого результата, где последний выступает как нечто конечное в выражении акта своей матричности и т. п., то есть для любого акта восприятия необходимо

«восприятие».

Затем мы можем рассмотреть проблемы акта восприятия вышеуказанного предложения как проблемы между повторяющимися символами, например, «М» и «м». В понятии «видим» мы можем сказать, что «в» есть знак иной информационной и форменной составляющей чем, «ы» и «М», где первое информационное состояние, характеризующееся наличием вертикальной линии, заканчивается полукругом, а в случае с «в» двумя полукругами – в начале и в конце.

В общем и целом таких вариантов или алгоритмов восприятия в разности актов его подразумеваемого состояния бесконечное множество.

Вопросов также много. Как, например, определить, где начало и конец? Как определить, что мы на что-то опираемся в осознанности акта восприятия, то есть восприятие изначально определено алгоритмами, например, первичности, вторичности, длины, меры, сопоставления и т. п.

Мы заранее интуитивно знаем, как это есть, но не понимаем, как это есть.

Сами акты выражения того или иного состояния могут быть не теми, например, состояния «вертикальное» и «горизонтальное» могут не иметь никакого значения, так как падать можно и вперед, а если убрать ориентиры, то при падении можно и не ощущать падения или перемещения как такового вообще.

Соотношение членов предложения по различным их

основаниям слишком велико, так почему мы воспринимаем их как «буквы» и как «понятия»? Что привело нас к такому акту их употребления? Почему, даже если нам дадут ответы, мы не удовлетворимся ими?

Дело в том, что, как можно видеть, в рамках одного предложения мы можем находиться постоянно, так как анализ восприятия строения воспринимаемого (вектора мысли) бесконечен по отношению к количеству факторов акта восприятия на единицу времени.

** * **

Другой пример, который мы еще затронем в аспекте «Наука о конкретном», касается трансформации смысловой составляющей одного понятия «сидеть», в другое понятие «смотреть».

Реакция на такую подмену в матричной форме акта восприятия будет равняться умозаключению абсурдности такого рода определениями. Это связано с объяснением того, что функционал ягодиц заключается в сидении, а функционал глаз в смотреии. Для этого не требуется особых доказательств по причине абсолютной «очевидности» того, что это так и есть на самом деле. Факт того, что мы называем объяснением и определением, как сказано выше, структурирован по принципу привычности воспринимаемого именно определенным образом и не может восприниматься никак ина-

че. Это попросту привычно, а значит, стабильно, не опасно, положительно и т. п., согласно градации факторов акта восприятия. Непривычность вызывает тревогу и порождает то, что мы называем сомнением. Сомнение в своей сущности есть не что иное, как реакция на нечто, которое может быть ложно по определенным причинам. Причин таковых тысячи, однако они, как и остальные матричные формы рефлексии, характеризуются соотношением того, что есть (опытная составляющая), и того, что предлагается в виде новой информационной посылки.

В нашем примере следует отметить, что смотреть, например, сидя, мы в состоянии, однако при реализации все того же смотрения, например, стоя, реализация смотрения не прерывается, но прекращается возможность реализации сидения. И наоборот, например, в темноте мы в состоянии реализовать без труда состояние «*сидеть*», однако состояние «*видеть*» в данном случае полностью элиминируется. То есть при изменении условий, в нашем примере положения тела и наличия темноты, данные состояния теряют свое существование. При этом определение «*сидения*» и «*смотрения*» сохраняется вне зависимости от того, когда и при каких условиях данная функция себя проявит. Следовательно, определения данных понятий сохраняются в виде образов в нашем опыте только лишь на основании общественного консенсуса по отношению к форме выражения понятий, а не самих состояний, определяемых как «*смотрение*» или

«сидение». В конце концов, следует признать тот факт, что матричная форма восприятия и описания сводится к поиску таких состояний, которые восприняты нами в опыте общественного консенсуса.

С этой точки зрения никакой разницы между определением сидения и смотрения нет, так как нет никаких оснований говорить, что знаковая составляющая одного понятия больше или отлична от знаковой составляющей другого, так как знаковая составляющая каждого понятия с необходимостью есть одно и то же, но предстает разностью лишь посредством нашей матричной формы разграничения, на основе, как мы уже показали, довольно спорной.

В связи с этим говорить и утверждать, что земля круглая, а не квадратная, преждевременно в соответствии с четким осознанием понятия неопределенности.

* * *

Неопределённость сама по себе определена и очерчена довольно четко, однако, как мы уже выяснили, четкость и определенность могут таковыми и не быть. Приведем следующий пример для тех, кто не согласен с такого рода выводами.

Диалог экзаменатора и студента:

Экзаменатор: итак, расскажите нам, что такое мораль.

Студент: мораль – это совокупность норм поведения людей в обществе.

Экзаменатор: так, правильно, продолжайте.

Студент: мораль – это соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест...

Экзаменатор: что за бред, какой огурец!?

Вопрос: почему в данном случае получились две диаметрально противоположные реакции со стороны экзаменатора на один и тот же поставленный вопрос? Каковы мотивы отрицания и одобрения того, что было сказано студентом, со стороны экзаменатора?

В первом ответе совокупность норм поведения соответствовала ожиданиям и привычности восприятия посылки, выраженной в виде вопроса со стороны экзаменатора. Во втором варианте несвойственность употребления контекста приводит к реакции отрицания воспринятого в качестве посылки на ответ, исходящий некогда от экзаменатора.

То есть опытная составляющая экзаменатора не в состоянии воспринять то, что ожидалось услышать.

Информационная матричность по отношению к «ожидаемому» результату сводится к получению достоверного знания.

В результате появляется соответствующая негативная реакция на нечто новое, с одной стороны, и нечто ложное – с другой. Как уже было упомянуто ранее, ожидание ответа на вопрос характеризуется и сопровождается несколькими составляющими:

первое – это нечто, которое находится в рамках «понима-

емости», грубо говоря, важна знаковая, языковая, внешне форменно привычная и единственно воспринимаемая компонента, выраженная в нашем случае в предложении, состоящем из комбинации букв;

второе – общественная компонента, впитанная экзаменатором в ходе своего социального развития, в том числе психического, что дает ему право воспринимать только ту информацию, которая, по его мнению и мнению общества составляет, корректность посылка: *вопрос = ответ*;

третье – корректность или некорректность ответа или итога зависит от «частоты употребляемости» и постановки социальных ориентиров, направленных и воспринимаемых нами как благо (*общественное признание, самооценка, повышение денежного довольствия, полезность результата в практическом плане и т. п.*);

четвертое – именно полезность (в нашем понимании), а не сам ответ, как информационная составляющая, интересует экзаменатора, его целевые установки направлены либо на принятие, либо на отрицание принятия такого рода ответа;

пятое – отрицание второго ответа и принятие первого ответа в нашем диалоге говорит о том, что форменная составляющая обоих ответов на поставленный вопрос корректна, а некорректна реакция на его исход, выраженный в нарушении «ожидаемого».

Вывод:

Смысловая сопряженность формируется на основе подра-

зумеваемого в рамках ассоциативного мышления нечто воспринятого. Воспринятое обладает своим фактором акта понимания, более того, сам факт соединения смысла в нечто понятное есть уникальное состояние осознания факта понимания до того, как мы его поймем и проанализируем.

Последовательность мыслительного процесса говорит о факторе «набора» и «последовательности» как таковой, а также о ее взаимодействии с фактами, которые мы хотим выразить. То есть «выражаемость», «последовательность» и «факторность» консолидируются в алгоритме «действия» и его «реализации».

«Алгоритмичность» и «матричность», а также удовлетворенность есть суть ограниченные формы, повторяющиеся диалектические состояния. Удовлетворение жажды единжды порождает потребность в ее утолении еще раз и затем еще. Элиминирование страстей или акта удовлетворения говорит о том, что если нет причины, то нет и необходимости в удовлетворении этой причины, следовательно, проблемы достижения чего-либо кроются в избавлении от удовлетворения или довольствия чем-либо с целью восприятия и достижения «истинной необходимости».

Возвращаясь к нашему примеру, необходимо подчеркнуть, что «ожидаемость» итога говорит нам, во-первых, о том, что, ставя вопрос, мы ожидаем нечто, которое мы назовем ответом, при этом представлять ожидание без его конкретной компонентной и опытной составляющей невозможно.

но, следовательно, «*ожидаемость*», так сказать, ожидаема. Ставя вопрос, мы алгоритмично настроены на отклик в виде ответа, вот отличный пример невозможности реализации акта деятельности без алгоритма построения и ожидания этой деятельности. Алгоритм ожидания информационной составляющей, выраженной в ответе, есть суть неизбежность формирования любых других алгоритмов, эмоциональных, понятийных, психических и т. п., которые ведут к тому, что есть удовлетворенность.

Векторы направления, такие как «*то*», «*из чего*», «*посредством чего*», «*что*», «*как*» и т. п., характеризуют перенос состояния одного компонента восприятия на другой компонент восприятия, который воспринимается нами как «*нечто*», которое есть «*иное*» по отношению к тому и до того, как был использован вектор.

Рассмотрим это на примере понятия «*груша*». Вектор – это то, из чего состоит груша, компонент переключения состояния на «*то, из чего она состоит*». Он реализуется в многофакторной подразумеваемости того, что мы называем определением или описанием. Например, груша состоит из мякоти и косточек, кожуры и т. п. Векторные состояния характеризуются отсылкой и формированием подразумеваемого состояния в том, что даётся изначально. «*Начальность*», или первичность, есть вопрос, характеризующийся в реализации векторов ограниченного действия. Ограниченность есть вектор, направляющий развитие восприятия в то,

что называется необходимым и достаточным для акта удовлетворения.

«Ответность» характеризуется набором алгоритмических состояний с заданным вектором на то, что называется пониманием. Мы не знаем, что это такое, однако уверены в том, что это именно то, что характеризует наше ощущение в том, что оно именно «то», посредством чего удовлетворяется и реализуется «ответность».

*«Ответность» и вообще практически все понятия необъяснимы с помощью инструментария, называемого рациональностью. Дело в том, что от того, что мы ощущаем и что говорим, не меняется фактор реализации и наличия ощущения и говорения. Алгоритм и вектор понимания строится по принципу данности направлений деятельности при неосознанном отношении к ограниченности и алгоритмичности процессов того самого, что мы называем *познанием*.*

Итак, ответом на поставленный вопрос всегда является степень его удовлетворенности на воспринятое в акте того, что человек говорит и как слушающий это воспринимает. Восприятие всего того, что мы характеризуем как знание, есть алгоритм, выраженный в формуле выхода «за рамки», нечто новое, неизвестное, шокирующее, удовлетворительное, согласуемое с нашими предпочтениями и т. п. Данный набор того, что характеризует степень и алгоритм правильности и удовлетворенности, лежит в наборе таких выра-

жений, которыми мы характеризуем, пусть и с большой долей условности, то, что и составляет важность и цель нашей жизнедеятельности.

* * *

Компенсаторность – это единственный возможный путь реализации нечто одного посредством отсутствия такой возможности у другого. Невозможность предстает не как отсутствие, но как возможность, однако предпочтительно реализуемая в нечто ином. Сама возможность реализации одного лежит в плоскости невозможности реализации иного, как единственной причины возможности акта существования этого «одного».

Матричность восприятия и его алгоритмия строится по принципу возможности одного посредством невозможности другого. Так, рождение невозможно без смерти, и в то же время в акте рождения нет акта смерти, так как возможность акта рождения полностью подчинена зависимости невозможности в тот же момент акта смерти.

Наша «матричность», или «алгоритмия» проявления акта восприятия и выражения, построена по известным и привычным нам схемам. Мы воспринимаем нечто, ощущаем, исследуем и стараемся «задать вопросы», которые реализуются и воспринимаются как нечто, которое именно необходимо в ходе все того же акта восприятия. Вопрос кор-

релирует к тому, что мы называем ответ, его итог воспринимается как нечто, которое удовлетворяет и объясняет необходимость в том, что мы называем новыми вопросами.

Нас интересует вопрос, почему, как и зачем мы воспринимаем результаты такого восприятия, какой в этом смысл и т. п.? Почему «алгоритмия» восприятия построена так, что все, что не воспринимается, становится актом неудовлетворенности в том, что уже есть, зачем мы постоянно ищем нечто «за» рамками, как нам кажется, понимания? Сама стилистика алгоритмов очень сложна, при этом сложность воспринимается нами как нечто такое, которое не является простым, при том что простота – величина неопределимая и чрезвычайно валотильная. Однако понимание ее мы имеем, при том что все научные факты и сама логика построения восприятия говорит о невозможности понимания того, что нами не понимается. При этом понимание воспринимается нами как нечто, которое есть некий акт, посредством которого мы достигаем некоторой точки, при которой вопросность предыдущего восприятия отпадает.

Понимание есть не акт понимания как таковой, но есть акт удовлетворения «порывом», поиском того, что нас волновало и тревожило. То есть понимание есть акт, направленный на расширение непонимания, при котором само усилие и поиск ценится и воспринимается как акт. Проблема в том, что алгоритмия строится по принципу привычности. *Ведь если вопрос не называть вопросом, а ответ ответом, при всей*

справедливости мы не найдем и одного признака отличающих их качеств. Как отличить, что есть вопрос и что есть ответ, как мы различаем тысячи, по сути, звуков, складывая их в единую систему? Почему сложение, прогнозирование, сопоставление и иные методики научного знания есть и воспринимаются как нечто, которое достигает акта «понимания»? Невозможно отличить, что есть вопрос и что есть ответ в их абсолютной форме, они просто «есть».

Невозможность понимания кроется в том, что все, что воспринимается, есть воспринимаемое.

Например, информация (знание) о том, что земля круглая, делает предсказуемым последствия такого восприятия предметов и явлений, как окружность и планета, при том что образ планеты нам неизвестен, так же как и образ круга нельзя познать опытным путем, так как неповторимость опытных предметов, составляющих круг, не есть круг, но есть акт его реализации.

Дело в том, что мы, того не зная, употребляем нечто, которые есть суть «непонятность» и в то же время единственное то, за что мы можем цепляться в силу реализации целей жизнедеятельности. Например, окончательность, четкость, понятность и т. п. есть состояния, которые характеризуют то, что мы называем актом понимания и удовлетворённости. Если заменить данные понятия такими, как безответственность, стул, созвездие, то вы скажете, что такие состояния характеризуются непо-

ниманием. В чем разница между первой группой состояний, выраженных, как нам кажется, актом понимания и разумности, и второй тройкой, которая кажется абсурдной и ведущей к потере понимания и здравого смысла? Алгоритм «объяснения», как нам кажется, ведет к пониманию. В то же время «объяснение» предстает как последовательность логических понятий, ведущих к акту разъяснения. Эта последовательность исходит из того, что мы знаем и четко понимаем «исходные» качества того, о чем говорим и утверждаем. Конечность понимания первоначальных утверждений строится по принципу разложения исходного понятия на определение, которое есть суть «раскрытие» нечего, ведущего к акту понимания. Итак, раскроем одно понятие из первой тройки и одно понятие из второй.

Окончателность — это выражение состояния «итоговости» в каком-либо процессе.

Безответственность есть халатное отношение к чему-либо.

Итак, такого рода определения, считаем, ведут к пониманию того, что они обозначаются в том, как мы их понимаем. Однако при этом каждое понятие в определении есть не что иное, как выражение не изначального понятия, но выступает актом проявления своей самостоятельной сущности, понятийной единицы, которая суть есть выражение того, что она выражает, а выражает она не то, что мы пытаемся объяснить. Как это доказать? Ска-

жем, «окончателъность» не равна «выражению», и «выражение» не равно «окончателъности». Безответственность не есть «отношение», и «отношение» не есть «безответственность». Они косвенно и синтетически соединяются в нечто нами понимаемое, но никак не вписывающееся в логику построения понятий и его смысла.

То есть определение не есть степень или вообще момент и акт понимания, оно есть форма, которая, как нам кажется, должна это делать.

Если мы скажем, что дождь льется на землю вниз благодаря притяжению земли, то это не значит, что притяжение объясняет состояние «дождя», а «дождь» объясняет понятие «земли» и «земля» – «притяжение». Однако интегративное использование этих компонентов логически и интуитивно нам понятны.

Следовательно, понятность не есть восприятие понятийных и смысловых алгоритмов, она есть нечто, которое независимо от внешних алгоритмов и наборов матричных высказываний, понятий, предложений, логических и иных форм выражения, она есть свойство, которое в принципе есть и исчерпывается окончательностью того, что мы ограничены актом ее понимания.

Машина должна ехать (двигаться). Если она едет медленно, будет ли это состояние характеризоваться движением? Если она едет быстро – это движение? Какова грань диверсификации быстроты и медленности? Ее нет и невозможно

но определить, зафиксировать, как нам кажется, в «*окончательном варианте*», и все же мы воспринимаем и быстроту, и медленность. Движение независимо, таким образом, от скорости, однако, если нет скорости, то возникает состояние покоя, которое характеризуется отсутствием движения. Движение производно от покоя или нет? Что есть покой? Неподвижность или же отсутствие, в смысле существования?

Оперируя тысячами понятий и категорий, мы не знаем, что это такое, однако хорошо представляем себе все же, «*что это такое*», так как употребление этого делает его возможным, а значит, и необходимым для акта существования.

В целом то, что мы называем знанием, есть не что иное, как вера в эти знания.

Алгоритмия взаимодействий хорошо знакома в практике употребления, однако же не вписывается в то, что мы называем пониманием. Старше есть суть прежде, то есть до, то есть выше, древнее, суть назад и т. п. Эти ассоциативные связи отдельных и разрозненных понятий составляют неизвестный контекст употребления и взаимодействия. Стилистически форменно старше есть старше, однако оно немислимо без всего того, что есть помимо старше. Старше может выражать степень превосходства, например знания или религии и т. п. Однако что есть суть превосходство и каковы характеристики его восприятия? Прельщение или фактор доказанности строится по принципу старшинства, которому коррелирует древность, мудрость, степенность и далее

в логической форме восприятия как достоверность, истинность и удовлетворительная степень ощущения верности целевой установки в совокупности с опытом (*информации о том, что это достоверно*). Остается много вопросов относительно форм восприятия алгоритмии матричности, но в целом она коррелирует к акту стабильного понимания, или точнее веры, в такого рода ощущение понимания.

Опыт воспринимается как нечто прошедшее, а последнее как нечто то, что прошло и отложилось, последнее как нечто бывшее и полезное для последующего.

Итак, кажется, необходимо прояснить некоторые моменты относительно сказанного, и, как вы уже догадались мы пользуемся алгоритмом удобства в противовес алгоритму привычного повествования, а следовательно, пришло время сделать введение.

Введение

Если вам говорят: «подумайте», и после этого вы подставляете пальцы, находящиеся в определенной позиции глубокомыслия ко лбу, то это вовсе не значит, что вы думаете в этот момент, это означает лишь матричное выражение того, как вы понимаете акт «думания».

Автор

Каждый момент нашей жизни характеризуется восприятием чего-либо и выражением этого восприятия вовне. Что первичнее, воспринятое или воспринимаемое? Почему и зачем мы ставим вопрос таким, а не иным образом? Почему как нам кажется, на вопрос мы возводим ответ в ранг того, что должно быть понятно или проясняемо по сравнению с первоначальным восприятием того, что непонятно? Какова непонятность и составляющая характеристика понимания? Каков наш акт реализации понимания и осознания? Почему и для чего последовательность комбинаций символической формы выражения зависит от вопроса и построенных комбинаций понятий? Какова роль комбинаций? Каков смысл выражений и вообще что есть «выражать» и что есть «что»?

Первичность характеризуется тем неведомым состоянием, разгадав которое, мы получим нечто,

во-первых, не совсем понятное, а во-вторых, как нам кажется, удовлетворительное.

Первичность и вопросы, затрагивающие подобные состояния, строятся, как говорят, из любопытства познания. Однако познания чего и для чего? Круг этих вопросов варьируется от простого любопытства до невероятных теорий знания, которое может «открыться» при разгадке данных вопросов. С целью исследования такого рода восприятия, а точнее его такого привычного нам восприятия, необходимо обратиться, как это принято, к древности. Таков алгоритм построения и изложения «серьезного» исследования. То есть «древность» воспринимается нами как нечто, таящее в себе, во-первых, опыт предыдущих поколений и их взгляды на вопросы, интересующие и нас; во-вторых, первоначальность и исходность характеризуются прошлым, которое возводится нами самими в ранг актуальности.

Дело в том, что мы строим свою жизнь в рамках определённой схемы, которая имеет четкую структуру и предсказуемые алгоритмы.

С чем это связано? Предсказуемость и матричность, но в то же время осознание правильности и неправильности, обреченность на постоянный поиск реализуются в форменной постановке того, что мы называем вопрос. «Первичность» и «древность» всегда характеризуются как «достоверность» и «правильность». По крайней мере, никак не выступают вредными или иными факторами, не требующими

нашего внимания к их изучению. Матричность и загадочность первичности, или первого, древнего, или исторического, авторитетного или не очень, знатного и т. п., полностью окутала нашу жизнь. При первой попытке объяснить данную матричность факторов восприятия приходится констатировать и наблюдать бездну непонимания и отчаяния разобраться и положить хотя бы не конец, но начало такого рода рассуждениям.

Почему чувственно воспринимая смех, мы делаем гримасу, выраженную в улыбке и сопровождаемую испусканием звуков с определённым интервалом и периодичностью, причем уникальной и неповторимой? Почему понятие «есть» выражается в поглощении внешних объектов, таких как фрукты или овощи? Или же есть в смысле существовать?

Когда мы добавляем (говорим) форменное понятие «фрукт», вы сразу отбрасываете подразумеваемое «существовать» и воспринимаете «есть» как процесс поглощения еды. Мы зависимы от восприятия «еды» в разных проявлениях ее эквивалентов, и у нас для выражения какого-либо их данных матричных состояний восприятия нет подходящих и более точных, как нам кажется, слов и словосочетаний, чем те исходные слова и понятия, которыми мы обозначаем те или иные действия, совершаемые нами. То есть, например, для процесса поглощения жидкости у нас есть понятие «пить». При этом «пить» более удобно, емко и понимаемо в нашем восприятии, чем «процесс поглощения жидко-

сти», под которым все так же подразумевается поглощение жидкости, то есть *поглощение жидкости как питье более «научно», чем просто состояние «пить»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.